This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

U.A.N.
A35

406 a/1/1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 10 Февраля 1847 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Муравьев, М.Н.

СОЧИНЕНІЯ

МУРАВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1847.

PG3317
N18
1917
V.1

Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-го ТОМА.

СОЧИНЕНІЙ МУРАВЬЕВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	стр.
Видѣніе	3
Военная пѣснь 1773 года	7
Эклога А. В. О. . .ву	11
Жребій Декартовъ	16
Къ славному мореходцу Берингу	17
Избраніе стихотворца	—
Приглашеніе	18
Путешествіе	—
Сельская жизнь	21
Болеславъ, король Польскій	22
Фарсальская битва	25
Ночь	28
Зрѣніе	30
Несчастіе	33
Неизвѣстность жизни	34
Размышленіе	—
Богинѣ Невы	35
Храмъ Марсовъ	37
Объ ученіи природы	48
Роща	50
Письмо къ Ѳеонѣ	53
Къ Хемницеру	55
Къ Ѳеонѣ	57
Эпистола къ Е. П. Ивану Петровичу Тургеневу	62

стр.
Къ Музѣ 65
Надгробная Елисаветѣ Львовнѣ Нарышкиной . . . 68

ПРОЗА.

Обитатель предмѣстія 71
Эмиліевы письма 112
Тетрадь для сочиненій:
Избраніе Геркулеса. 175
Несогласіе вождей — пагуба народовъ 176
Благоразуміе, соединенное съ мужествомъ, превозмогаетъ, рано или поздно, величайшія препятствія. 177
Общежительность 178
Анхисъ и Эней 179
Вольность. 181
Плѣнники. 182
Общество добрыхъ людей. 185
Общее благоволеніе къ человѣческому роду. . 186
Домашнее благополучіе. 188
Дружество великаго человѣка 190
Примѣръ Государя. 193
Нравственное чувство 195
Соболѣзнованіе къ страждущимъ. 197
Установленіе гражданскаго общества въ Греціи 199
Путешествіе Анахарсиса 200
Опыты, касающіеся военной исторіи. 202
Польза законовъ и мира 205
Предложеніе 208
Доброе дитя, драматическая сказочка 211
Оскольдъ, повѣсть 223
Разговоры мертвыхъ:
Ромулъ и Кій 247
Гостомыслъ и Ярославъ I. 249
Рюрикъ и Олегъ. 251

стр.
Игорь и Ольга 254
Владиміръ и Карлъ Великій 256
Святославъ и Ярополкъ 258
Карлъ XII и Святославъ I 260
Ярославъ и лѣтописатель Несторъ . . . 265
Изяславъ и Всеволодъ 266
Святославъ и Владиміръ Мономахъ 268
Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ I 270
Ярополкъ и Всеволодъ II 273
Изяславъ II Мстиславичъ и Георгій Владиміровичъ Долгорукій 274
Андрей Юрьевичъ Боголюбскій и Всеволодъ III Юрьевичъ 277
Константинъ и Георгій Всеволодовичи . . . 279
Александръ Невскій и Михаилъ Тверской . . 281
Александръ Невскій и Димитрій Донской . . 285
Владиміръ Великій и Іоаннъ Васильевичъ . . 286
Романъ Юрьевичъ Захарьинъ и окольничій Алешевъ 288
Князь Пожарскій и Косьма Мининъ Мининъ . . 290
Патріархъ Никонъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ . . 295
Горацій и князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ 291

Опыты Исторіи:

Ученіе Исторіи 306
О Исторіи и историкахъ 308
Историки древности 313
Противоположеніе дикости и просвѣщенія . . 316
Героическія времена 319
Греческія установленія 323
Предпріятіе Аннибала противъ Рима . . . 325
Августовъ вѣкъ 338
Раздробленіе и соединеніе государствъ . . . 341
Слабость удѣльнаго правленія 344
Открытіе Восточной Индіи 350

стр.
Конецъ XV и начало XVI вѣка 353
XVIII вѣкъ 358
Эпохи Россійской Имперіи:
Учрежденіе единоначалія 363
Раздѣленіе Россіи 366
Покореніе Россіи. 370
Письма къ молодому человѣку о предметахъ, касающихся Исторіи и описанія Россіи. 375
Естественное положеніе Россіи 380
О естественныхъ произведеніяхъ Россіи . . . 383
Землеописаніе Южной Россіи 386
Землеописаніе сѣверо-западной Россіи 389
Войны, которыя имѣла Россія съ Польшею и Швеціею 391
Войны съ Турками. 394
Сношенія Россіи съ Нѣмецкою Землею. . . . 397
Дѣла съ Персіею 400
Пріобрѣтеніе Сибири. 402
Сообщенія съ Китаемъ. 404
Торговля съ Азіятскими народами 407
Морскія открытія Россіянъ. 410
Заведеніе Архангельска 412
Основаніе Санктпетербурга 415
Перемѣны военнаго искусства въ Россіи . . . 418
Заведеніе россійскаго флота. 420
Государственные доходы 423
Законоположеніе. 426
Мануфактуры 429
Художества россійскія 432
Видъ россійской торговли 434
Исторія изящныхъ письменъ россійскихъ. . . 436
О дворянскомъ состояніи 439
Послѣдованіе государей. 441
О политическихъ сношеніяхъ Россіи. 443

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЯ

МУРАВЬЕВА.

ВИДѢНІЕ.

—

Въ тотъ день, какъ солнцева горяща колесница,
Оставивъ область Льва, къ тебѣ, небесна Жница,
Стремится перейти въ прохладнѣйшій предѣлъ,
Какъ ратай точитъ серпъ и желтый класъ созрѣлъ,
Ужъ солнечны лучи вселенну освѣщали,
А надъ главой моей сны легкіе летали.
И вдругъ мнѣ видится прекрасная страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ прохладная весна:
Гдѣ извиваются между холмовъ долины,
И смотрятся въ водахъ высокихъ древъ вершины.
Близъ рощи зрѣлъ себя: лавровый лѣсъ то былъ,
Откуда старецъ мнѣ на-встрѣчу выходилъ,
Съ челомъ возвышеннымъ, съ горячими очами;
Въ рукѣ онъ свитокъ несъ. Свободными рѣчами

Съ симъ старцемъ я вступить дерзаю въ разговоръ:
«На сей священный холмъ взведи свой жадный взоръ,»
Сказалъ онъ: «здѣсь живутъ тобою чтимы музы.
Доколѣ сонъ свои съ тебя не сниметъ узы,
Ты можешь въ тайное жилище ихъ войти.
Пойдемъ, мои слѣды потщися соблюсти.»
Съ благоговѣніемъ я руки простираю
Ко старцу мудрому, и воздухъ обнимаю.
«Ты видишь только тѣнь,» вѣщаетъ старецъ мнѣ:
«Со смертнымъ тѣломъ въ сей не можно жить странѣ.
И я былъ нѣкогда во тлѣнномъ вашемъ свѣтѣ,
Царицы бодрыя участвовалъ въ Совѣтѣ,
Ученьемъ услаждалъ труды гражданскихъ дѣлъ,
За то мнѣ былъ отверстъ по смерти сей предѣлъ.
Ты мѣстъ сихъ насладись видѣніемъ мгновеннымъ.»
Вѣщая такъ, пришли къ предѣламъ сокровеннымъ,
Въ которыхъ странствуютъ тѣни счастливыхъ тѣней,
Что мирнымъ славились согласьемъ въ жизни сей.
Тамъ нераздѣльные Тибуллъ съ Анакреономъ,
Тамъ сладкій Феокритъ бесѣдуетъ съ Віономъ:
Тамъ Сапфу мнѣ Лонгинъ указывалъ рукой.
(Такъ именуется путеводитель мой.)
Какъ пчелъ шумящій рой, погодою прельщенный,
Собравшись на лужекъ, цвѣтами испещренный,
Летаетъ, сладкою добычью отягченъ,
Такъ зрится въ рощахъ сихъ пѣвцовъ сонмъ стѣсненъ.
Стезею тайною приближась, мы узрѣли

Великолѣпный храмъ. Коринѳски капители
Высокій съ легкостью поддерживали кровъ.
Изображенія пѣтовъ межъ столбовъ
Служили красотой пространныхъ переходовъ.
Здѣсь, вождь мой говорилъ, пѣты всѣхъ народовъ.
Всѣ современники, верховные умы,
И новыхъ съ древними не знаемъ распри мы.
Расиновъ образъ здѣсь зришь возлѣ Эврипида,
Съ Эсхиломъ Шекеспиръ неправильнаго вида,
Истолкователь мой со мною Буало.
И Попа къ намъ въ союзъ безсмертье привело.
Тѣ, кои въ жизнь свою внушались Аполлономъ,
Всѣ удостоены симъ общимъ Пантеономъ:
И часто музы зрѣть приходятъ ихъ черты,
Сбирая для вѣнцовъ имъ свѣжіе цвѣты.
Бесѣдуя, вошли во внутренность мы храма,
Гдѣ разносилися куренья ѳиміама,
Который на огнѣ священномъ нимфа жгла
И лаврами руки богини обвила
Алтарь священный твой, даровъ податель Геній!
Четыре лика вкругъ со тьмой изображеній.
По правой сторонѣ твой ликъ былъ изваянъ,
Божественный пѣвецъ Ахеевъ, и Троянъ,
Мелесовъ сынъ, Гомеръ, сіяющъ красотою,
Не связанъ взоръ его тѣлесной слѣпотою.
Какъ пламень, сильный даръ и слово, какъ рѣка,
Въ подножіи его изъ адаманта дска,
Въ которой Ахиллесъ является съ раскату
И взоръ его побѣгъ влагаетъ сопостату.
Въ глубоку нощь Пріамъ приходитъ сокрушенъ
Ту руку лобызать, которой сынъ сраженъ.

Насупротивъ сего величественна лика
Мароновъ ликъ стоитъ: почтенья полнъ велика.
Онъ внемлетъ, кажется, Гомеровы уста.
Одушевляетъ взоръ небесна красота.
Сей вкусъ приличности, любезная стыдливость
И Августовыхъ дней сіянье и учтивость.
Внизу на дскѣ златой пылаетъ Иліонъ,
Энеевъ зрѣть побѣгъ Дидона рушитъ сонъ,
И тѣни сильныя, днесь тихи, послѣ громки,
Анхизовъ слышатъ гласъ Энеевы потомки.
Съ Гомеровой страны, на третіей чредѣ,
Четыре лебедя, Олимпа посредѣ,
Торжественную вверхъ взносили колесницу,
Въ ней Пиндаръ превышалъ всходящую денницу.
Когда героевъ онъ хвалами восхищалъ,
Премудрости училъ, гордиться воспрещалъ.
Противу Пиндара являлся Пиндаръ Россовъ,
Краса отечества, безсмертный Ломоносовъ,
Превыше облаковъ, скорѣй летящихъ стрѣлъ
Со молніей въ когтяхъ, взвивался съ нимъ орелъ
И лился гласъ рѣкой съ верховъ Рифейскихъ снѣжныхъ.
Въ щитѣ представленъ Петръ среди стрѣльцовъ мятежныхъ,
Въ поляхъ, моряхъ герой и первый изъ Царей.
Видѣньемъ насладясь чудесныхъ сихъ вещей,
Мой слухъ ко пѣнью музъ, казалось, отверзался:
Уже въ святилище вступить я покушался,
Какъ вдругъ: «Остановись!» сказалъ мнѣ Аполлонъ,
Сказалъ, и храмъ исчезъ, а съ нимъ и дивный сонъ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ.

(1773.)

—

Младые воины! сберитесь
На сродный вамъ военный гласъ,
И болѣ славой возгритесь:
Не для другихъ пою, для васъ.
Для васъ я лиру восхищаю
И въ дерзкихъ мыслях обращаю
Петра Великаго дѣла.
Онъ міръ наполнилъ громкой славой.
Мужайтесь, зрите подъ Полтавой
Паренье Росскаго орла.

Ахъ! какъ мнѣ пѣть дѣла Петровы?
О нихъ я мало бы гремѣлъ,
Когда бъ мой гласъ былъ гласъ громовый,
И грудь я мѣдяну имѣлъ,
Мнѣ скудны силы препинаютъ,
Но музы гласомъ ободряютъ,
Велятъ на лирѣ пѣть Петра.
Отецъ Россійскаго народа!
Прости, что дерзостна свобода
Къ вѣщанью дѣлъ Твоихъ скора.

Царей со знаменьемъ Россійскихъ
Се ново войско, новый флотъ;

Нева несетъ до волнъ Балтійскихъ
Враговъ разметанный оплотъ;
Надменный Ругодевъ трепещетъ;
И только мечъ Петровъ возблещетъ —
Пылаютъ мстительны огни!
Безъ пользы въ Росскіе предѣлы
Преноситъ Карлъ громовы стрѣлы; —
Погасли предъ Петромъ они.

Петра мнилъ Карлъ Дванадесятый
Навѣтомъ хитрымъ одолѣть.
Отринутъ умыслъ предпріятый:
Онъ палъ, въ свою уловленъ сѣть.
Напрасно льститъ Ему Мазепа:
Уже пылаетъ брань свирѣпа
Передъ Полтавскою стѣной.
Въ полки полки тамъ ударяютъ
И мѣдны жерла огнь рыгаютъ,
Сокрылся въ дымѣ свѣтъ дневной.

Катятся смертоносны звуки
По облаку багровой мглы,
И Марсъ простеръ кровавы руки;
Несутся паки съ Нимъ орлы.
Зіяетъ смерть, земля багрѣетъ,
Отсвѣтомъ небо пламенѣетъ,
И стономъ богатится адъ.
Герой удары направляетъ,
Побѣду къ Россамъ преклоняетъ
Его величественный взглядъ.

О, день, навѣки незабвенной,
Въ который гордый Готеъ упалъ!
Тверди, тверди во слухъ вселенной,
Что ковъ противныхъ Россамъ малъ;
Что жизнь и вольность тотъ положитъ,
Кто миръ священный востревожитъ
Твоихъ, Россія, тихихъ селъ;
Что крѣпокъ силою толикой,
Врага увидѣлъ Петръ Великой, —
И злобный врагъ оцѣпенѣлъ.

Кавказски холмы воскурились,
Стремится въ знойныхъ Петръ поляхъ.
Отъ слуха Персы устрашились
Въ Дербентскихъ жаждущихъ степяхъ,
Бѣлѣетъ Каспій подъ кормами;
Полки, водимые орлами,
Вошли въ желѣзныя врата.
Огромна тѣнь возникла Кира,
Когда другой владѣтель міра
Вступилъ въ знакомыя мѣста.

Пребудьте, славныя дѣянья!
Присутственны въ очахъ вождей,
И имъ отъ вашего сіянья
Своихъ доставьте часть лучей.
Герой! Ты днесь творишь героевъ;
Зри, духъ Твой ихъ ведетъ средь боевъ,
Съ небесъ приникни на сыновъ:
Воззри на трудъ Екатерины,

Въ Архипелажскія пучины —
Гремитъ Твой флотъ среди валовъ.

Простеръ скиптродержавны руки
Монархъ къ претягостнымъ трудамъ,
И раздаются млатны звуки
По Зюйдерзейскимъ берегамъ.
Ты бъ пѣть, Виргилій, устыдился,
Что флотъ Энеевъ превратился
Въ богинь, живущихъ подъ волной.
Твой Иды древомъ флотъ спасался;
Здѣсь Вѣнценосецъ не гнушался
Священной строить флотъ рукой.

Великъ былъ Петръ на ратномъ полѣ,
Великъ былъ Петръ въ морскихъ волнахъ:
Какъ царь, сѣдящій на престолѣ,
Иль какъ мудрецъ въ чужихъ странахъ.
Ему въ побѣдахъ славы мало;
Его понятье обнимало
Всѣ нужды царствъ, весь долгъ Царя.
Какъ Богъ, внушающій творенье,
Въ народъ Онъ свой вложилъ паренье,
Ко славѣ передъ нимъ паря.

О! какъ я счастливъ, что судилось
Гласить мнѣ воинамъ младымъ!
Что въ сердцѣ мнѣ давно твердилось,
Изрекъ я сверстникамъ моимъ.
Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дня желайте,

Какъ Павелъ съ нами загремитъ.
Онъ пойдетъ въ слѣдъ дѣламъ Петровымъ,
Когда велѣніемъ суровымъ
Война въ предѣлахъ закипитъ.

Пойдемъ и мы, какъ наши дѣды
На жатву славныхъ дли побѣдъ:
Предъ ними пали Персы, Шведы.
Падетъ предъ нами Персъ и Шведъ.
Не се ль съ путей своихъ склонились,
Въ предѣлахъ Росскихъ воскрутились,
Эвфратъ, и Нилъ, и Эриданъ?
Востокъ и Западъ изумился:
Не паки ль съ Россомъ устремился,
Рекутъ, каратель Готѳскихъ странъ?

ЭКЛОГА.

(А. В. О. . . . ву.)

(1771 г.)

Пастушьи пренія впервые воспѣваю
И сельски божества со страхомъ призываю.
Помедли, Вологда, останови на часъ
Потокъ поспѣшныхъ волнъ, чтобы свирѣли гласъ
Раздался, по твоимъ носясь струямъ прозрачнымъ,
И чтобъ живущія по рощамъ Нимфы злачнымъ,

Собравшися толпой ко брегу твоему,
Внимали съ кротостью напѣву моему.
Вы, юному пѣвцу, о Фавны, не мѣшайте
И прочь съ Сатирами отсюду поспѣшайте,
А ты, любитель рощь, владѣлецъ сихъ луговъ,
Начальникъ и краса окрестныхъ пастуховъ,
Будь юности моей совѣтникомъ и другомъ.
Ты Музамъ жертвуешь и мудрости досугомъ.

Еще скрывались твой небесныя красы,
Стада не сотрясли съ себя ночной росы,
Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
Искусны оба пѣть и въ пѣніи согласны,
Съ горы высокой въ долъ овечекъ повели
На паству, гдѣ цвѣты весенни расцвѣли.
Ужъ птички пробудясь, на вѣтвяхъ воспѣвали,
И вѣтви, тихо ихъ качая, трепетали.
Аврора бодрая оставила свой сонъ.
Такъ Дафнисъ говорилъ, такъ послѣ Коридонъ:

ДАФНИСЪ.

Послушай, какъ вокругъ пѣвцовъ древесныхъ хоры
Соединились пѣть пришествіе Авроры.
Почто и намъ молчать? Отверстъ природы храмъ
И дневный лучъ звѣзды играетъ по горамъ.
Смотри, какъ ключъ здѣсь бьетъ, какъ далѣ въ расширеньѣ
Бѣжитъ изъ-подъ куста, гдѣ скрылъ свое рожденье,
Пріятность же потомъ на пользу премѣнитъ,

Стремится утолить струями жажду нивъ,
И въ рощу темную уходитъ прочь отсѣлѣ,
Журчаньемъ отвѣчать тоскливой Филомелѣ.

КОРИДОНЪ.

Пой, Дафнисъ, между тѣмъ, какъ волъ оставивъ лугъ,
По черными глыбамъ нивъ влечетъ тяжелый плугъ,
Здѣсь близко скромная фіалка расцвѣтаетъ
И вѣтренный зефиръ надъ розою порхаетъ.
Чья лучше будетъ пѣснь, разсудитъ Палемонъ,
Свирѣли новыя испытывая тонъ.
Залогъ мой агнецъ сей, что стоя надъ волною,
Глядитъ на тѣнь свою, колеблему водою,
И ново небо зря и новые луга,
Желаетъ испытать раждающись рога.

ДАФНИСЪ.

Изъ стада ничего закладывать не смѣю:
Я дома мачиху сердитую имѣю,
Которая овецъ считаетъ дважды въ день.
Вотъ чаша, коей край древесъ обходитъ сѣнь:
Подъ нею пастушекъ на травкѣ протяженной
Оплакиваетъ гнѣвъ пастушки раздраженной.
На память Мелибей ее мнѣ подарилъ,
Когда со стадомъ прочь съ сей пастбы уходилъ;
Не найдутъ ей хулы въ судѣ и самомъ строгомъ.
Ее, коль хочешь ты, даю своимъ залогомъ.

ПАЛЕМОНЪ.

Такъ пойте жъ, пастухи, сидя въ травѣ густой.
Теперь природа вся сіяетъ красотой;

Теперь цвѣтутъ древа, теперь весна златая,
Гласите, череду другъ съ другомъ соблюдая.
Ты, Дафнисъ, зачинай, ты слѣдуй, Коридонъ:
Таковъ обычай музъ, такъ любитъ Аполлонъ.

ДАФНИСЪ.

И ты былъ пастухомъ, Делійскій богъ прекрасной,
И ты пастушкамъ въслѣдъ стремился мыслью страстной:
Любимымъ лавромъ я алтарь украшу твой,
Коль равну пѣснь внушишь съ Дорисиной красой.

КОРИДОНЪ.

О ты, Паѳійскій богъ, ты, коимъ я страдаю!
Къ внушенью твоему теперь я прибѣгаю.
Я сердце въ даръ тебѣ, могущій, принесу,
Когда поможешь пѣть Эглеину красу.

ДАФНИСЪ.

Дориса сладостнѣй благоуханья розы,
Бѣлѣе лиліи, и гибче юной лозы.
И гнѣвъ плѣнителенъ, горя въ ея очахъ —
Что жъ, если явится улыбка на устахъ?

КОРИДОНЪ.

Эгле́я тишиной дню майскому подобна,
Невинна, какъ любовь, какъ агница, незлобна:
Всѣ хитрости ея въ смиренной простотѣ;
Мила собой — на что убранство красотѣ?

ДАФНИСЪ.

Недавно на лугу Дориса отдыхала.

Я къ ней приблизился, Дориса побѣжала:
Бѣжитъ; но на бѣгу ей хочется узнать,
Смотрю ли ей во слѣдъ, хочу ль ее догнать.

КОРИДОНЪ.

О, какъ со мной вчера Эглея говорила!
Ты, Нимфа горная, слова тѣ разносила,
И внемлющій Зефиръ красавицы словамъ
Ихъ на крилѣ своемъ переносилъ къ богамъ!

ДАФНИСЪ.

Здѣсь ясны воды бьютъ, усыпанъ лугъ цвѣтами,
Здѣсь пчелъ рои жужжатъ и холмъ покрытъ стадами.
Дориса здѣсь живетъ: но прочь уйди она —
Луга завянутъ всѣ и замолчитъ волна.

КОРИДОНЪ.

Эглея съ паствы сей недавно отходила
Къ Эгону. Тягость лѣтъ Эгона удручила,
Онъ козъ своихъ пасетъ въ пустынѣ, на скалахъ;
Эглея подошла, — исчезъ пустыни страхъ.

ДАФНИСЪ.

Дориса каждый часъ является мнѣ новой,
Веселой, томною, лишь только бъ не суровой!
Какъ зрѣлымъ дождь плодамъ, овечкамъ волчій зѣвъ,
И мразы деревамъ, такъ мнѣ Дорисинъ гнѣвъ.

КОРИДОНЪ.

Пока меня своимъ Эглея называетъ
И посохъ мой сама цвѣтами увиваетъ:

Не знаютъ овцы глазъ завистливыхъ вреда
И небо для меня безоблачно всегда.

ДАФНИСЪ.

Скажи, подъ коими то было небесами,
Что корабли неслись по сушѣ парусами
Съ вооруженными ко приступу людьми?
Скажи мнѣ, Коридонъ, и чашу ты возьми.

КОРИДОНЪ.

Ты, Дафнисъ, самъ скажи, гдѣ кротки, нѣжны птицы,
Летающи впереди Паѳійской колесницы,
Огнь носятъ подъ крыломъ и сожигаютъ градъ?
Скажи мнѣ: и тогда пусть будетъ твой закладъ.

ПАЛЕМОНЪ.

Не мнѣ, о пастухи, рѣшить межъ вами пренья.
Журчанья чистыхъ водъ пріятнѣй ваши пѣнья.
Прекрасно Дафнисъ пѣлъ, прекрасно Коридонъ;
Достоинъ агнца ты, достоинъ чаши онъ.
И счастливъ тотъ стократъ, кто часть имѣетъ вашу.
Дай агнца Дафнису, дай Коридону чашу.
Ужъ солнце въ небесахъ высоко поднялось.
Вы пѣли, а межъ тѣмъ все стадо разошлось.

ЖРЕБІЙ ДЕКАРТОВЪ.

Декартъ, котораго премудрое сомнѣнье
Разрушило мечты, что разумъ сплелъ,

От злобы убѣжать не могъ въ уединенье:
Онъ въ хладномъ Сѣверѣ убѣжища искалъ.
Но лишь воспринятъ былъ въ сообщество царицы,
Желѣзной смерти сонъ сковалъ его зѣницы.

КЪ СЛАВНОМУ МОРЕХОДЦУ БЕРИНГУ.

Твой островъ ждалъ тебя, о, Берингъ! средь пучины,
Когда ты раздѣлилъ двѣ Свѣта половины.
Сердитый Океанъ шумитъ въ твоихъ ногахъ:
Твоя огромна тѣнь ему наводитъ страхъ.

ИЗБРАНІЕ СТИХОТВОРЦА.

Природа склонности различныя всѣляя,
Одну имѣетъ цѣль, одинъ въ виду успѣхъ:
По своенравію таланты раздѣляя,
Путями разными ведетъ ко счастью всѣхъ.
Гласъ трубный одному на бранномъ полѣ сроденъ,
Побѣды шумной кликъ и побѣжденныхъ стонъ;
Другому сельскій кровъ и плугъ косой уродилъ

И на брегу ручья невозмущенный сонъ.
Я блескомъ обольщенъ прославившихся Россовъ;
На лирѣ пробуждать хвалебный гласъ учусь,
И за кормой твоей, отважный Ломоносовъ,
Какъ малая ладья, въ свирѣпый Понтъ несусь.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

—

Въ спокойствіи природы
Луны пріятенъ свѣтъ,
Когда молчатъ погоды
И тучъ на небѣ нѣтъ.

Теперь утихли страсти,
Движеніе людей:
Душа одной лишь власти
Покорствуетъ своей!

Прійди, въ сіи явленья
Со мной перенесись,
Эмилій! Размышленья
Мгновеньемъ насладись.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

—

Прости, спокойный градъ, гдѣ дни мои младые
Подъ сѣнью родины сны красили златые!

Я твой мѣняю кровъ на пышный Петрополь.
Но память мнѣ твою съ собой унесть позволь,
Ахъ! память жизни сей, толь сладко проведенной
Съ нѣжнѣйшимъ изъ отцовъ, съ сестрою несравненной.
Уже церквей твоихъ сокрылися главы,
О, Вологда! поля, лишенныя травы,
Являютъ сентября дыханіе сурово:
Но насъ повсюду ждетъ друзей свиданье ново.
Тебѣ обязанныхъ сердца, родитель мой!
И въ путешествіи сопутствуютъ съ тобой
Въ гостепріимный кровъ, кровъ сельскій приглашаютъ
И старца сѣдины цвѣтами украшаютъ.
Затмила-было скорбь твои цвѣтущи дни,
Любезная сестра! но въ дружеской сѣни
Небесно здравіе съ тобою разсмѣялось.
Пространство новое предъ нами разверзалось,
Гдѣ Угла быстрая приноситъ даръ Шексѣ.
День цѣлый по ея неслись мы быстринѣ;
Тяжелы неводы влекутъ намъ рыболовы
И дымъ являетъ ихъ въ лѣсахъ таящись кровы.
Преходимъ, отъ валовъ теченье удаля,
Желѣзомъ Устюжскимъ усѣянны поля.
Ты принялъ насъ въ твоей сѣни благословенной,
Мужъ важный твердостью, родствомъ соединенной.
Ты, отъ волненія себя уединивъ,
Находишь счастіе среди спокойныхъ нивъ.
Оттоль лежалъ напъ путь по холмамъ каменистымъ,
Дающимъ въ нѣдрахъ ихъ озерамъ мѣсто чистымъ.
Сквозь темный сводъ лѣсовъ приходимъ въ тѣ мѣста,

Гдѣ льетъ полезный токъ величественна Мста.
Несчетной тмой судовъ ея покрыты бреги,
Судовъ, къ Петрополю свои стремящихъ бѣги.
Тамъ къ брату своему въ объятія спѣшишь,
Родитель мой! и слезъ въ восторгѣ не щадишь.
О, старцы! вашего свиданія свидѣтель,
Въ двухъ образахъ я зрѣлъ едину добродѣтель.
Такъ два источника, въ началѣ раздѣлясь,
Странами дальними другъ отъ друга катясь,
Внезапу въ токъ единъ, щедротою судьбины,
Сливаются, журча и не страшась пучины.
Остатокъ нашего къ Петрополю пути
Хотимъ, покинувъ брегъ, водою перейти.
Несомы ладіей средь влажныя дороги,
Мы видимъ, Мста, твои шумящіе пороги.
Преградою ихъ скалъ съ пути раздражена,
Кипитъ и бьетъ твоя сердитая волна,
Но послѣ возвратясь къ естественному чину,
Тиха, являетъ намъ береговъ своихъ картину,
Доколь распространивъ теченія свои,
Вливаетъ въ озеро прозрачныя струи,
Прекрасно озеро, близъ коего потоковъ,
День Труворовъ затмилъ въ полудни Сумароковъ,
Съ восторгомъ, Новгородъ! къ тебѣ кидаю взоръ,
И зрю Софіи храмъ и Ярославовъ дворъ.
Потомъ по той рѣкѣ, гдѣ древній Волхвъ являлся,
Гдѣ, Рурикъ, твоего жилища знакъ остался,
Дошли до Ладожскихъ неистовыхъ валовъ;
Гдѣ тихій ходъ судамъ назначилъ духъ Петровъ,
И се рѣка Его, славна Его дѣлами,
Нева, предъ нами открылася глазами,

И скоро вы сбылись, любимыя мечты, —
Съ своими зданьями предсталъ, Петрополь, ты.
Се ты, прекрасный садъ, Героемъ возращенный,
Се Марсовъ храмъ, се храмъ наукамъ посвященный.
Здѣсь Ломоносовъ пѣлъ, Лосенковъ тамъ писалъ.
Я славлю васъ, брега, къ которымъ днесь присталъ!

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

Къ Аѳонасью Матвѣевичу Брянчанинову.

—

Не слава, о, мой другъ! не шумъ оружій бранныхъ,
Жизнь сельская зоветъ согласія мои,
Въ долинахъ, муравой цвѣтущею устланныхъ,
Гдѣ Лухта льетъ тебѣ прозрачныя струи;
Гдѣ ты изъ терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владѣнье зришь.
Тебѣ окружныя желтѣютъ жатвой горы,
Поля, гдѣ шествуешь, присутствіемъ живишь.
Тѣснятся вкругъ тебя прилежные селяне
И Нимфы вьютъ тебѣ вѣнки изъ васильковъ.
Съ зарею возстаютъ восхода солнца ранѣ,
Желѣзомъ воружась блистающихъ серповъ.
Ахъ! счастливы стократъ, свое коль счастье знаютъ!
Трудятся, суетно свой умъ не бременя,

Гуляньемъ лѣтни дни иль пляской заключаютъ
И пѣсенькй поютъ у зимняго огня.
Что нужды, что зима — еще имъ лѣто длится,
И счастье годовыхъ не вѣдаетъ временъ.
Работы и забавъ единый кругъ катится,
Забавы безъ угрызъ, здоровье безъ измѣнъ.
Такіе дни текли вселенныя въ началѣ,
Когда не вѣдали обмановъ, ни вражды:
Никто не странствовалъ знакомой сѣни далѣ,
И всякъ воздѣлывалъ отечески бразды.
Не заблуждался смиренныя желанья
Въ исканьѣ пагубныхъ сокровищъ и честей,
И связи родственны и нѣжны воздыханья
И нужда добрымъ быть спасали отъ страстей.
Такъ, Брянчаниновъ, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкусъ съ любовью простоты:
Изъ лиры своея изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

БОЛЕСЛАВЪ,

КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ.

Замолчала многихъ слава
И героевъ и царей;
Ты содержишь Болеслава,
Польша, въ памяти своей.

Посреди верховной власти,
Вѣренъ дружбѣ и любви,
Сохранялъ онъ сильны страсти
Въ воскипающей крови.

Счастливъ, ежели бы брата
Не имѣлъ Збигнея онъ,
Что глазами сопостата
Болеславовъ видѣлъ тронъ.

Не давалъ онъ мщенью мѣста,
И виновнаго любя;
Но, Збигнеева невѣста!
Для чего онъ зрѣлъ тебя?

Какъ лѣсочка въ осѣненьѣ
Нѣжитъ лилію весна,
Такъ цвѣла въ уединеньѣ
Ты, Волынская Княжна!

Зрѣтъ, любить тебя Збигнею,
То мгновеніе одно.
Приступить ко Гименею
Было слово ужъ дано.

Раздались внезапу бубны,
Въ полѣ прахъ столбомъ стоитъ;
Коней ржанье, гласы трубны:
Рати бой!... Збигней бѣжитъ.

Въ градъ, какъ ангелъ покровитель,

Входитъ мощный Болеславъ,
Зритъ Княжну — и побѣдитель
Проситъ узъ, предъ ней упавъ.

И Збигнею обрученна,
Во слезахъ гласитъ княжна:
«Я навѣкъ съ нимъ разлученна,
«Но навѣкъ ему вѣрна!»

Два луны прошло теченья;
Полнъ любовныя тоски,
Царь забылъ свои раченья,
Позабылъ свои полки.

Между тѣмъ не безъ успѣховъ
Злобный духъ Збигнеевъ былъ,
Онъ съ огромной силой Чеховъ
Подъ Вѣлинъ градъ подступилъ.

Тщетно все: отъ Болеслава
Побѣжала Чеховъ тма,
Взятъ и вождь свирѣпа нрава;
Не снимаетъ онъ шлема.

Что же? Плѣнника срѣтаетъ
Царь у ногъ Княжны своей;
Онъ въ злодѣя мечъ вонзаетъ,
Шлемъ валится: — то Збигней!

Гдѣ возьму я выраженья,
Скорбь убійцы описать?

Онъ безгласенъ, безъ движенья;
Онъ не знаетъ, что начать.

Обратилъ жестокосердый
Мечъ онъ къ сердцу своему:
Приближенныхъ сонмъ усердный
Воспротивился тому.

Свой оставивъ тронъ высокій,
И во рубищахъ простыхъ,
Ходитъ въ горести глубокой
По обителямъ святыхъ.

И предъ всѣми, кто бъ ни были,
Исповѣдуя свой грѣхъ,
Слезно проситъ, чтобъ молили
За него Владыку всѣхъ.

Должно думать, что спокойство
Наконецъ сошло съ Небесъ.
Ахъ! ни слава, ни геройство,
Не спасаютъ насъ отъ слезъ.

ФАРСАЛЬСКАЯ БИТВА.

Какое зрѣлище, самимъ собой сраженной,
Даешь ты, Римъ, землѣ тобою побѣжденной?

Издревле ты владѣть вселенною обыкъ,
А днесь сражаешься о выборѣ владыкъ!
Куда стремишься ты, Асканіевъ потомокъ?
И ты, Помпей, и ты, съ дней юныхъ славой громокъ!
Преградой бывшій вамъ, несчастный Крассъ упалъ:
Сражайтесь, рокъ того мгновенья ожидалъ.
Давно кичлива страсть обоихъ сердце гложетъ.
Сей высшаго терпѣть, тотъ равнаго не можетъ.
Въ Фарсальски прю свою преносите поля,
Пускай рѣшатъ, кому подвергнется земля.
Полки побѣдами безчисленными дивны
Несутъ съ обѣихъ странъ орлы орламъ противны.
Съ обѣихъ также странъ, законамъ вопреки,
Предходятъ консульски съ сѣкирами пуки.
И тамъ, и здѣсь главы почтенныя Сената,
И тотъ же рати чинъ и брань безъ сопостата;
Друзья противъ друзей; родные съ двухъ сторонъ,
И боги съ Кесарской, съ Помпеевой Катонъ.
Ты, величайшая изъ фурій, адска сила,
Вражда, къ сраженью знакъ, свой страшный вопль пустила.
Отважны множествомъ, съ надменной похвальбой,
Взвилися всадники Помпеевы на бой.
Какъ вихрь крутящійся, который дубы клонитъ,
Мнятъ, тяжкій ихъ ударъ строй Кесаревъ погонитъ.
Но Кесарь повелѣлъ молчаніе своимъ,
И воинъ ждетъ къ себѣ ударовъ недвижимъ:
Дождавшись, копій лѣсъ противупоставляетъ,
Начально всадниковъ стремленье притупляетъ.

Кипитъ кровавый бой, жесточѣе родствомъ,
И горестнѣе смерть междоусобья зломъ.
Единой матери сыны ожесточенны,
Падутъ въ крови на прахъ, другъ другомъ пораженны,
Конь бодрый прободенъ свергается назадъ,
И имъ низринутый низходитъ всадникъ въ адъ.
Сей юношества блескъ, убранства, попеченья,
Чѣмъ Римски всадники искали отличенья,
Преобращаются имъ въ пагубу самимъ.
Межъ тѣмъ, какъ Кесаремъ бывъ воинъ предводимъ
Къ трудамъ, къ опасностямъ въ походахъ пріученный
И ранами въ бою однѣми отличенный,
Не знаетъ роскоши, ни нѣги, ни красы,
И прямо зритъ на смерть въ рѣшительны часы.
Предвидѣлъ Кесарь, гдѣ начаться должно бою
И твердь полковъ своихъ поставилъ онъ съ собою:
Испытанный въ войнахъ десятый легіонъ,
Которымъ побѣдить еще желаетъ онъ.
Помпей, котораго прельщаетъ конныхъ сила,
Мнитъ, тмами окруживъ враговъ, ударить съ тыла.
Напрасный замыселъ! Все Кесарь упредилъ!
Неустрашимостью онъ множество сразилъ;
И рать Помпеева разстроясь побѣжала,
Но въ сердцѣ Кесаря побѣда скорбь вліяла:
Онъ мнитъ, что гибелью сограждан стлъ великъ;
Онъ осуждающій вѣковъ внимаетъ кликъ.
Раздоръ возликовалъ надъ жертвой потребленной.
Фарсала Римлянамъ отмстила рокъ вселенной

И кровью ихъ потекъ смущенный Энипей.
Межъ тѣмъ оставленный побѣдою Помпей,
Едва зритъ конницу бѣгущу и разбиту,
Отчаясь, Небесамъ вручаетъ Римъ въ защиту,
И обративъ коня, взади оставивъ бой,
Безмолвенъ, пораженъ, бѣжитъ сквозь станъ пустой,
Одинъ, и ничего съ собою не имѣя,
Кромѣ минувшаго величія Помпея.
Спѣшитъ къ Корнеліи, чтобы въ очахъ ея
Вкусить безславную кончину житія,
Усѣкновенну быть невольникомъ презрѣннымъ,
И на брегу морскомъ лежать непогребеннымъ.
Свершился судъ боговъ: и рушилась собой
Громада, бывшая вселенныя главой.

Ночь.

Къ пріятной тишинѣ влечется мысль моя:
Медлительнѣй текутъ мгновенья бытія.
Умолкли голоса; земля покрыта тьмою,
И все ко сладкому склонилося покою.
Прохлада на луга спокойныя сошла!
Туманомъ ручеекъ шумящій облекла,
И съ тихимъ вѣяньемъ, отъ уснувшей рощи
Помчалась въ хижины за колесницей нощи,
Какъ освѣжило намъ ея дыханье кровь!

Уединеніе, молчанье и любовь
Владычествомъ своимъ объяли тихи сѣни
И помаваютъ имъ согласны съ ними тѣни.
Воображеніе, полетъ свой отложивъ,
Мечтаетъ тихость сценъ, со зноемъ опочивъ.
Такъ солнце, утомясь, предъ западомъ блистаетъ,
Пускаетъ кроткій лучъ и блескъ свой отметаетъ.
Ахъ! чтобъ вечернихъ зрѣть пришествіе тѣней,
Что можетъ лучше быть обширности полей?
Пріятно мнѣ уйти изъ крововъ позлащенныхъ
Въ пространство тихое лѣсовъ невозмущенныхъ.
Оставивъ пышный градъ, гдѣ честолюбье бдитъ,
Гдѣ скользокъ счастья путь, гдѣ ровъ цвѣтами скрытъ.
Здѣсь буду странствовать въ кустарникахъ цвѣтущихъ,
И слушать соловьевъ въ полночный часъ поющихъ:
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью въ землю вросъ и частію надъ ней.
Мнѣ сей цвѣтущій дернъ свое представитъ ложе.
Журчанье ручейка, безперестанно тоже,
Однообразіемъ своимъ приманитъ сонъ.
Стопами тихими ко мнѣ пріидетъ онъ
И распростретъ свои надъ утомленнымъ крилы,
Живитель естества, ліющій въ чувства силы.
Не сходятъ ли уже съ сихъ тонкихъ облаковъ
Обманчивы мечты, толпы веселыхъ сновъ,
Сопутники любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зѣницъ усталыхъ круги.

Носися съ плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся въ туманну область сна.
Уже языкъ тяжелъ и косенъ становится.
Еще кидаю взоръ — и все бѣжитъ и тмится.

ЗРѢНІЕ.

О, превосходное души творенье, око!
Благословенно будь! Ты взносишься высоко
Надъ тучи, коими одѣты небеса,
Испытывать Творца несчетны чудеса.
Ты холмовъ и долинъ объемлешь окруженье;
Гдѣ, можетъ быть, мудрецъ живетъ въ уединеньѣ.
Не кроется Сатурнъ въ небесной синевѣ
И слабый червячекъ, ползущій по травѣ:
Ты зришь въ огромности, ты зришь природу въ маломъ,
Равно сіяющу премудрости началомъ.
Изображая всѣ предметы по чредѣ,
Вселенной живопись ты носишь на себѣ
Со свѣтомъ сродственно, отверзтіе зѣницы,
Гдѣ перстъ напечатлѣнъ всесильныя десницы,
Не утомляяся, лучи дневные пьетъ,
Сквозь тонки влажностей кристаллы ихъ несетъ,
И на сплетенну сѣть изъ нервовъ низлагаетъ,
Гдѣ, скрытый зритель, духъ вселенну созерцаетъ.

Отсюду онъ беретъ понятья о вещахъ
И нѣтъ того въ душѣ, что̀ не было въ очахъ.

Но тѣмъ ли кончится весь долгъ и подвигъ зрѣнья,
Что внѣшнія душѣ приноситъ впечатлѣнья?
О, нѣтъ, самой душѣ еще присвоено:
И чувства изъяснять ему поручено.
Во глубинѣ души сокрытыя движенья
Особыя въ очахъ находятъ выраженья.
Хранящимъ иногда молчаніе устамъ,
Сказали очи все взирающимъ очамъ.
Языкъ, какъ молнья скоръ и силенъ безъ искусства,
Свои передаетъ другимъ живыя чувства;
Полета быстротой, огонь души своей
Вспаляетъ онъ въ душахъ взирающихъ людей,
Какъ искра, бодрый взоръ пріемлется сердцами,
Все можетъ нѣжный глазъ, сіяющій слезами,
И радость и печаль, любовь, и гнѣвъ, и страхъ
Изображаетъ глазъ мгновенья на крылахъ.
Понятій нѣжные оттѣнки представляетъ,
Природной чистоты онъ ихъ не умаляетъ,
Души ближайшій другъ, въ согласьѣ тѣсномъ съ ней
Перебѣгаетъ онъ безчисленность вещей
И, зря Всевышняго руки произведенья,
Восторженной души готовитъ наслажденья.

Коль многихъ радостей лишиться суждены
Тѣ, кои въ вѣчну ночь, живя, погружены!

Которыхъ тяжка скорбь зѣницы погасила.
Не зрятъ они лучей всходящаго свѣтила,
Ни зелени луговъ, ни розы багреца,
Ни, смертный, твоего высокаго лица.
Какая для тебя, Гомеръ, безмѣрна трата,
Не зрѣть природы сей, чѣмъ мысль твоя объята;
И ты, другой слѣпецъ, чувствительный Мильтонъ!
Еще несется твой сквозь вѣки жалкій стонъ.

Но если зрѣнія толь тягостно лишенье,
Какой небесный даръ внезапное прозрѣнье!
Надежная рука искуснаго врача
Орудіемъ плену со глаза совлача,
Рожденному слѣпцу природы видъ даруетъ.
Небесна благодать ему вспомоществуетъ.
Таковъ былъ юноша, слѣпецъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Во градѣ, гдѣ свои Тамиза волны льетъ,
Дарами юности и счастья пресыщенный,
Онъ зрѣнья былъ лишенъ. Душѣ его прельщенной
Вотще душистые мечтаются цвѣты;
Не можетъ славимой понять ихъ красоты.
Онъ знаетъ прелести небесныя музыки
И бьется сладкій гласъ — ея знакомы клики
И рѣчь въ полголоса, дыханье устъ ея
Даютъ ему вкушать всю цѣну бытія.
Но солнце, но сіи небесъ лазурны своды ....
Закрыто передъ нимъ позорище природы:
Случилось, что одинъ изъ тщательныхъ мужей,
Употребившихъ жизнь къ спасенію людей,
Надъ нимъ цѣленія всю хитрость истощаетъ.
Онъ зритъ: ужъ лучъ его небесный освѣщаетъ.

Уже онъ руку зритъ (которую держалъ
Покуда врачъ свое цѣленье совершалъ)
Подруги своея возлюбленныя руку.
Пріобрѣтаючи видѣнія науку,
Уже онъ познаетъ станъ Бетси, и уста,
И очи, гдѣ блеститъ умильна красота.
Онъ видитъ и вмѣстить толь много восхищенья
Безсиленъ духъ его. Полнъ нѣжнаго смущенья,
Врачъ добрый (чтобъ его опять не ослѣпить)
Спѣшитъ изъ храмины свѣтъ дневный исключить;
Исчезло счастіе съ возлюбленнымъ признакомъ.
Но Бетси милыя присутствіе и рѣчь
Умѣли дни его ко счастію сберечь.
Привычку дѣлая ко свѣту постепенно,
Хранимъ любовію, прозрѣлъ онъ совершенно.

НЕСЧАСТІЕ.

Единымъ маніемъ вселенну управляетъ
Источникъ правды, Богъ, всесильный, всеблагой;
Но добрыхъ иногда несчастье оскорбляетъ
И злобою своей корыствуется злой.
Кто знаетъ, можетъ быть, въ рукахъ Твоихъ, Содѣтель!
Несчастье способъ есть возвысить добродѣтель?

НЕИЗВѢСТНОСТЬ ЖИЗНИ.

Когда небесный сводъ обнимутъ мрачны ночи
И томные глаза сокрою я на сонъ;
Невольнымъ маніемъ предстанетъ передъ очи
Мгновенье, въ кое я изъ свѣта выйду вонъ.
Ужасный переходъ и смертнымъ непонятный!
Трепещетъ естество, вообразивъ сей часъ,
Необходимый часъ, безвѣстный, безвозвратный:
Какъ вихрь, что убѣжавъ изъ сѣверной пещеры,
Вскрутится и корабль въ пучину погрузитъ:
Такъ смерть нечаянно разрушитъ наши мѣры
И въ безопасности заснувшихъ поразитъ.
Гоняясь пристально за радостью мгновенной,
Отверзтой пропасти мы ходимъ на краю.
Цвѣтъ розы не поблекъ со стебля сриновенной:
Ужъ тотъ, кто рвалъ ее, зритъ бѣдственну ладью.
На долгій жизни токъ отнюдь не полагайся,
О, смертный! Вышнему надежды поручивъ
И помня краткость дней, отъ гордости чуждайся.
Ты по землѣ пройдешь; тамъ будешь вѣчно жить.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Сіянье внѣшнее отличій и честей
Души тщеславной пища,

Благополучія не доставляютъ ей,
Коль нѣтъ внутри ея спокойствію жилища
Для добрыя, незлобивой души
Минуты счастія текутъ во всяко время;
Не внѣ, а въ насъ самихъ и бѣдъ и счастья сѣмя,
И дни прекрасные лишь нами хороши.
Сіе отверстое пространство ясна неба,
Въ которомъ плаваютъ прозрачны облака,
Озлащены лучемъ вечерня Ѳеба;
Сія кристальная и тихая рѣка,
Сіи кустарники, ее что̀ осѣняютъ,
И словомъ, всѣ черты и тонъ картины сей
Тогда лишь насъ плѣняютъ,
Когда мы счастіе храннмъ въ душѣ своей.

БОГИНѢ НЕВЫ.

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И тѣнисты острова!

Ты съ морями сочетаешь
Бурны Росски озера,
И съ почтеньемъ обтекаешь
Прахъ Великаго Петра.

Въ нѣдрѣ моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна
Ихъ промчалися струи.

Рѣки Гречески стыдятся,
Вспоминая жребій свой,
Что теперь въ ихъ токъ глядятся
Бостанжи съ Кизляръ-Агой.

Между тѣмъ, какъ рѣзвыхъ грацій
Повторяешь образъ ты,
Подвергая дани націй
Предъ стопами Красоты,

Отъ Тамизы и отъ Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя имъ сродна влага
Разстилается подъ ней.

Я люблю твои купальни,
Гдѣ на Хлопныхъ красахъ
Одѣянье скромной спальни,
И амуры на часахъ.

Полонъ вечеръ твой прохлады:
Берегъ движется толпой,
Какъ волшебной серенады
Гласъ приносится волной.

Ты велишь сойти туманамъ:

Зыби кроетъ тонка тма;
И любовничьимъ обманамъ
Благосклонствуешь сама.

Въ часъ, какъ смертныхъ препроводишь,
Утомленныхъ счастьемъ ихъ,
Тонкимъ паромъ ты восходишь
На поверхность водъ своихъ.

Быстрой бѣгомъ колесницы
Ты не давишь гладкихъ водъ,
И сирены вкругъ царицы
Поспѣшаютъ въ хороводъ.

Въ явь богиню благосклонну
Зритъ восторженный пѣтъ,
Что проводитъ ночь безсонну,
Опершися на гранитъ.

ХРАМЪ МАРСОВЪ.

О вы, которыхъ долгъ природы
Зоветъ въ путь чести къ знаменамъ,
Дерзайте въ ваши нѣжны годы
Проникнуть въ страшный Марсовъ храмъ.
Не бойтесь, что герои пали

Въ пути, гдѣ съ гордостью ступали,
Взнесенны славой до небесъ:
Они упали какъ герои
У стѣнъ великолѣпной Трои:
Такъ Гекторъ палъ и Ахиллесъ.

Погибнетъ жизнь одна средь бою;
Не можетъ слава умирать.
Простой невѣдомы толпою
Стези учитесь выбирать.
Презрѣвъ тропу простонародну,
Имѣйте гордость благородну
Топтать геройской славой путь,
Извѣстный воиновъ судьбою,
Ведущій къ храму стремниною,
Откуда толь легко скользнуть.

Высокій храма верхъ восходитъ
Блистающихъ къ предѣлу звѣздъ
И основаніе приводитъ
До безотрадныхъ, мрачныхъ мѣстъ.
Врата Беллона обрегаетъ
И ужасъ робкихъ отвергаетъ.
Се слава! Вы стремитесь къ ней.
Ея сіяньемъ освященны,
Брегитесь рано быть прельщенны
Слѣпой горячностью своей.

Идите тихо, постепенно.
Въ преддверьѣ видите ли вы
Сіе согласіе священно?
То музъ небесныя главы.

Внушите какъ мы обнажденны
Средь шумныхъ стана, въ день сраженья
Ихъ слышимъ вдохновенный гласъ.
Онѣ внушали Ксенофонта,
И были мылѣ Сципіона,
Когда пожаръ Ливійскій гасъ.

Уранія свитокъ развѣрстый
Морей, земель объемлетъ шаръ.
И Каллiопа летъ съ Гомеромъ
Въ сердца вливая бранный жаръ:
Душею Ахиллеса полны,
Въ Скамандровы бросайтесь волны:
Но будьте жалостнѣй его.
Герой безтрепетный Марона,
По тлѣтной горѣ изъ Иліона
Отца спасаетъ своего.

Но болѣ трудъ недовершенный
Внимайте Россскаго пѣвца,
Какъ, истиной одной плѣненный.
Гласитъ отечества отца,
Онежски горы преходяща,
Ко граду войска предводяща,
Гдѣ волны Ладожски шумятъ.
Нашъ Шереметевъ воспрещаетъ
И краткость лѣствицъ не смущаетъ,
Голицынъ всходитъ на раскатъ.

Не руша съ истиной союза
Свидѣтельница древнихъ лѣтъ,

Исторіи тамъ важна муза
Свои уроки раздаетъ.
Мужей великихъ исчисляетъ
И ихъ примѣромъ побуждаетъ
Забыть себя для блага всѣхъ,
Позорной роскоши чуждаться,
Ударовъ счастья не бояться
И Небу поручить успѣхъ.

Ко мнѣ Евтерпа прилетаетъ:
Я внемлю трубъ военныхъ гласъ!
Кипяща въ жилахъ кровь пылаетъ:
Насталъ неустрашимыхъ часъ!
Стремлюсь въ средину бранна спора,
На бой предводитъ Терпсихора;
Полигимніи гласъ въ полкахъ.
И се священная Паллада
Величіемъ священна взгляда
Лѣтъ благоговѣйный страхъ.

Одѣта бранною хламидой
И, потрясая копіе
Своею страшною Эгидой,
Градовъ спасаетъ бытіе.
Любимцами своими зрима,
Противъ врага необорима,
Даетъ въ часъ бою свой совѣтъ;
Или межъ тѣмъ, какъ воинъ дремлетъ,
Во мракѣ полководецъ внемлетъ
Ея божественный полетъ.

Межъ тѣмъ предсталъ предъ наши взгляды
Сокровищъ Марсовыхъ соборъ.
Я зрю воинскіе снаряды:
Се страхъ враговъ и вашъ уборъ.
Мечи и копья, и шеломы,
Орудья, кои мещутъ громы,
Погибель множества мужей!
На день кровопролитной брани
Сіи металльныя гортани
Застонутъ въ ярости своей.

Но вы сперва пріобучитесь
Сіи громады управлять,
И послѣ ихъ не устрашитесь
Изъ рукъ противныхъ извергать.
Имѣетъ все свою науку:
И огнь, производитель звуку,
Вдали сражаетъ чугуномъ.
Со возгорѣвшимся пожаромъ
Грозитъ погибельнымъ ударомъ
Изъ мѣдныхъ жерлъ летящій громъ.

Преддверіе прошедши храма,
Во внутренній войдешь чертогъ,
Гдѣ сердца мужественна, пряма,
Не отвергаетъ брани богъ.
Какимъ объемлюсь восхищеньемъ?
Се неизвѣстнымъ мановеньемъ
Разверзлась храма глубина:
Здѣсь слава, подвиговъ свидѣтель,

Увѣнчеваетъ добродѣтель.
Героевъ храмина полна.

Не смертныхъ персты начертали
Сіи велики чудеса:
Искусство въ томъ истощевали
Рукой держащи небеса.
Встаютъ покрыты стѣны прахомъ
И, мнится, подвигаютъ страхомъ
Еще геройскія сердца.
Я гибель зрю домовъ и храмовъ:
Богининъ сынъ и сынъ Пріамовъ,
Пылаютъ злобой ихъ лица.

Бѣгутъ полки, падутъ преграды,
Звучатъ трубы, мечи блестятъ.
На Мараѳонѣ Милтіады
Пошли на сильныхъ сопостатъ.
Со Ѳемистокломъ Аристида
Дѣлитъ вражда, дѣлитъ обида;
Дружитъ отечества любовь.
Эпаминондъ съ стрѣлою въ ранѣ,
Внимаетъ, что бѣгутъ Спартане,
И съ духомъ изливаетъ кровь.

Не се ли Римскихъ стѣнъ зиждитель?
Близъ той рѣки, гдѣ брошенъ былъ,
Тебѣ, Юпитеръ-покровитель,
Онъ храмъ и добычь посвятилъ!
Предъ счастьемъ горда Аннибала
Громада Рима исчезала.....

Но ты, сынъ Рима, Сципіонъ!
Помпей побѣдами вѣнчался,
Но слухъ о Кесарѣ промчался —
Онъ кинулъ градъ безъ оборонъ.

Но здѣсь предъ взорами затмитесь,
О, древни міра чудеса!
Къ побѣдамъ Россіянъ устремитесь
Мои плѣненны очеса.
Побѣды коихъ не забудутъ,
Доколь на тверди звѣзды будутъ.
И дальше міра не падетъ.
Гремя военною трубою
И [illegible] судьбою,
О, муза! удивленный свѣтъ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И ты Ордынцамъ покорилась,
Во узахъ варваровъ томилась
И вся краса твоя затмилась,
О, Русь! о, славная страна!
Но Александръ и въ самомъ бѣдствѣ
Разсѣялъ страхъ въ твоемъ сосѣдствѣ,
Священна Невская волна!

Донской Димитрій на Мамая
На берегахъ Непрядвы шелъ;
Ордынску мочь искореняя,
Онъ Росскій утвердилъ престолъ.
Куда, Чета тезоименна,
Меня влечете утомленна,
Вѣнчанны славой дѣдъ и внукъ?
Вы язвы царства затворили,
Вы грозный сѣверъ покорили;
На западѣ Вашъ бранный звукъ!

Престолъ въ междоусобьѣ царской
Крѣпятъ геройскою рукой
Два мужа, Мининъ и Пожарскій,
И ты, ихъ общникъ, Трубецкой.
Кто былъ бы Алексѣя болѣ
На тронѣ и на ратномъ полѣ,
Когда бы Петръ не превзошелъ?
Какой языкъ Его прославитъ?
И само время насъ оставитъ
Во изочтеньи славныхъ дѣлъ.

Отъ сильнаго Петрова духа

Родится новый рядъ вѣковъ.
Исполнилась вселенна слуха
Вождей Россійскихъ и полковъ.
Глаза сомкнувъ, Петровы други
Оставили свои заслуги
Преемникамъ, достойнымъ ихъ.
Сіяетъ Минихъ, какъ Евгеній,
И входитъ Ласси безъ сраженій,
Въ средину, Крымъ! полей твоихъ.

Среди торжественнаго клика
Какой внезапу вождь возсталъ,
Изъ рукъ который Фридерика
Двѣ краты лавры исторгалъ?
То важный образъ Салтыкова,
Котораго рука готова
Твой громъ бросать, Елисаветъ!
Се Чернышевъ изъ Россовъ плѣну
Приводитъ помощь имъ въ замѣну
Сени трудами полныхъ лѣтъ.

Вождей тамъ вижу ополченье!
Румянцевъ ратъ сей главой.
Лунѣ навелъ онъ помраченье
И на Дунаѣ сталъ пятой.
За нимъ какіе исполины
Съ Эгидою Екатерины.
На Турокъ вержутъ тучи стрѣлъ!
Готовитъ Панинъ стѣнъ пролоны.
Репнинъ, Каменскій бранны громы.
Суворовъ, быстротой орелъ.

Дѣла пѣвъ Росскихъ полубоговъ,
Радѣю меньше Марса пѣть!
Вѣщалъ Петра средь сихъ чертоговъ, —
Мнѣ болѣй не о комъ гремѣть.
Уже въ очахъ моихъ все тмится;
Но чистыхъ музъ соборъ стремится,
Велитъ начатый трудъ скончать.
«Тебѣ ль не внять сему велѣнью?
«Иль мнишь, по своему хотѣнью
«Ты можешь сей трубой звучать?»

Я музъ прельщенья устрашился:
Уже послушенъ волѣ ихъ,
И паки къ лирѣ устремился,
Богинь велѣніемъ моихъ.
А вы, грядущіе со мною,
Готовьтесь смѣлою ногою
Со мной въ святилище вступить.
Врата на петляхъ заскрыпѣли:
Что, чувства въ насъ освирѣпѣли?
Иль Марса хощетъ грудь вмѣстить?

Се онъ! вы взоры уклоните.
Густой объиметъ очи мракъ,
Когда ихъ дерзко устремите
На Бога браней грозный зракъ.
Его любимцы при престолѣ,
Подобно такъ, какъ въ ратномъ полѣ,
Сидятъ съ владыкою своимъ.
Изъ первыхъ *Храбрость* засѣдаетъ:

сусство спровождаетъ,
ь нельзя въ разлукѣ имъ.

рукахъ имѣя жезлъ начальства,
со строгимъ взоромъ *Власть*,
ждость духа, врагъ начальства,
слабыхъ страхъ, героевъ часть.
Силу зрю *Воображенья*:
ювенныя внушенья
ье войскамъ, честь вождямъ.
пираетъ *Тайна* перстомъ,
будущемъ всегда отверстомъ
ъ *Прозорливость* тамъ.

ходушіе прощаетъ
ъ своихъ среди побѣдъ,
дъ покоя не вмѣщаетъ,
ду идетъ Марсу въ слѣдъ.
любопытнымъ окомъ,
въ молчаніи глубокомъ,
и *Опытъ* многихъ лѣтъ;
азумье, *Добродѣтель*,
пь, дѣяній всѣхъ свидѣтель;
ысовъ, юноши! совѣтъ.

ли мы бога громкихъ боевъ
святилище и храмъ,
сь въ обители героевъ
чнымъ безднамъ и буграмъ.
, богини сладка пѣнья!
и кроткія внушенья

Да будетъ ввѣкъ моя хвала.
Вы взоръ мой свѣтомъ озарили
И робкій возрастъ мой учили,
Какъ пѣть геройскія дѣла.

ОБЪ УЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

(*Письмо къ В. В. Ханыкову.*)

Съ какою ревностью бѣжимъ мы зрѣть картины,
На коихъ плавный скатъ простертыя долины
Иль изобильный токъ глубокія рѣки,
Живописала кисть художничьи руки!
Отъемля красокъ блескъ и вымысла свободу,
Мы чувствуемъ еще, что любимъ мы природу.
Мы склонны похвалы художнику давать,
Который въ лоно къ ней насъ хочетъ призывать.
Что можетъ насъ вовлечь пріятнѣй въ восхищенье,
Какъ сладкихъ перемѣнъ природы ощущенье,
Безмолвіе ночей, полудня тяжкій зной
И премѣненіе погоды съ тишиной!
Но страсти зрѣлище природы взволновали,
Отъяли свѣтлость душъ и грады основали.
Возмнили напрерывъ съ природою творить:
Труднѣйшіе пути ко счастью отворить.
Умножили себѣ мы средства наслажденья;

[illegible]

Во грады Гречески, занять искусства ихъ:
Во Спарту множество и одного въ Аѳины.
Сей прожилъ тамъ за срокъ назначенной годины,
И такъ онъ, возвратясь, царю отчетъ свой далъ:
Въ Аѳинахъ, государь, я сладко ѣлъ и спалъ;
И мню, что было бы чему тамъ подивиться,
Когда бы я себя принудилъ потрудиться.
Пространство города такова обозрѣть,
Ихъ стогны посѣщать, ихъ зданія смотрѣть,
Казалось, что себя безъ пользы тамъ состарю.
Такому трудъ, какъ ты, пріятенъ государю;
А мнѣ на свѣтѣ семъ пріятнѣе всего,
Насытясь отдыхать, не дѣлавъ ничего.
Ихъ нравовъ, ихъ наукъ узнать я не труждался,
Я вина ихъ вкушалъ, плодовъ ихъ наслаждался,
И чтобы сновъ моихъ никто не разорилъ,
Кромѣ, что самъ съ собой, ни съ кѣмъ не говорилъ.
И мы въ Аѳинахъ всѣ: и столько жъ о причинахъ
Мы знаемъ всѣхъ вещей, какъ этотъ объ Аѳинахъ.

РОЩА.

Дашь ли свободный мнѣ входъ подъ тихо колеблющись тѣни?
Роща!... святыни твоей стихотворецъ нарушить не можетъ.

Прочь злодѣйство отсель! да вѣкъ нечестивого крова
Древніе нравы сіи обитателны безъ пятна не будутъ.
Да не вселится здѣсь вѣкъ преклонный тяжкія узы.
Ближній, пустой злодѣйства помышлены въ образъ сотворить.
Дай же въ мысль свѣтлѣ убѣжище мыслящей Музѣ.
Скрой въ себѣ ты отъ очи всѣ мысли чувствій нечистыя.
Въ нихъ съ побѣдъ дарованье свѣтлящее я дух вдыхаю.
Здѣсь я буду вперять тобой вознесяться и высокимъ:
Въ темный прибѣжь сей бодрствующій будь и въ утренни страхи.
Здѣсь безмолвный прекрасныхъ мыслей сельскія жизни
Вѣчень нашептательныхъ будь мысль прославлять земледѣлья.
Мѣсяцъ скрывается тихо и кажется плавать съ небе.
Сонъ прилетаетъ въ долгу ночь полны вѣчна молчанья . . .
Ахъ! я люблю нечистые, когда пѣвецъ дремлетъ.
Прилетайте мнѣ безмятежны чувства мои обвѣвать.

Тихая свѣтлость объемлетъ мою умиленную душу,
Такъ какъ прозрачное облако, въ коемъ покоится солнце,
Только омывшись въ волнахъ.... Но какая внезапная сила
Вдругъ вливается въ жилы и ихъ трепетать заставляетъ?
Кажется, вѣтви бесѣдуютъ: кажется, нѣкая влага
Воздухъ собой проникаетъ и землю покоющусь будитъ,
Землю, котора дремала, тѣнью своей покровенна:
Се содрогается чистой росой окропленна и всѣми
Сродными ей ощутилось тѣлами ея пробужденье.
Спящи дыханья проснулись: се дня рожденье младаго.
Зрите въ небесныхъ долинахъ шествіе солнца съ востока;
Шествіе, жизнь въ природу вливающе; имъ довершилась
Міра картина. Такъ оживляются души народовъ,
Если помазанникъ Вѣчнаго, если ими любимый
Царь на среду ихъ исходитъ величествомъ кроткимъ одѣянъ.
Зрите лицо его чисто, безоблачно; взоръ оживленный
Радостью міра. Счастливъ сего дня, счастливъ ты, ратай!
Цѣлымъ тебѣ я свѣтлымъ сей день предвѣщаю. Мнѣ солнце

[illegible] Кто [illegible]
[illegible]?
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И все утративъ, я и слезы потерялъ;
Но въ тратѣ сей меня, что болѣе терзаетъ,
Прекрасный образъ твой изъ сердца исчезаетъ,
Понятій, склонностей и чувствій стражъ твоихъ,
Изъ сердца моего я зрѣлъ бѣгущихъ ихъ.
Ахъ! съ добродѣтелью они лишь обитаютъ.
Но съ добродѣтелью и Музы отлетаютъ!
Другъ, отъ кого она сокрылась въ облака,
И Россіада тѣмъ безъ живописи дска.
Ѳеона! твоего молю я возвращенья!
Отдай, отдай, молю, мнѣ силу ощущенья
И въ памяти моей возобнови черты,
Въ которыхъ, въ лучши дни, являлася мнѣ ты.
Довольно ль, что ко мнѣ ты нѣжность ощущаешь,
Коль счастья чувствовать ты мнѣ не сообщаешь?
Порочный человѣкъ! Какая часть моя?
Вздыханія мои суть дики такъ какъ я.
Сильнѣйшее во мнѣ рождающесь понятье
Едва ль въ душѣ твоей есть чувствія начатье.
Люблю: но мнѣ любовь не восхищенье чувствъ.
Не тронутъ прехожу творенія искусствъ:
И сожалѣніе во мнѣ не столько живо,
Что славы поприще оставилъ я лѣниво.
Нравоученіе, коль есть во мнѣ оно,
Всего небеснаго мнѣ зрится лишено,
Не столько для того, что сдѣлался я злобенъ;
Но умъ къ прекрасному сталъ менѣе способенъ.
Надежда, вѣрный другъ несчастливыхъ людей,
Съ презрѣньемъ хижины преходитъ прагъ моей.
Но дружба, но родство, какъ ты ихъ ощущаешь
Безцѣнны нѣжности, ты кои освящаешь,

[illegible]

[illegible]

КЪ ХЕМНИЦЕРУ.

[illegible]

И цѣлая толпа рабовъ его смущенныхъ
Неможетъ отразить вкругъ крововъ позлащенныхъ
Летающихъ досадъ.

Съ нимъ горькая тоска бесѣдуетъ всечасно
И что пріятно всѣмъ, ему лишь то ужасно,
И дружество и сонъ.
И совѣсть желчь лѣтъ во снѣдь его любезну:
Онъ ярость въ чашѣ пьетъ и видитъ тамо бездну,
Гдѣ видимъ мы лишъ тронъ.

Веселый сонъ селянъ смыкаетъ очи томны,
И вноситъ на крылахъ въ ихъ домы не огромны
Ласкающи мечты;
Спокойна ихъ душа подобіемъ природы,
И лучше день одинъ весеннія погоды
Всей міра суеты.

Блаженъ, кто, лишь зарей поутру пробуждаемъ,
И въ сѣни собственной Зефиромъ прохлаждаемъ,
Всходяще солнце зритъ!
О, кто меня въ страну восхититъ вожделѣнну,
Гдѣ на руку главу склонилъ бы утомленну,
Въ древесной сѣни скрытъ!

Примите вы меня тогда, сладчайши Музы!
И дайте существа проникнуть мнѣ союзы
Природы вѣчну связь:
Какою склонностью міры одушевленны
Къ горящимъ солнцамъ ихъ согласно устремленны,
Колеблются, катясь.

Я тихо буду пѣть у сей волны священной;
Ты будешь спрожодать на лирѣ позлащенной
Гласъ пѣнья моего;
И пусть придетъ мой часъ: ты здѣсь меня спокоишь,
И, можетъ быть, еще слезами удостоишь
Прахъ друга своего.

Когда жъ со Львовымъ вы пойдете мимо оба,
И заколеблются цвѣты на дернѣ гроба,
Изливъ сладчайшій духъ;
Я заклинаю васъ: постойте! не бѣгите!
И въ тихомъ трепетѣ обнявшися, скажите:
«Здѣсь спитъ нашъ вѣрный другъ!»

КЪ ѲЕОНѢ.

Внимая вѣтровъ грозны споры,
Съ крутыхъ Балтійскихъ береговъ
Къ тебѣ я обращаю взоры,
Сестра, предметъ моихъ стиховъ,
Предметъ нѣжнѣйшаго союза,
Природы драгоцѣнный даръ!
Ты будь моя въ отсутствѣ Муза,
Явись, какъ легкій утромъ паръ,
Взносящійся отъ Невскихъ токовъ,

И цѣлая толпа рабовъ его смущенныхъ
Неможетъ отразить вкругъ крововъ позлащенныхъ
Летающихъ досадъ.

Съ нимъ горькая тоска бесѣдуетъ всечасно
И что пріятно всѣмъ, ему лишь то ужасно,
И дружество и сонъ.
И совѣсть желчь лѣтъ во снѣдь его любезну:
Онъ ярость въ чашѣ пьетъ и видитъ тамо бездну,
Гдѣ видимъ мы лишь тронъ.

Веселый сонъ селянъ смыкаетъ очи томны,
И вноситъ на крылахъ въ ихъ домы не огромны
Ласкающи мечты;
Спокойна ихъ душа подобіемъ природы,
И лучше день одинъ весеннія погоды
Всей міра суеты.

Блаженъ, кто, лишь зарей поутру пробуждаемъ,
И въ сѣни собственной Зефиромъ прохлаждаемъ,
Всходяще солнце зритъ!
О, кто меня въ страну восхититъ вожделѣнну,
Гдѣ на руку главу склонилъ бы утомленну,
Въ древесной сѣни скрытъ!

Примите вы меня тогда, сладчайши Музы!
И дайте существа проникнуть мнѣ союзы
Природы вѣчну связь:
Какою склонностью міры одушевленны
Къ горящимъ солнцамъ ихъ согласно устремленны,
Колеблются, катясь.

Я тихо буду пѣть у сей волны священной;
Ты будешь спровождать на лирѣ позлащенной
Гласъ пѣнья моего;
И пусть придетъ мой часъ: ты здѣсь меня спокоишь,
И, можетъ быть, еще слезами удостоишь
Прахъ друга своего.

Когда жъ со Львовымъ вы пойдете мимо оба,
И заколеблются цвѣты на дернѣ гроба,
Изливъ сладчайшій духъ;
Я заклинаю васъ: постойте! не бѣгите!
И въ тихомъ трепетѣ обнявшися, скажите:
«Здѣсь спитъ нашъ вѣрный другъ!»

КЪ ѲЕОНѢ.

Внимая вѣтровъ грозны споры,
Съ крутыхъ Балтійскихъ береговъ
Къ тебѣ я обращаю взоры,
Сестра, предметъ моихъ стиховъ,
Предметъ нѣжнѣйшаго союза,
Природы драгоцѣнный даръ!
Ты будь моя въ отсутствѣ Муза,
Явись, какъ легкій утромъ паръ,
Взносящійся отъ Невскихъ токовъ,

Не запираемъ мы дѣвицъ.
У насъ онѣ во всей свободѣ,
И въ мызѣ барышень пять, шесть,
Которы самой новой модѣ
Собою могутъ сдѣлать честь.
И съ ними милая, живая
Вдова осьмнадцати годовъ,
Котора, скорбь позабывая,
Не думаетъ въ супружній ровъ,
Во слѣдъ за скучной Артемизой,
Влачить печальныя стопы;
Не отгоняетъ мрачной ризой
Эротовъ и забавъ толпы,
Но остроумными словами
Забавитъ наши вечера:
По струнамъ бѣгаетъ перстами,
Какъ записные мастера;
Изъ Гиланда и Гагедорна
Стихи читаетъ наизусть;
Рѣзва, свободна, безпритворна,
Не знаетъ, что̀ такое грусть.
Но что̀ сказать вамъ о дорогѣ?
Какъ вихрь, хотя на почтовыхъ,
Мы очутились на порогѣ
Желанныхъ теремовъ своихъ,
Не думавши о наблюденьѣ
Земель и жителей и травъ:
Какъ будто въ тонкомъ сновидѣньѣ
Верстъ болѣ двухъ-сотъ проскакавъ.
Эстоновъ, Финновъ мы встрѣчали
Въ соломой крытыхъ шалашахъ,

Которы всѣ свои печали
Топили въ чашахъ и кошикъ.
Мы зрѣли Ямбургски валы,
Близъ быстрой Лужскія волны.
Гдѣ овцы дань несутъ косматы
Ткачей въ стучащіе станы.
Мы зрѣли древній градъ, косящій
Напечатлѣніе временъ,
Съ хребтовъ Иванговскихъ висящій,
Соперникъ Ругодевскихъ стѣнъ:
Въ ногахъ его быстра, сурова,
Свергаясь съ каменной скалы,
Бѣжитъ шумя еще Нарова
Въ морскіе бросаться валы:
Насупротивъ его раскаты
Искусствомъ новымъ созданы,
Петромъ и Русской грудью взяты
И прѣжни траты отищены.
Но мы опять бы зрѣть желали
Великій городъ у Невы,
Гдѣ пребываніе основали
Искусства, Граціи и мы.

ЕПИСТОЛА

Къ Е. П. Ивану Петровичу Тургеневу.

1774.

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Что преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ,
Безъ пользы для другихъ, безъ плану и безъ дѣла,
Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности стенящаго своей,
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянья желаетъ:
Свѣтъ зримый всякій день его не забавляетъ.
И между тѣмъ, какъ все въ движеньѣ вкругъ него,
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
Напрасно бы жезломъ какой всесильной Феи
Онъ видѣлъ всѣ свои исполнены затѣи;
Вновь тысящи бы онъ желаній сплеталъ
И посреди воды былъ жажденъ, какъ Танталъ.
Того лишъ, кто владѣть умѣетъ самъ собою,
Зову свободнымъ я. Не споритъ онъ съ судьбою,
Но всюду слѣдуетъ призванію ея
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія.
Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
Раскаянье они и скуки не приводятъ;
Любовью истины, любовью красоты

Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ
И въ позднюю ночь, подъ кровъ склоняяся домашный,
Столы обременялъ некупленными брашны:
Онъ счастье въ хижинѣ, конечно, находилъ
И пышныхъ богачей душой превосходилъ.
И къ счастью можетъ ли способствовать богатство?
Желанье собирать есть болѣе препятство,
Чѣмъ способъ къ счастію. «Ахъ! если бъ къ кучѣ той
Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!»
Вотъ собирателя одно воображенье.
И расточителя не лучше положенье:
Для роскоши его отверстая душа,
Всечасно къ новому веселію спѣша,
Отъ коей прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ
И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
Богатъ, кто, знаючи своимъ достаткомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить.
И словомъ, счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.
Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріятны старости готовишь вспоминанья.
Съ тобою почерпать мы прежде тщились знанья:
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ вьючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,

Изображаетъ Бренна въ горнилѣ своихъ криста-
ловъ:
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шува-
ловъ:
Гдѣ, Ломоносова пріявши мирный домъ.
Пиндарскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барковъ сталъ во вѣкъ родитель Росска Слова
И Шишковъ истинну являетъ безъ покрова:
Тамъ дружбы сладостной услышали мы гласъ:
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

КЪ МУЗѢ.

Сокрылися навѣкъ мои прекрасны дни;
За ними скрылися и слезы, и забавы,
И нѣжныя мечты, и обманчивы славы:
Ты, Муза скромная, урокъ ихъ замѣни.
Вѣрнѣе ихъ въ своихъ щедротахъ,
Отдай мнѣ суеты робячества; доставь
Еще мнѣ счастье пѣть старинны басни вновь
И воздыхать еще о Нимфахъ и Эротахъ.
Кому ты въ юности сопутницей была.
Того и въ охлажденны лѣты,
Когда суровый умъ даетъ свои совѣты,
Ты манишь жестомъ волшебнаго жезла

Въ страны роскошны и прелестны,
Страны одной тебѣ извѣстны,
Послушные тебѣ гдѣ льются ручейки,
Гдѣ сладостной твоей улыбкой
Яснѣютъ небеса, гдѣ вѣютъ вѣтерки
И вьется виноградъ съ своей лозою гибкой.
Но гдѣ равно, когда нахмуришь бровь
Во основаніяхъ колеблется природа,
И меркнетъ свѣтъ и стынетъ кровь
И потрясаются столпы небесна свода.
О, милыя мечты, которыхъ суета
Имѣетъ болѣе цѣны и наслажденья
Чѣмъ радости скупыхъ, честолюбивыхъ бдѣнья
И свѣта шумнаго весь блескъ и пустота!
Любимцамъ, Муза, ты Елизій сотворяешь
И щедро сыплешь вкругъ сокровища весны!
Куда ни прилетишь, тамъ счастье водворяешь,
И украшаешь всѣ страны.
Покинувъ берега Іоніи роскошной,
Отъ сѣни тайныя, гдѣ твой Горацій пѣлъ,
Ты посѣщаешь днесь край западный, полнощной
И новый для Харитъ Темпей ужъ тамъ расцвѣлъ,
Гдѣ дики племена вели кровавы ссоры.
Приступна всѣмъ равно и смертнымъ и странамъ,
Ты усмирять спѣшишь свирѣпые раздоры
И благосклонствуешь враждебнымъ берегамъ.
Дѣлясь межъ Галліи и между Албіона,
Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты
Неподражаемы черты,
Которымъ нѣтъ ни правилъ, ни закона.
Влагаешь чувство красоты

И въ рѣзвое дитя мечты
На берегахъ Авона:
И въ гордаго пѣвца,
Который убѣжалъ изъ хижины отца
Отъ влажныхъ береговъ Архангельскаго града,
Чтобъ всюду слѣдовать, дщерь Неба, за тобой,
И лиру соглашать съ военною трубой.
Тобою внушена безсмертна «Россіада»;
Тобою «Душенька». Ты съ Бардомъ у Невы
Приносишь смертному даръ истинъ вдохновенныхъ,
Иль водишь сладостно въ окрестностяхъ Москвы
За бѣдной Лизою всѣхъ чувствомъ одаренныхъ,
И мнѣ съ младенчества ты Феею была.
Но благосклоннѣе сначала
Ты утро дней моихъ прилѣжнѣй посѣщала.
Почто жъ печальная распространилась мгла
И ясный полденъ мой своей покрыла тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
И въ пѣсняхъ не прейду къ другому поколѣнью?
Или я весь умру?

НАДГРОБНАЯ

Елисаветѣ Львовнѣ Нарышкиной,

скончавшейся Іюля 1-го 1795 года.

—

Вчера красавица, сегодня Ангелъ свѣта,
Прахъ чистый, почивай легко, Елисавета.
Горда для радостей единаго часа,
Ты только зрѣла ихъ, спѣша на небеса.
Не держитъ смерть тебя въ уединеньи строгомъ,
Жила съ невинностью—живешь конечно съ Богомъ.

ПРОЗА.

ОБИТАТЕЛЬ ПРЕДМѢСТІЯ.

Хотѣлось мнѣ имѣть землицы уголокъ
И садикъ, и вблизи прозрачный ручеёкъ,
Лѣсочикъ сверхъ того: и лучше мнѣ и болѣ
Послали Небеса. Мнѣ хорошо въ сей долѣ,
И больше ни о чемъ не докучаю имъ,
Какъ только, чтобъ сей даръ оставили моимъ.

Горацій.

№ 1.

Пятница, Августа 2, 1790 года.

Млекомъ и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга.

Ломоносовъ.

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, за тѣмъ что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка. Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ и опускаютъ косы свои. Какой пріятный запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу трудолюби-

вымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: *Богъ помочь, друзья!* они отвѣтствуютъ мнѣ: *спасибо, доброй баринъ!* Мой домикъ очень малъ и невидѣнъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ и поддерживаемыя столпами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь, весьма древняго строенія. Одинъ Князь, котораго не упомню имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старые дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою.

Подлѣ церкви живетъ Священникъ, старый и почтенія достойный человѣкъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, такъ какъ отецъ о дѣтяхъ; помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти каждаго запомнитъ рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, затѣмъ что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ. Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить счастіе въ добро-

дѣтели и исполненіи должностей вашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясеневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня священникъ или человѣкъ, другой, пріятелей.

Я имѣю пріятелей, потому что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному, любить только самого себя, никому не быть полезну!... Нѣтъ, чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданина моего — законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честьми и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей; оно снисходитъ даже до изысканія нѣкоторыхъ невинныхъ забавъ,—а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою отъ участія въ общихъ трудахъ; не раздѣлю ни бдѣній градоначальника, ни опасностей воина, когда отечество благоволитъ пріобщить меня къ оными! Да удалится отъ меня такое чувствованіе! Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля, болѣе нежели самого себя, и болѣе нежели ихъ, если возможно, мое отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго Грека, который вознесъ отечество свое на верхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думаю его унизить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! Самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюсь въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я счастіе, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединяюсь, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ его движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ; и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, кроющагося во глубинѣ сердца, краснѣюсь и пріемлю твердое намѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и долы. Дышу свѣжимъ воздухомъ при закатѣ солнечномъ, или развожу маленькій садикъ свой, и поливаю благоуханныя розы и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюсь на рѣзвомъ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній природы, цвѣ-

токъ, растеній, камней и [illegible] [illegible] силы и свойства ихъ.

[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] тѣни [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] къ [illegible]. Сверхъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] или [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], или [illegible] истины [illegible]. Въ такомъ упражненіи [illegible] на меня [illegible] спокойный и безпорочный, до тѣхъ поръ, когда [illegible], [illegible] горы, возвѣститъ слѣдующее утро.

№ 2

[illegible]. 9 августа 1790 года.

—

[illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible]
[illegible]

Погода имѣетъ какое-то вліяніе надо мною. Влажный воздухъ, покрытое тучами небо, не отнимая внутренняго спокойствія души моей, производятъ во мнѣ нѣкоторую важность, склонность къ размышленію. Я вспоминаю отдаленныхъ друзей своихъ. Уединясь, въ глубокой задумчивости, проливаю слезы сожалѣнія надъ тѣми, которыхъ смерть у меня похитила. [illegible] сокрылися отъ моихъ дружескихъ объятій! Въ странахъ [illegible] блаженства пріемлютъ они воздаяніе за жизнь, безпрестанно доброд-

тельную, за смерть, вкушенную за отечество. Графъ Благотворовъ, конечно, не вспомнитъ имени его, не предавшись всей своей чувствительности, хотя радостный миръ и возвращаетъ ему *Васиньку*, здоровагo и достойнаго всей его нѣжности. Я посвятилъ въ саду своемъ смиренный памятникъ Эмилію. Печальная сѣнь кипарисовъ заключаетъ въ себѣ урну его и сіи слова, начертанныя на подножіи: «Памяти моего любезнаго Эмилія! Добрый сынъ, нѣжный другъ, ревностный гражданинъ, онъ увѣнчалъ добродѣтельную жизнь славною смертію за отечество.»

Въ такомъ положеніи былъ я третьяго дня по утру. Солнце показалось-было на минуту, и тотчасъ скрылось въ туманѣ, который поднялся вверхъ. Дождикъ начиналъ накрапывать; однако я не потерялъ мужества. Завернувшись въ сюртукъ свой, сѣлъ на лошадь и пустился рысцою вдоль по дорогѣ. Движеніе возвратило мнѣ всю мою веселость. Иногда скакалъ я, сокрытый съ обѣихъ сторонъ волнующимися жатвами; иногда спускался въ глубокій оврагъ, гдѣ ручеекъ пробѣгалъ по камешкамъ. Здѣсь проѣзжалъ я деревню, тамъ усадьбы помѣщиковъ; индѣ, выѣзжая изъ лѣсу на лужокъ, видѣлъ я пасущееся стадо сосѣдственной деревни, и собаки пастуха преслѣдовали лошадь мою лаемъ. Занимаясь всѣмъ, что попадалось мнѣ на встрѣчу, нечувствительно очутился я на двадцатой верстѣ отъ дому. *Ладыино* было въ виду. Какъ не заѣхать къ ста-

[illegible]

Любезный друг! [illegible] Вот тебе — в [illegible] Будь [illegible] Всегда чей приятель тебя, тебе; не [illegible] [illegible] [illegible]

противиться первымъ движеніямъ. Можетъ быть, имѣлъ бы онъ теперь мѣсто между нашими храбрыми адмиралами, ежели бы нетерпѣливость также не заставила его покинуть службу. Будучи на морѣ, обидѣлъ онъ вспыльчивостію лейтенанта корабля своего; но опамятовавшись черезъ минуту, при собраніи всего экипажа просилъ у него прощенія. Сей поступокъ произвелъ разные толки, и нетерпѣливый Неслѣтовъ захотѣлъ лучше отказаться отъ блестящихъ видовъ службы, нежели снести взоръ неудовольствія своихъ начальниковъ.

И теперь самая наклонность лѣтъ его и горестные опыты не могутъ совершенно преодолѣть крутости его нрава. Человѣкъ, который въ спокойные часы свои наполненъ горячайшаго доброжелательства ко всѣмъ людямъ, во гнѣвѣ доходитъ до неистовства. Самая бездѣлица выводитъ его изъ самого себя. Но ни что не можетъ быть искреннѣе и горестнѣе его раскаянія. Онъ въ состояніи унизить себя предъ послѣднимъ человѣкомъ и все отдать, чтобы удовольствовать обиженнаго. Зная то, домашніе пользуются этою слабостію и нарочно попадаются ему во время изступленія его, увѣренные, что щедрость его превзойдетъ несравненно оскорбленіе.

Остатокъ дня проводили мы въ пріятныхъ разговорахъ. Въ уединеніи своемъ не можетъ онъ еще позабыть своей службы. Сердце его восхищается славою отечества, и онъ сердится

на себя, что не имѣлъ счастія сражаться на Ревельской рейдѣ или въ заливѣ Выборгскомъ.

У него множество заведеній: больница, училище, деревенскія рукодѣлья. Благочестіе его занимается теперь строеніемъ церкви. Крестьяне окружаютъ его не такъ, какъ господина, но какъ отца и благодѣтеля. Онъ заставляетъ прощать себѣ несовершенства нѣжнымъ своимъ *благоволеніемъ къ человѣчеству*.

Я проводилъ день съ удовольствіемъ, ночевалъ и на другой день, послѣ завтрака, въ прекраснѣйшее утро, пріѣхалъ домой.

№ 3.

Пятница, 23 *Августа* 1790 *года*.

Напрасно море свирѣпѣетъ:
Когда Всевышній не велитъ,
Брегамъ оно терзать не смѣетъ;
Одна песчинка имъ дѣлитъ.

Херасковъ.

Иногда находятъ на меня такія минуты, что я погружаюсь совершенно въ воспоминаніе прошедшаго, и съ удовольствіемъ представляю себѣ явленія моего младенчества. Воображаю живо: мѣста, гдѣ я бѣгалъ, мои ребяческія игрушки, радости и печали, маловажныя и непостоянныя.

Особливо помню я одинъ разговоръ съ моимъ наставникомъ. Мнѣ кажется, что я теперь его вижу.

Это было лѣтомъ. Тихій вечеръ оканчивалъ знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пути своего, покоилось, за мгновеніе передъ закатомъ, на крайнихъ горахъ горизонта; а я прогуливался на крутомъ берегу Волги, съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, кроткимъ Иліановымъ. Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не расцвѣла еще совершенно. Мы касались оба противуположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ; и часто, позабываясь, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнѣйшаго товарища.

Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: «Сынъ мой! (этимъ именемъ любви одолженъ я былъ нѣжности сердца его и послушанію моему) озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напояющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ благополучія? Чудеса природы не довольны ли для счастія человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденій. Великолѣпіе и вся красота природы вкушаются только невиннымъ сердцемъ. Сохраняй тщательно непорочность сердца своего; будь кротокъ, праведенъ, благотворителенъ; поставляй себя всечасно въ при-

сутствіи Вышняго Существа. Одно счастіе — добродѣтель; одно несчастіе — порокъ. И всѣ печали твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть творитъ и природу спокойною.»

Слова его глубоко проникли въ душу мою, и я повергся съ умиленіемъ въ объятія старца. Бугорокъ служилъ намъ мѣстомъ успокоенія. Свѣтъ вечерній исчезалъ подъ кровомъ ночи. Скоро стала повсюду единая тишина и безмолвіе.

«Чувствительность твоя» продолжалъ наставникъ мой «есть знакъ сердца твоего и добродѣтели. Не взирай никогда хладнокровно на благодѣянія Божія. Все, что окружаетъ тебя, ты самъ, твоя безсмертная душа, — все носитъ на себѣ священное начертаніе Его могущества и благости. Сія былинка, теперь тобою сорванная и которая завянетъ завтра, и сіе возвышающееся свѣтило ночи — сребровидный мѣсяцъ, единымъ словомъ Его получили бытіе свое. Пройди взоромъ необъятныя пустыни неба: онѣ усѣяны солнцами, которыя другимъ мірамъ свѣтятъ. Другія земли *привлекаются* и *тяготѣютъ* къ нимъ; и шаръ сей, на которомъ мыслящія существа проводятъ краткую жизнь, становится точкою въ чинѣ природы.

«Повинуясь первому побужденію, которое рука Всесильнаго въ первое мгновеніе бытія сообщила имъ, огромныя тѣла небесныя, окруженныя паромъ воздуха, колеблются на зыбяхъ *эѳира*. Планеты катятся въ предписанныхъ кругахъ. Источ-

никъ свѣта и жизни — горящее солнце, служитъ средоточіемъ для подчиненныхъ ему планетъ. Не премѣняя мѣста, обращается оно на оси своей.

«Испытатель естества вознесся на крылахъ наблюденія и написалъ чертежъ системы міра. Десять тысячъ поперечниковъ шара нашего отдаляютъ насъ отъ солнца. Всѣхъ ближе къ нему катится Меркурій. Видишь сіе блистающее свѣтило? это Венера. Она странствуетъ такъ же, какъ Земля, блистая заемнымъ свѣтомъ. Ниже ея шествуетъ Земля — прекрасная обитель *человѣка*. Служебная планета, Луна, ей сопутствуетъ, обращаясь кругомъ и освѣщая ночи ея. Четвертый кругъ описывается Марсомъ. Въ чрезвычайномъ отдаленіи, огромный Юпитеръ съ четырьмя Лунами совершаетъ длинный путь свой. Далѣе движется Сатурнъ. Отдаленіе солнца замѣняется ему изобиліемъ спутниковъ, отражающихъ слабѣющіе лучи солнца, и твердымъ кольцомъ, плавающимъ около его.

«Око астронома не постигнетъ всѣхъ міровъ; но сердце благодарное и незлобивое полагаетъ предѣлы любопытству благоговѣніемъ, и восхищается премудростію Божіею въ самое то время, когда признаетъ свое невѣдѣніе и слабость.»

Такъ говорилъ онъ, и взявъ меня за руку, повелъ въ спокойную хижину. Уже наступало время сна. Рука въ руку обратились мы спокойно къ вратамъ сельскаго обитанія нашего.

№ 4.

Пятница, 13 *Сентября* 1790 *года*.

Представь, о, древность! мнѣ предъ очи
Вселенныя спокойнѣй вѣкъ:
Тамъ въ сладкомъ мирѣ дни и ночи
Препровождаетъ человѣкъ;
Земля тамъ въ части не дѣлится;
Тамъ вся природа веселится;
Бѣгутъ оттоль вражда и гнѣвъ:
Тамъ съ агнцемъ почиваетъ левъ.

Майковъ.

Къ намъ всѣ извѣстія доходятъ поздно. Отдѣленные отъ города, мы составляемъ особливый свѣтъ, гдѣ царствуетъ тишина, спокойствіе, уединеніе. Но какою радостію наполнилось наше предмѣстіе, когда раздалась желанная вѣсть мира! Толпятся на улицѣ, обнимаютъ другъ друга, поздравляютъ, окружаютъ счастливаго вѣстника. Каждый навѣдывается у него о братѣ, о другѣ, о сродникѣ. Я разспрашиваю объ Алетовѣ, и имѣю несравненное удовольствіе слышать, что онъ живъ, что къ достоинству храбрости присоединилъ онъ другое, любезнѣйшее — человѣколюбіе. Онъ имѣлъ счастіе быть употребленъ къ спасенію погибающихъ. Множество равныхъ ему людей, сограждан, обязаны ему жизнію. Какое наслажденіе можетъ съ симъ сравниться! Сколько печалей должны быть заглаждены въ сердцѣ его симъ сладостнымъ воспо-

минаніемъ! Но восхищенія наши помрачаются иногда слезами прискорбія и сожалѣнія. Сердца проникаются состраданіемъ при воспоминаніи сихъ достойныхъ молодыхъ людей, которые, такъ какъ мой Эмилій, заплатили долгъ отечеству своею незлобивою и прекрасною жизнію. Несчастные родители! вы не примете ихъ въ свои объятія; ваша сирая старость лишена подпоры, сладостнаго утѣшенія. Нѣжные друзья будутъ вѣчно чувствовать въ сердцахъ своихъ праздное мѣсто, которое занимали столь пріятно сіи любви достойные юноши. Въ блестящихъ обществахъ столицы будутъ спрашивать другъ друга: гдѣ тѣ, которые недавно раздѣляли забавы наши и увеличивали ихъ своею живостію, откровенностію, знаніемъ свѣта? Строгій долгъ— любовь отечества, слава — присвоили себѣ жизнь ихъ и память.

Въ разговорахъ нашихъ слѣдуемъ мы постепенно за звучнымъ оружіемъ Россійскимъ на сушѣ, на морѣ. Съ благоговѣйною печалью представляемъ себѣ и въ самой смерти непоколебимое мужество героя Ангальта; удивляемся пламенному духу сего маршала, не вышедшаго еще изъ первой юности, который, опоясавъ флагъ, бросается въ море, прося только увѣдомить отца его, что умираетъ достойнымъ его сыномъ. Другой, сынъ славнаго стихотворца, котораго стихи поставлены въ заглавіи листа сего, въ самомъ огнѣ сраженія устремляется на камень противъ непріятельской баттареи, и кричитъ сол-

дятамъ: «Ребята, за мною! я ужъ на баттареѣ!» и въ то же самое время ядро опровергаетъ великодушную похвальбу его.

Мы начертываемъ въ воображеніи всѣ походы, всѣ станы Россійскаго воинства; и положенія Мемеля, Ковалы, Пумалазунда, Саватайполя намъ уже почти столько же извѣстны, какъ и мирныя хижины нашего предмѣстія.

Но мы не довольствуемся разговорами. Достойный пастырь нашъ ведетъ насъ къ жертвеннику Бога силъ и мира. Соединенные усердіемъ и доброжелательствомъ, мы изливаемъ горячайшія молитвы и благодаренія Всевышнему за успѣхи, которыми благословилъ Онъ оружіе Россійское. Досточтимый священникъ поучаетъ духовное стадо свое словомъ, происходящимъ отъ избытка сердца. Онъ не ищетъ краснорѣчія: убѣжденіе покоится на устахъ его. Такимъ образомъ любимый отецъ говоритъ среди послушныхъ дѣтей своихъ. Сѣдины его, ясность взора, свидѣтельница спокойствія душевнаго, брада, нисходящая на грудь его, посохъ, на который опирается, — все возвѣщаетъ учителя народнаго, который стоитъ на краю вѣчности.

Проповѣдникъ мира хочетъ и праздновать его у себя. Всѣ жители предмѣстія идутъ въ смиренный домъ его. Наши именитые граждане, отставной маіоръ Дремовъ, Перковъ ученый, засѣдатель Кармановъ, купецъ Кормиловъ и прочіе сосѣди наши считаютъ за удовольствіе быть угощаемы добродѣтельнымъ старцемъ. Не говорю

о себѣ, затѣмъ что я раздѣлялъ хозяйственныя попеченія священника.

Обѣдали на дворѣ, подъ тѣнью древняго дуба. Супруга священника, другая Бавкида, уставила гостепріимный столъ простыми брашнами.

На память радости нашей, мы посадили молодую лѣторасль ивы. На коркѣ дерева начертали мы годъ и день заключенія мира. Умилительное явленіе заключило нашъ праздникъ. Священникъ вывелъ посреди насъ малолѣтное дитя, котораго отецъ (солдатъ Измайловскаго Полка), убитъ на войнѣ. Единогласно все собраніе наше взяло сироту въ особливое свое покровительство. Священникъ будетъ его учить и воспитывать. Мы другъ передъ другомъ ревновали обложить себя нѣкоторымъ числомъ денегъ, для составленія маленькаго имѣнія несчастному, думая, что благодареніе, угоднѣйшее Вышнему Существу, есть благодѣяніе человѣкамъ.

№ 5.

Пятница, 27 Сентября 1790 года.

Тотъ извергъ естества, кто ближнихъ ненавидитъ;
Тотъ малъ, чтобъ честнымъ быть, кто только не обидитъ.
По правдѣ человѣкъ, кто всѣмъ благотворитъ:
Дыханія его немолчный есть свидѣтель
Споспѣшна добродѣтель.
Онъ живъ, коль всѣхъ живитъ.

Петровъ.

Принявъ участіе въ общей радости о заключеніи мира, я предался другому чувствованію

особенность, которое меня только касалось: я вспомнилъ Василька. Мнѣ извѣстно было изъ писемъ, въ который день его ожидаютъ. Никольское далеко отсюда; но удовольствіе видѣть любимыхъ людей въ счастіи уничтожило въ воображеніи моемъ разстояніе, которое раздѣляетъ предмѣстіе мое съ Никольскимъ. Я простился съ добродѣтельнымъ священникомъ и бросился въ кибитку. Каждое обращеніе колеса удовлетворяло моей нетерпѣливости. Біенія сердца моего угадывали приближеніе Никольскаго. Съ какимъ восхищеніемъ въѣхалъ я въ сію темную аллею, которая ведетъ къ воротамъ Никольскаго! Хотя осенній вѣтеръ возмущалъ и блекліе листы ея, но сладостные мечтанія, въ которые [illegible] Благотворитъ и всѣ особы, составляющія семейство его, удаляли меня своихъ объятій, превышаетъ описаніе. Его любящее сердце [illegible] еще радостію родителя, которую вкушалъ онъ при возвращеніи сына своего изъ опасностей непредвидимыхъ и еще достойнѣйшаго [illegible]ности его, нежели прежде. «Посмотри, говорилъ онъ «Василька съ нами! Обнимите его.» Слезы не позволяли говорить болѣе. Онъ стыдился ихъ и [illegible].

Добросердечіе господина [illegible], кажется, во всѣхъ его [illegible]. Въ самомъ дѣлѣ [illegible] не имѣетъ слугъ, иначе онъ [illegible] [illegible] [illegible] и равные [illegible] люди, которые принуждаются бѣдностію состояніе своего [illegible] безъ [illegible] всѣ [illegible] [illegible]

вія. Онъ, кажется, окруженъ толпою внимательныхъ пріятелей, которыхъ покровительствуетъ. Не помнятъ въ домѣ, чтобъ онъ огорчилъ кого грубымъ словомъ, не для того, чтобъ не случилось никогда оплошности, — это невозможно; но онъ почитаетъ должностію своею исправить преступившаго съ тихостію, и думаетъ, что обезчеститъ самого себя, ежели въ домашнемъ своемъ унизитъ ругательствомъ достоинство человѣка. Часто отлагаетъ и самыя кроткія увѣщанія свои, затѣмъ что видитъ въ стыдѣ преступника величайшее наказаніе. Тотъ, который былъ удостоенъ его выговора, не промѣнялъ бы ни за что утѣшенія быть имъ наставлену. Столько тихость господина дѣлаетъ сердца служителей кроткими и чувствительными!

Всѣ его домашніе наполнены истинной учтивости и доброжелательства. Ни какой бѣдный человѣкъ не былъ ими отверженъ съ презрѣніемъ. Видя ихъ поступки, иной бы принялъ ихъ за благородныхъ: отъ того, что графъ признаетъ одно благородство сердечное.

Говоря съ слугами своими, онъ никогда не забываетъ, что говоритъ съ людьми. Всѣ его приказанія умягчены какою нибудь ласкою: «Потрудись, другъ мой; не тяжело ли тебѣ будетъ?» или что нибудь подобное. При исполненіи какого нибудь порученія, никогда не преминетъ хвалить за скорость и исправность.

«Они люди и несчастны (вотъ слова его): слѣдственно имѣютъ право на сожалѣніе наше. Но

они еще нами служатъ: слѣдственно мы обязаны имъ благодарностію. Такъ, какъ и они, я могъ бы родиться слугою, и нечувствительный господинъ измучилъ бы меня трудомъ и уничижалъ презрѣніемъ. Я очень счастливъ, что могу облегчать судьбу мнѣ подобныхъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, никто не разумѣетъ лучше его искусства дѣлать людей счастливыми. Все, что его окружаетъ, испытываетъ вліяніе добродушія его и привѣтливости, и заимствуетъ отъ него навыкъ пріятности и снисхожденія: жена, дѣти, родственники, друзья, знакомые, подчиненные, самые служители, которыхъ онъ называетъ *своими несчастными друзьями*. По одному разговору узнаешь, что они пользовались обхожденіемъ графа Благотворова.

Въ его домѣ нѣтъ ни злословія, ни переговоровъ, ни подлыхъ происковъ. Какимъ бы образомъ злобный наушникъ осмѣлился приблизиться къ графу? Онъ ненавидитъ одни пороки и любитъ исправлять порочныхъ терпѣніемъ и благоразумiемъ. Его камердинеръ самый счастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ видитъ каждый день добродѣтельнѣйшаго человѣка, и каждый день становится добрѣе и просвѣщеннѣе. Онъ читаетъ въ библіотекѣ графской, и я знаю, что онъ употребляетъ половину жалованья своего на содержаніе бѣдныхъ.

Послѣдній день, что я былъ въ Никольскомъ, прогуливались мы съ графомъ въ полѣ. Было поздно. Вдругъ видимъ, что хижина, отдаленная

отъ жилья, загорѣлась. «Поспѣшимъ, любезный другъ, на помощь; можетъ быть, человѣкъ въ опасности.» Мы первые прибѣжали на пожаръ. Крестьяне, сбѣжавшіеся изъ села, видѣли съ восхищеніемъ помѣщика своего, презирающаго собственную опасность, спасающаго дряхлую и больную женщину. Напрасно уговаривали они его. «Друзья мои! я человѣкъ,— и мнѣ пріятно служить человѣчеству.»

№ 6.

Пятница, 4 Октября 1790 года.

Внѣшній блескъ преходитъ такъ, какъ дымъ;
Но красота души своей образъ сохраняетъ,
Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.

Богдановичъ.

Возвращаясь изъ Никольскаго, я имѣлъ случай видѣть по дорогѣ людей разнаго состоянія и наблюдать ихъ вблизи. Какое движеніе одушевляетъ цѣлое общество! Земледѣльцы, разсѣянные по полямъ, наполняютъ житницы государства. Обозы съ товарами идутъ медлительно къ мѣсту назначенія своего. Сокровища стекаются въ города и питаютъ рукодѣлья и художества; между тѣмъ какъ правленіе, устремляя всѣ части къ пользѣ цѣлаго общества, даруетъ всѣмъ покровительство законовъ.

Сіе зрѣлище занимало меня пріятнымъ образомъ и уменьшало скуку путешествія. Я разговаривалъ съ селянами, и часто въ разговорахъ ихъ почерпалъ наставленія въ сельскомъ домостроительствѣ, въ наблюденіи природы, съ которою они знакомѣе насъ. Вездѣ находилъ я бодрость духа, разсужденіе простое и здравое, неутомимое трудолюбіе,—черты, которыя составляютъ, кажется, народное умонастроеніе.

Въ одной волости представилась мнѣ совсѣмъ иная картина: поля пренебреженныя, хижины земледѣльческія развалившіяся, вросшія въ землю, соломою крытыя: а на холму, подлѣ которыхъ деревня, огромное зданіе помѣщика, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи. Но великолѣпіе соединялось съ худымъ вкусомъ: безъ плана, ни какой соразмѣрности въ частяхъ, украшенія тяжелыя, излишнія. Отъ недостатка иждивенія и порядка, великолѣпное строеніе начинало уже развалиться. Я полюбопытствовалъ спросить объ имени помѣщика. Извощикъ мнѣ отвѣтствовалъ, что это князь .... Но я лучше не назову его, уважая тѣни славныхъ людей, отъ которыхъ онъ происходитъ.

Улицы селенія были столь худы, что, при самомъ въѣздѣ въ него, ось кибитки моей переломилась; и между тѣмъ, какъ я былъ въ величайшемъ затрудненіи, звуки роговъ и топотъ коней извѣстили меня о возвращеніи помѣщика съ охоты. Я былъ приглашенъ имъ, не столько изъ гостепріимства, какъ изъ суетной надмен-

ности и желанія ослѣпить проѣзжаго сіяніемъ пышности его.

Чертоги его испещрены повсюду золотомъ, и ни что не показывало болѣе малости души господина ихъ, какъ смѣшное великолѣпіе, которымъ онъ окружалъ себя. Ему казалось — и онъ не скрывалъ того, — что онъ совсѣмъ отмѣннаго общества отъ его подданныхъ. Несчастіе крестьянъ его не трогало; онъ думалъ, что они рождены для его презрѣнія. Но, вмѣсто того, собаки были предметомъ его вниманія и разговоровъ: одна охота могла приводить въ движеніе тяжелую его душу. Впрочемъ, угожденія чреву его, сонъ и грубыя шутки наполняютъ пустоту его времени. Неспособный къ обхожденію съ честными людьми, онъ живетъ съ презрительными шутами, и смѣется съ удовольствіемъ тому, что только заслуживаетъ сожалѣніе.

Обхожденіе его совсѣмъ противуположно тому, которымъ графъ Благотворовъ составляетъ услажденіе своихъ пріятелей: простонародныя предразсужденія, разговоръ черни, ни какой вѣжливости, ни какихъ знаній. Онъ утверждаетъ, что Владиміръ былъ современникъ Августовъ и что пушки были при осадѣ Трои. Ломоносовъ ему столько же извѣстенъ, какъ Конфуцій.

Сколь различнымъ образомъ препроводилъ я вечеръ на ночлегѣ моемъ! Я присталъ къ почтенному земледѣльцу. Четыре сына, изъ которыхъ меньшому было за пятнадцать лѣтъ, окружали съ почтеніемъ добродѣтельнаго отца. По

бодрой старости его, я не повѣрилъ бы, что онъ переступилъ уже за сто лѣтъ жизни своей, если бы я осмѣлился и самъ въ себѣ подумать, что ложь можетъ быть на языкѣ его.

Поля, окружающія деревню, обработаны его рукою. Онъ первый поставилъ хижину, когда кругомъ еще было непроходимое болото и дремучій лѣсъ. Труды его благословлены изобиліемъ, а добродѣтель — потомствомъ. Его одно семейство составляетъ населеніе деревни.

По вечерамъ всѣ сходятся въ жилище праотца своего, утѣшать старость его зрѣніемъ рѣзвой юности и пользоваться мудростію его и опытностію. Женщины занимаются около огня домашними упражненіями въ кроткомъ молчаніи. Старикъ разсказываетъ или забавляетъ правнучатъ своихъ. И тогда два младенца, сыновья внуковъ его, сидѣли у него на колѣнахъ и играли сѣдинами его. Онъ вкушалъ радости, рѣдкимъ изъ людей извѣстныя. Алексѣй, младшій внукъ его, возвратился въ тотъ день изъ похода. Въ мундирѣ, двѣ медали на груди, молодой человѣкъ чувствовалъ несравненное удовольствіе быть похваляему дѣдомъ своимъ. Старикъ самъ служилъ въ молодости. Онъ имѣлъ счастіе видѣть и слышать Петра Перваго. Молчаніе царствовало вокругъ его, когда онъ выговаривалъ съ глубокимъ чувствованіемъ и съ слезами имя Великаго Государя. Память его, сохраняя залогъ свой, повторяла вѣрно всѣ приключенія молодости его, какъ бы дѣйствія вчерашнія. Такимъ

образомъ нѣкогда сама Исторія составилась изъ преданій.

Гостепріимный съ важностію, онъ продолжалъ заниматься семействомъ своимъ. «Не прогнѣвайся на меня,» говорилъ онъ мнѣ: «я не видалъ давно Олешеньки, и мнѣ не долго его видѣть. Я желаю отъ всего моего сердца, чтобъ и ты дождался внучатъ своихъ, когда они съ войны придутъ. Я было-отдалъ его Государю: Богъ привелъ опять увидѣть.»

Меня поразила мысль, что въ тотъ же самый день простой крестьянинъ внушилъ въ меня почтеніе, когда я взиралъ съ презрѣніемъ на знатнаго, недостойнаго своей породы. Я почувствовалъ всю силу *личнаго достоинства*. Оно одно принадлежитъ человѣку и возвышаетъ всякое состояніе.

№ 7.

Пятница, 11 *Октября* 1790 *года*.

Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда порочитъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Княжнинъ.

Сколь истинно, что лишенія придаютъ новыя пріятности наслажденіямъ нашимъ! Послѣ отсутствія моего мнѣ кажется, что домъ мой еще украсился, хотя глубокая осень лишила садъ

мой и рощу лѣтняго ихъ убранства и заключила въ комнаты уединеннаго ихъ обладателя. Я доволенъ тѣмъ, что могу быть самъ съ собою. Никакое непріятное воспоминаніе не отравляетъ моего уединенія. Чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели. Оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что, будучи поставленъ между добродѣтелью и несчастіемъ, изберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ счастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самого себя?

Какое удовольствіе ожидало меня на порогѣ дома моего! Усердіе домашнихъ, которыхъ каждое движеніе изъявляло радость о моемъ пріѣздѣ; одно зрѣніе покоевъ столь знакомыхъ, гдѣ я такъ давно счастливъ; книги, въ которыхъ учусь мыслить и чувствовать; рукописи, слабые опыты, въ которыхъ осмѣливаюсь перелагать древнихъ, или предаюсь собственной мечтательности,—все вмѣстѣ дѣлало минуту возвращенія моего восхитительною. И послѣ того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣяніяхъ, въ многолюдствѣ, далеко отъ домашнихъ боговъ своихъ; бѣгаютъ отъ веселій къ весельямъ и изъ земли въ другую, между тѣмъ какъ оно вездѣ въ своемъ отечествѣ и ожидаетъ ихъ дома!

Меня занимаетъ пріятнымъ образомъ домашнее хозяйство. Есть люди, которымъ нужна моя помощь, совѣтъ, предстательство. Какое счастіе отереть слезы невинно страждущаго, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ! Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя съ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ! Кто называетъ *дружбу*, называетъ *добродѣтель*. Меня ожидалъ въ горницѣ моей Алетовъ, возвратившійся изъ похода. Предчувствованія сердца его открыли ему время возвращенія моего. Наши сердечныя объятія, наше глубокое молчаніе изъявляли краснорѣчивѣйшимъ образомъ чувствованія, для которыхъ намъ не доставало словъ.

Мы не видали, какъ прошелъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ. Воспоминанія, чувствованія и мнѣнія прошедшаго времени снабжали насъ новыми размышленіями. Иногда мы были противнаго мнѣнія; но спорили безъ упрямства и уступали другъ другу безъ огорченія. Мы разгорячались только тогда, когда говорили о пользахъ человѣчества. Часто воспоминалъ Алетовъ какой нибудь прекрасный стихъ изъ Танкреда, или Меропы, и возглашалъ его съ восхищеніемъ.

Скоро прочіе друзья мои провѣдали мое прибытіе: каждый изъ нихъ спѣшилъ предупредить меня посѣщеніемъ. Пришелъ почтенный священникъ, добрый Дремовъ, Перковъ, Тучинъ. Было

полное собраніе передъ каминомъ. Мы завтракали, читали вѣдомости. Дремовъ разсказывалъ намъ успѣхи земледѣлія своего и сколько убралъ онъ хлѣба съ поля. Перковъ показывалъ выписки свои изъ Гиббона и Гиллиса.

Одного не доставало—Карманова. Всѣ отзывались, что не видали его давно. Должность судьи занимаетъ все время человѣка. И самое отдохновеніе его нарушается часто помышленіемъ о дѣлахъ общественныхъ. Отъ одного слова, которое произноситъ онъ, зависитъ спокойствіе или собственность гражданина. Какимъ угрызеніямъ подвергнетъ онъ жизнь свою, ежели приговоромъ, легко произнесеннымъ, осудитъ невиннаго, угнетаемаго стеченіемъ обстоятельствъ! Сколько такихъ случаевъ, гдѣ изысканіе истины сдѣлано труднымъ ябедою и ухищреніемъ! Иногда жалость, права знакомства, убѣжденія, просьбы соединяются на поколебаніе его мужества.

Первое, что я предпріялъ, какъ скоро оставили меня одного, было посѣщеніе моего пріятеля. Кармановъ встрѣтилъ меня съ тѣмъ добродушіемъ, которое ему свойственно. Разспросы о моемъ путешествіи. Но не смотря на спокойствіе, которое онъ старался принимать на себя, я видѣлъ заботу, снѣдающую его сердце: она не могла быть долго тайною для моей дружбы. «Ты угадалъ, любезный другъ,» говорилъ онъ мнѣ: «я долженъ быть истолкователемъ строгости закона. Сильный человѣкъ желаетъ спасти виновнаго. Есть подлые люди, которые угро-

жаютъ мнѣ всѣмъ его гнѣвомъ, ежели я не спасу его любимца.— Что жъ, мой другъ, какое ты возьмешь намѣреніе? — Оно взято. Никогда языкъ мой не произнесетъ того, что отвергаетъ совѣсть. Сильный человѣкъ долженъ мнѣ благодареніемъ за то, что я спасу святость законовъ отъ препятствій, которыя, въ заблужденіи своемъ, противополагалъ онъ исполненію ихъ. Но ежели, будучи раздраженъ твоимъ упорствомъ?.. — Я утѣшусь въ несчастіи одобреніемъ совѣсти.» Я летѣлъ въ его объятія: «Любезный другъ мой! ты возвращаешь мнѣ спокойствіе сею благородною твердостію. Злодѣйство — предпочитать жизнь свою чести; и какое можетъ быть счастіе, когда оно въ противорѣчіи съ добродѣтелью?»

№ 8.

Пятница, 18 *Октября* 1790 *года*.

— — Любитъ торги, науки,
И счастье дома находитъ.

Державинъ.

Мнѣ такъ хорошо сидѣть передъ моимъ каминомъ! Огражденъ отъ стужи твердыми стѣнами, одѣтъ мягкою волною агнцевъ, я наслаждаюсь произведеніями всѣхъ частей Свѣта. Сей напи-

[illegible] согрѣтаго солнцемъ, [illegible] [illegible] деревьевъ, которые росли для меня въ Аравіи. Этотъ чай, котораго благоуханіе наполняетъ воздухъ, возрастилъ и собралъ промышленною рукою Китайца. Еще болѣе: не выходя изъ горницы моей, узнаю происхожденіе цѣлой Европы. Мудрость древнихъ, изобрѣтенія новѣйшихъ — все сіе слѣдую вѣчныхъ и общихъ человѣческому роду посредствомъ искусства столь [illegible], столь удивительнаго, которое [illegible] въ одно [illegible] [illegible] сочиненія до [illegible]. Я могу слышать [illegible] самыхъ [illegible] и знаменитѣйшихъ людей въ свѣтѣ, чрезъ безмѣрное разстояніе и тысячи лѣтъ, которыя раздѣляютъ меня съ ними. [illegible] Аѳинъ и Рима, я могу вмѣстѣ съ ними [illegible] Софоклу и плакать Теренцію. Сіи же искусства, распространенныя на [illegible], собрать въ горницѣ моей превосходныя творенія [illegible] и [illegible] [illegible] природы. [illegible] [illegible] или [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], обряды, происшествія, [illegible], крѣпости, сраженія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Время, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], протекаетъ легко и пріятно, не оставляя мѣста скукѣ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] погоды. Но, безъ [illegible] [illegible], сколько [illegible] [illegible] въ самое сіе [illegible] для доставленія мнѣ удобностей и пріятностей жизни! [illegible], [illegible]-

комесленикъ, промышленикъ, мореплаватель служатъ обществу трудами и часто опасностію своею.

Я разсуждалъ такимъ образомъ самъ съ собою. Кормиловъ въ двери, — купецъ, дѣлающій честь своему состоянію свѣдѣніями въ торговлѣ, неизмѣняемою честностію и трудолюбіемъ. Онъ имѣетъ дѣла почти во всѣхъ купеческихъ городахъ Европы. Исполненный общественной ревности, онъ поддерживаетъ имуществомъ своимъ предпріятія промышлениковъ, торгующихъ на островахъ Курильскихъ и Алеутскихъ.

По первыхъ учтивостяхъ съ обѣихъ сторонъ, онъ говоритъ: «Вотъ Англійскія книги, которыя я для васъ выписывалъ. Особливо пріятно мнѣ видѣть, между прочими, полезную книгу Адама Смита «О народномъ богатствѣ.» Читайте ее, чтобъ постигнуть важность торговли. Ею соединяются государства, наслаждаются искусства и нравы въ грубыхъ народахъ; природа обращается къ благополучію вселенной. Несправедливое предразсужденіе унижаетъ купечество передъ другими состояніями. Я не могу думать о себѣ съ пренебреженіемъ, когда повелѣнія мои исполнятся въ Лондонѣ и когда я получаю донесенія отъ прикащика моего въ Уналашкѣ; когда вижу, что трудолюбіемъ моимъ и расчетомъ обращеніе денегъ въ государствѣ ускоряется; что я отверзаю новые пути вывозу естественныхъ произведеній моего отечества и возбуждаю промыслительность рукомесленника.

Подлое корыстолюбіе не унижаетъ предпріятій моихъ. Моя прибыль соединена безпрестанно съ пользами государства. Учреждаю такъ всѣ дѣла мои, что я въ состояніи удовлетворить каждому требованію при самомъ предъявленіи. Обманщикъ, который во зло употребляетъ довѣріе, недостоинъ почтеннаго имена купца. Одно слово мое на биржѣ должно стоить самой важнѣйшей письменной сдѣлки. И какъ можетъ быть иначе? Безчестное дѣло предполагаетъ тѣсный разумъ. Купецъ, какого я понимаю, есть государственный человѣкъ, который приуготовленъ тщательнымъ воспитаніемъ къ исполненію своего званія, и котораго всѣ дѣйствія управляются духомъ порядка и хозяйства.»

Какъ онъ говоритъ о должностяхъ купца, такъ исполняетъ ихъ; но умалчиваетъ о своей благотворительности. У него есть правило откладывать десятую часть прибыли: это называетъ онъ «пищею бѣдныхъ».

Наша бесѣда прервана разносщикомъ писемъ. Корниловъ пошелъ читать ихъ къ себѣ въ контору. Я получилъ слѣдующее письмо изъ Берлова отъ Ириссева, который поѣхалъ туда нынѣшнее лѣто, пользоваться пріятностями деревенской жизни.

Берлово, Октября 8-го.

«Теперь ты не имѣешь никакой отговорки. Ты былъ въ Никольскомъ; надобно пріѣхать въ

Берново. Ты знаешь, что здѣсь живутъ самые снисходительные люди. Но спроси самъ у себя по совѣсти, можно ли удовольствоваться твоими извиненіями? Я люблю спокойствіе и глубокое уединеніе моего предмѣстія. Какъ оставить книги мои, упражненія, привычки? Надобно вооружиться мужествомъ. Мы такъ положили въ думѣ своей; этого перемѣнить не возможно. Ты долженъ съ нами провести зиму; ѣздить на порошу, или оставаться дома и рыться въ библіотекѣ. Мы воли не снимаемъ: Музы у насъ не въ изгнаніи. Въ доказательство прилагаемъ басенку:

ИЗГНАНІЕ АПОЛЛОНА.

«На Феба нѣкогда прогнѣвался Зевесъ,
И отлучилъ его съ небесъ
На землю въ заточенье.
Что дѣлать? сильному противиться нельзя.
Безъ спору Аполлонъ исполнилъ изреченье.
Въ простаго пастуха себя преобразя,
Въ мгновеніе съ небесъ свое направилъ странство
Туда, гдѣ съ шумомъ бьетъ Пенеевъ быстрый
токъ.
Смиренно платье, посошокъ
И нѣсколько цвѣтовъ — вотъ все его убранство.
Адмету, доброму Ѳессаліи царю,
Сей кроткій юноша услуги представляетъ
И скоро царскими стадами управляетъ;
Находитъ въ пастухахъ невѣжество и прю,

Сердецъ ожесточенье,
О стадѣ нераченье,—
Какое общество защитнику искусствъ!
Несчастливъ Аполлонъ. Но сладостной свирѣлью
Онъ тщится ихъ привесть къ невинному веселью.
Поетъ—и скоро ставъ владыкой грубыхъ чувствъ,
Влагаетъ въ пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, пріятный разговоръ,
Желанье нравиться. Къ нему Дріады съ горъ
И Нимфы съ ручейковъ сбѣгаются на сушу.
Внезапу вкругъ себя большой онъ видитъ дворъ.
Небесны боги сами,
Одинъ по одному,
Съ верховъ Олимпа внизъ сходилися къ нему.
Соскучивъ обладать пустыми небесами,
Зевесъ изгнанника на небо возвратилъ.
Искусства укрощаютъ нравы.
Кто первый вымыслилъ для разума забавы,
Мнилъ только забавлять: онъ смертныхъ просвѣтилъ
И грубыхъ варваровъ въ людей преобратилъ.»

№ 9.

Пятница, 25 Октября 1790 года.

Въ насъ сердце для страстей, въ насъ разумъ для спокойствія.
Николевъ.

Письмо Иринево дѣйствуетъ. Оно возбудило во мнѣ цѣлыя пріятныхъ воспоминаній. Все, что

имѣетъ отношеніе къ первымъ лѣтамъ нашей жизни, наполняетъ сердце сладостными движеніями. Невинность возраста, новость пріобрѣтаемыхъ знаній и чувствованій, первыя знакомства, но болѣе всего благодѣянія, которыми ободряли, поддерживали юность нашу, оставляютъ въ памяти картину столь восхитительную, что хотѣлъ бы, кажется, обратиться назадъ и взглянуть еще разъ, ежели можно, на ея смѣющіяся изображенія и нѣжныя краски.

Сколь счастливъ тотъ, кому благосклонное Небо сохранило древняго родителя, и кто много разъ можетъ праздновать день рожденія своего, приникнувъ на перси добродѣтельнаго старца! Скажите вы, наслаждающіеся ласками нѣжной матери, какое чувствованіе можетъ быть для васъ сладостнѣе того, которое наполняетъ сердце ваше при ея объятіи? Берегите драгоцѣнную ея чувствительность. Столько страховъ и попеченій колебали сердце ея въ младенчествѣ вашемъ, и теперь еще колеблютъ. Нить жизни ея сплетена неразлучно съ вашею. Она живетъ любовію вашею, желаніемъ вамъ счастія, успѣховъ, добродѣтелей. Сколь виновенъ долженъ быть сынъ, который можетъ опечалить сіе чувствительное сердце и позабыть на одно мгновеніе священный долгъ природы и благодарности!

Однако есть неблагодарные. Сердца жестокія, недостойныя имени человѣчества, озлобляющія руку, которая ихъ питала! Природа производитъ ихъ во гнѣвѣ своемъ. Подобные симъ страшнымъ

преобращеніямъ, которыя разоряютъ вселенную, землетрясеніямъ, потопамъ, они являются рѣдко, чтобъ ужасать примѣромъ своимъ человѣческій родъ, и оставляютъ по себѣ долговременное омерзеніе.

Что можетъ быть трогательнѣе положенія моего почтеннаго пріятеля, Дремова? Проведя жизнь свою въ изобиліи, видѣвъ кругомъ себя все семейство свое, нисходящее въ могилу, будучи одинъ въ мірѣ, онъ устремилъ всю нѣжность сердца своего на сирое и незнакомое дитя, оставленное родителями. Онъ былъ ему настоящій отецъ: радовался его успѣхами, радовался оставить послѣ себя счастливаго. Молодой Евфемонъ (такъ называлось дитя) подавалъ надежду наградить съ избыткомъ попеченія воспитанія. Введенный рано въ общество, онъ привлекалъ всѣхъ взоры своею живостію, обращеніемъ и симъ блескомъ, который искусства и знанія придаютъ разуму благовоспитаннаго человѣка. Но обольщенный тщеславіемъ, юноша повѣрилъ внушеніямъ безразсудныхъ пріятелей. Скоро увѣщанія Дремова показались ему несправедливыми суровостями. Евфемонъ тѣмъ болѣе привязывался къ сіющимъ бездѣлицамъ и бѣдственнымъ своенравіямъ, чѣмъ болѣе опорочивалъ ихъ Дремовъ. Наконецъ должно было дойдти до строгости; и тогда несчастный Евфемонъ сдѣлался въ первый разъ виновнымъ. Въ изступленіи разума своего, онъ разорвалъ союзъ благодарности и дерзнулъ укорять воспитателя своего. Вообразите себѣ со-

крушеніе Дремова; я не имѣю для него выраженій. «Несчастный!» вопіялъ онъ болѣзненнымъ голосомъ: «ты пронзаешь сердце мое, обращая противъ меня собственныя мои благодѣянія. Столько попеченій, столько трудовъ для произведенія неблагодарнаго! Твое жестокосердіе ужасаетъ меня. Кого пощадишь ты, когда дерзаешь произносить хулы на того, кто избавилъ жизнь твою отъ пагубы, кто даровалъ тебѣ болѣе нежели жизнь, кто сдѣлалъ тебѣ ее пріятною? Я не могу болѣе сносить твоего присутствія; оставь меня одного терзаться. Ты наносишь ударъ смерти сему нѣжному сердцу, которое только тѣмъ наслаждалось, чтобъ любить тебя. Я не знаю тебя болѣе. Ты мнѣ — ничто. Иди, ищи сообщества такихъ же неблагодарныхъ, какъ ты, и одного прошу: избавь меня навсегда несчастія тебя видѣть.»

Молодой человѣкъ вышелъ въ окаменѣніи ярости. Его видѣли бѣгущаго по улицѣ, изумленнаго. Но полчаса спустя, жалость и любовь изгнали справедливый гнѣвъ изъ сердца Дремова. Онъ разослалъ людей своихъ въ слѣдъ Евфемона; побѣжалъ самъ искать его. Безполезно. Его въ городѣ уже не было.

Дремовъ возвращается домой печаленъ и встревоженъ въ душѣ своей неизвѣстностію и сѣтованіемъ. Садится утомленный. Прибѣгаютъ служители. Всѣ стараются другъ передъ другомъ угожденіями своими смягчить печаль добраго господина. Всѣ суетятся кругомъ его, бѣгаютъ.

[illegible] приготовляетъ ужинъ, кто переставляетъ по-суду. Между тѣмъ Іеремія впадаетъ въ глубокое размышленіе: «Богъ! для чего одного [illegible] людей безпокоится, нужно столько [illegible]-нія! А мой Евсевій, котораго [illegible] [illegible] всѣ сіи удовольствія, изгналъ [illegible] [illegible]. странствуетъ теперь безъ пристанища. Нѣтъ, я не буду [illegible] [illegible]-[illegible] жизни. [illegible] [illegible] мой не возвратится въ сіи [illegible] объятія. Въ тѣхъ [illegible]

№ 10.

Пятница, 1 Ноября 1790 года.

Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ го умный человѣкъ чудовище. Умнаго челов легко извинить можно, если онъ какого каче ума и не имѣетъ. Честный человѣкъ долж быть совершенно честный человѣкъ.

Фонъ-Визинъ.

Въ какой благополучный часъ предпринялъ путешествіе свое въ Берново! Оно доставило неоцѣненное удовольствіе приблизить другъ другу двѣ души благородныя и чувствителы окончить раскаяніе питомца и сиротство вос тателя. Я нашелъ Евфемона, несчастіемъ и шеннаго, и котораго теперь ни что не мож отвратить отъ добродѣтели, затѣмъ что видѣлъ собственными глазами неизмѣримую б ну, въ которую повергалъ его порокъ. На к ея остановился онъ съ трепетомъ, и слезы] каянія очистили душу его и возвратили ей с койствіе невинности. Я спѣшилъ овладѣть і Для меня не трудно было воротиться наз чтобъ повергнуть его въ объятія умилени Дремова. Я наслаждался ихъ счастіемъ. Суд каково было мое! Видѣть мудрость, прощаю заблужденіе; смиряющагося юношу, котораго бродѣтельный старецъ объятіями своими не

[illegible]ть упасть къ ногамъ своимъ: славить имя свое благословляемое ими: нѣтъ, я не знаю по-ложенія умилительнѣйшаго! Счастливъ тотъ, кто можетъ укрѣпить священные союзы семейства, примирить несогласія ближнихъ и повсюду кру-гомъ себя разливать благоволеніе!

Между спокойными селянами препроводилъ Евгеній время своего заточенія. Здѣсь изгналъ онъ изъ мыслей сіянія суеты, которыя очаро-вали его. Здѣсь научился отличать отъ самого себя посторонніи достоинства, которыя случай ему доставилъ, — богатство, уваженіе, знатное бытіе. [illegible]

пріятностію нрава, повиновеніемъ, любовію труда и добродѣтели.

Сіе-то самое отличіе было для меня стезею къ найденію Евфемона. Счастливый случай привелъ меня остановиться на первой станціи дороги моей въ Берново, точно въ хижинѣ земледѣльца, у котораго Евфемонъ скрывался. Присутствіе его, обращеніе, самая задумчивость, которая осѣняла лицо его, обратили на него все мое вниманіе. Но какое удивленіе возбудилъ во мнѣ разговоръ его! Первое слово, имъ произнесенное, открыло мнѣ состояніе его. Я боялся быть нескромнымъ и овладѣть тайною его поневолѣ, уважая несчастіе въ томъ, кого хотѣлось бы мнѣ любить какъ друга. Сердца наши соглашались втайнѣ. Едва знакомые, мы были уже искренни. Я назвалъ въ разговорѣ мѣсто отъѣзда моего: молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ. Съ видомъ виновнаго, который ждетъ осужденія, онъ сказалъ: «Позвольте спросить: не доходило ли нечаянно до слуха вашего почтеннаго имени Дремова? Небо сохраняетъ ли еще добродѣтельную жизнь его?» При сихъ словахъ, но болѣе при чувствованіи, которое на лицѣ изображалось, я угадалъ истину, произнесъ имя Евфемона, и слезы, покатившіяся изъ глазъ его, не оставили мѣста сомнѣнію. Кто изобразитъ восхищенія наши! Ихъ раздѣлили добродушные селяне. Хозяева, теряя въ немъ подпору свою, первые желаютъ видѣть того, котораго называли сыномъ своимъ, возстановленнаго въ прежнее

состояніе. [illegible] [illegible] были [illegible] [illegible]-[illegible] [illegible]. чтобъ [illegible] [illegible] [illegible]-[illegible]. [illegible] представилось [illegible] его въ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] онъ: [illegible] [illegible] благодѣтеля. [illegible] [illegible] [illegible] въ глубинѣ сердца [illegible] его [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] себѣ.

Я не стану описывать картины свиданія ихъ. Угрызенія [illegible] превзойдены чистою и спокойною радостію [illegible]. Казалось, что изъ двухъ, Дремонъ былъ [illegible]: что онъ и не Бернону [illegible] въ [illegible] свой. О [illegible] ни слова. Великодушный [illegible] болѣе [illegible] прошлое: онъ и [illegible] самъ [illegible].

Можно ли съ лучшимъ [illegible] [illegible] къ [illegible]? Счастіе моихъ пріятелей будетъ [illegible] [illegible] до самаго [illegible]. И зачѣмъ не далѣе? Богъ [illegible] сколько нибудь способствовалъ [illegible], что не дорого [illegible] въ предвѣстія. Воспоминаніе добраго дѣла распространяется на цѣлую жизнь. Съ [illegible] [illegible] друзей моихъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] предвѣстія.

ЭМИЛІЕВЫ ПИСЬМА.

—

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Живучи въ Софіи, я имѣю обыкновеніе прогуливаться каждый день по Большой Московской Дорогѣ. Множество путешественниковъ разсѣваетъ размышленія мои. Въ началѣ октября остатки прекраснѣйшаго лѣта еще были чувствительны. Я шелъ съ моими пріятелями подъ вѣтвями поблекшихъ березокъ. По бокамъ у меня были Виль Гоникомбъ и Дикъ Эйронсейдъ, граждане софійскіе. Вдругъ видимъ нѣчто бѣлое на дорогѣ, приближаемся — это былъ свитокъ рукописей и писемъ. Вдали карета въ шесть лошадей, запряженная по дорожному, скакала во весь опоръ. Можетъ быть, изъ ней былъ оброненъ сей свитокъ. Но какимъ удивленіемъ былъ я пораженъ, когда, развернувъ его, узналъ почеркъ любезнаго моего Эмилія, достойнаго должайшей жизни, и котораго потерю немногіе друзья оплакиваютъ! Жребій его совершенъ. Всечасное его желаніе было жить и умереть для пользы оте-

чества. И послѣдніе взоры его видѣли убѣгающаго непріятеля. Не трудно было мнѣ угадать, что письма сіи были писаны къ доброму Филарету. И что было свойственнѣе, какъ, предавъ ихъ тисненію, почтить между нами память нашего нѣжнаго друга?

Село Никольское, 18 мая.

Любезный другъ мой.

Вотъ другое письмо, что я пишу къ тебѣ отсюда. Какъ я здѣсь счастливъ! какая погода! какое прелестное мѣстоположеніе! Ты знаешь хозяевъ. Я не могу описать тебѣ всего вниманія ихъ, ласки, благородной учтивости. Ихъ одно общество могло бы сдѣлать и пустыню пріятною. Чего мы не дѣлаемъ? Прогуливаемся пѣшкомъ, верхомъ, на лодочкѣ. Любви достойныя дѣти ихъ, особливо Васинька, увеличиваютъ веселья наши своими невинными играми. Радостно смотрѣть, какъ они любятъ другъ друга. Малѣйшее огорченіе приключится одному — и всѣ опечалены. За то, какъ ихъ любятъ окружающіе, домашніе! Но мы ли одни? Посторонніе, чужіе люди привлекаются ихъ вѣжливостью, тихостію, чистосердечіемъ.

Посуди по вчерашнему. День былъ прекрасный; по утру маленькій дождикъ, послѣ обѣда солнце, и воздухъ наполненъ благоуханіемъ! Мы собирались прогуливаться; видимъ вдали пыль, изъ которой показываются верховые. Они подъѣзжаютъ: молодой инженерный офицеръ, очень хорошаго вида, представляется хозяевамъ, проситъ позволенія остановиться въ селѣ съ своею командою. Онъ посланъ отъ дивизіоннаго генерала для разбитія лагеря и нѣкоторыхъ полевыхъ укрѣпленій къ учебному смотру, въ верстѣ разстоянія отъ Никольскаго.

Не прошло получаса, какъ дѣти уже совершенно съ нимъ ознакомились. Г. Добросердовъ, такъ назывался офицеръ, показывалъ имъ всѣ подробности чертежа своего; выгоды и неудобности мѣстоположенія, какія высоты занимаетъ онъ редутами, гдѣ назначаетъ переправы, отводные караулы, и такъ далѣе. Въ другомъ тактическомъ планѣ изъяснялъ имъ всѣ движенія обѣихъ сторонъ, боевой порядокъ, на которомъ крылѣ начнется нападеніе, откуда подкрѣплять будутъ уступающихъ и какимъ образомъ прикроется отступленіе побѣжденныхъ.

Этого мало: мы всѣ садимся на лошадей, и слѣдуемъ за офицеромъ на самое мѣсто трудовъ его. Вооружены кольями, заступами, между тѣмъ какъ офицеръ назначаетъ углы по астролябіи, мы продолжаемъ линіи, разбиваемъ укрѣпленія.

Дѣло шло такъ усердно и скоро, что мы уже могли подчивать гостя своего легкимъ ужиномъ

въ полуотдѣленномъ редутѣ на правомъ крылѣ арміи.

Завтра полки вступятъ въ лагерь; и наше деревенское спокойствіе будетъ встревожено шумомъ военныхъ упражненій. Навсегда твой, и проч.

---

25 Мая, по утру.

Нѣсколько дней пропущено безъ писемъ: и дружба твоя, можетъ быть, возмущается моимъ молчаніемъ. Я не защищаю вины моей, и чтобъ избѣжать ее впередъ, посылаю тебѣ цѣлую дневную записку.

Я увѣдомлялъ тебя, что полки выступятъ въ лагерь 19 числа. И дѣйствительно, въ тотъ день они двинулись, боевымъ порядкомъ, въ двѣ линіи. Картина самая разительная, видѣть съ возвышеннаго мѣста нѣсколько полковъ пѣхотныхъ, конныхъ, шествующихъ величественно по пространной долинѣ. Нѣсколько колоннъ, разными дорогами доходъ въ то же время на одну черту, развернулись на мѣстѣ избраннаго стана. Это было около осьми часовъ вечера. Послѣдніе лучи солнца отбрасываемы были сіяющею чистотою ружей. Развѣвались знамена; раздавался громъ барабановъ. Между тѣмъ отряды конницы, которые помѣщены были въ промежуткахъ колоннъ,

обращались направо и налѣво, и составляли крылья. Позади фронта явились палатки, поставленныя фурьерами съ невѣроятною скоростію.

Въ 9 часовъ вечера.

Мы теперь только отъ зори. Лагерь расположенъ весьма выгодно на высотѣ, которая повелѣваетъ почти всею окрестностію. Чистота, опрятность, послушаніе въ солдатахъ; строжайшая подчиненность между офицерами. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ нихъ. Есть между ними весьма достойные, соединяющіе военныя качества со знаніемъ свѣта. Таковъ отлично Г. полковникъ Думовъ, который начальствуетъ особливою бригадою. Ты знаешь Осанова, и имя Славина не можетъ быть неизвѣстно.

Легко вообразить себѣ, что и дѣти были съ нами; но Васинька не былъ. Онъ выпросилъ позволеніе остаться дома, нарочно для того, чтобъ испытать, можетъ ли отказать себѣ въ удовольствіи. Онъ былъ доволенъ своимъ мужествомъ и употребилъ это время на черченіе шестиугольника, укрѣпленнаго по первому построенію Г. Вобана. Съ нѣкотораго времени геометрія и фортификація начинаютъ ему нравиться почти столько же, какъ игрушки. Можно ожидать всего добраго отъ того, кто учится владѣть самимъ собою.

24 числа. Въ 3 часа по полудни.

У насъ обѣдали сегодня дежуръ-маіоръ Вельзоровъ и адъютантъ Алетовъ. Они намъ показывали письменное расположеніе учебнаго смотра. Ввечеру высланъ будетъ отрядъ фуражировъ. Настоящее ученіе назначено къ 30 числу.

Я перерываю письмо мое, потому что подвозятъ линѣйку ѣхать въ лагерь. Прощай.

—

Надобно очень любить своихъ пріятелей, конечно не менѣе моего, чтобъ удосужиться разговаривать съ отсутственнымъ, посреди самаго блистательнаго праздника и между тѣмъ, какъ все кругомъ меня одушевляется весельемъ. Сегодня рожденье Васиньки. Ему исполнится одиннадцать лѣтъ.... Но я открываю тебѣ тайну его. Онъ воображаетъ, что ему по крайней мѣрѣ пятнадцать.

Я не видалъ отрока, который бы его ранѣе сталъ чувствовать благопристойность поведенія. Столь нѣжно въ немъ чувствованіе честнаго и похвальнаго, столь сильно отвращеніе отъ постыднаго, что онъ не въ состояніи сдѣлать ничего предосудительнаго, хотя бы и увѣренъ былъ, что никто того не узнаетъ.

Смѣлъ и великодушенъ отъ природы, столько боится стыда и потерянія чести, что одинъ взоръ

неудовольствія, едва примѣтная холодность лишаютъ его веселости. Онъ не можетъ быть спокоенъ, пока не возвратитъ добраго о себѣ мнѣнія.

Еще примѣръ власти его надъ собою. Онъ очень любитъ персики. Сегодня подарили ему прекрасный, единственный, который достать могли. Сколько радости! На немъ основывалъ надежду своего завтрака. Мы шли къ развалинамъ маленькаго домика, въ полверстѣ отъ села. Хотѣли тамъ расположиться. Не доходя, видимъ бѣднаго прохожаго, отдыхающаго. Сѣдые волосы, сѣдая борода. Онъ казался утомленъ и отъ дороги, и отъ несчастій. Слабымъ голосомъ просилъ милостыни. У насъ не случилось денегъ. Слезы навернулись на глазахъ у Васиньки. Скорѣе слова, и прежде нежели мы одумались, персикъ былъ у старика. Слезы благодарности катились изъ оживленныхъ глазъ несчастнаго; благословенія, молитвы за здравіе юнаго благотворителя!

Васинька восхищенъ былъ, что потерялъ свой завтракъ. Возвращаясь, пріятная встрѣча. Сержантъ, присланный отъ Г. Думова, вручаетъ имянинніику двѣ книги въ богатомъ переплетѣ: «Мечтанія Маршала де-Саксъ» и «Опытъ Тактики Г. Гиберта».

У насъ будетъ и самъ Г. Думовъ и множество офицеровъ изъ лагеря. Мы даемъ обѣдъ, балъ, ужинъ. Добросердовъ готовитъ къ ночи маленькій фейерверкъ.

Вотъ и гости начинаютъ съѣзжаться. Прощай, мой другъ, я оставляю тебя, чтобъ итти въ гостиную.

Въ первомъ часу по полуночи.

Уставъ до чрезвычайности, прихожу съ бала, хочу продолжать письмо мое: и не въ состояніи. Глаза смыкаются сами. Вообрази себѣ, шесть англійскихъ сряду. Но я не могъ сравняться ни съ Осиповымъ, ни съ Алетовымъ. Они такіе же неустрашимые танцовщики, какъ и офицеры. Соединяя любви достойныя дарованія съ основательными качествами, они должны быть совершенно счастливы, если чувствуютъ цѣну дружбы, столько же, какъ

мой вѣрный другъ
N. N.

Мая 29 дня.
Село Никольское.

---

29 мая, Берново.

Наконецъ, любезный другъ мой, по окончаніи путешествія, малотруднаго и пріятнаго, въ лучшее годовое время пріѣхалъ я въ Берново и наслаждаюсь всѣми удовольствіями деревенской жизни. Я нашелъ достойнаго пріятеля нашего, окруженнаго своею милою семьею. Ты можешь вообразить радость нашего свиданія. Это было ве-

черомъ. Солнце на закатѣ оканчивало самый ясный весенній день. Удовольствіе, начертанное на лицахъ хозяина и домочадцевъ его, свидѣтельствовало, сколько сердца ихъ спокойны и благополучны исполненіемъ законовъ добродѣтели.

Въ минуту пріѣзда моего все семейство помѣщика занималось отправленіемъ деревенскаго праздника. Жители цѣлой деревни, отстоящей отъ села на полтретья версты, старый и малый, приходили порядочнымъ строемъ на дворъ господскій. Всѣ были въ лучшемъ праздничномъ убранствѣ. Юноши и отроки по два въ рядъ подносили помѣщицѣ вѣнки, сплетенные изъ васильковъ. Староста между тѣмъ представлялъ господину всѣхъ стариковъ деревни.

Послѣдовало радостное угощеніе. Столы были поставлены въ освѣщенной аллеѣ. Я спѣшилъ занять мѣсто мое между добрыми поселянами. Господа отличались однимъ снисхожденіемъ и доброжелательствомъ. Мы позабыли различіе состояній и помнили только, что мы люди. Мнѣ показалось, что вижу явленіе изъ «златаго вѣка», когда, подъ тѣнію дуба, какой нибудь патріархъ вкушалъ простыя яства посреди своего раждающагося семейства.

Пляски, хороводы заключили вечеръ. Я предался сладкому сну, наполненъ воспоминаніемъ всего того, что видѣлъ и чувствовалъ. И, сказать тебѣ правду (но ты не перескажи этого никому другому), веселье сіе понравилось мнѣ несравненно лучше нашихъ воксаловъ, гуляній, въ кото-

рыхъ съ такимъ трудомъ стараемся наслаждаться природою — и не можемъ.

Мѣстоположенія прекрасны. У насъ садъ, звѣринецъ, рощи. Я встаю очень рано. Каждый день странствую по полямъ верхомъ или пѣшкомъ, читаю, пишу. Завтракаемъ вмѣстѣ. Потомъ забавы, бесѣда, общественныя гулянья. Ты меня знаешь и чувствуешь, осталось ли что нибудь, чего бы не доставало къ моему благополучію. Я не могу сказать съ Виргиліемъ:

О! кто бы перенесъ
Меня во Геискія прохладныя долины,
И прачной тѣнію вѣтвистыхъ древъ покрылъ!

Я все это здѣсь имѣю. Горница моя въ звѣринцѣ. Маленькая библіотека моя расположена на трехъ полочкахъ, прибитыхъ надъ письменнымъ моимъ столикомъ. Горшки цвѣтовъ, которые я самъ поливаю, затемняютъ мои окна. Нѣкоторое великолѣпіе украшаетъ мою хижину. Маленькіе бюсты Жанъ-Жака Руссо и Соломона Геснера, которые я выпросилъ у хозяина, означаютъ убѣжище ихъ попечителя и любителя природы.

Здѣсь я наслаждаюсь разсматриваніемъ оной, размышленіемъ и чтеніемъ. Я сравниваю зрѣлище природы съ тѣми восхитительными списками оной, которые оставили намъ древніе. Гомеръ, Виргилій, Горацій препровождаютъ меня на возвышенный холмъ или въ пріятную долину, по которой сверкаетъ студеный источникъ. Картины

пѣвцовъ восхищаютъ мое воображеніе. Я стараюсь разбирать красоты ихъ. Записываю примѣчанія мои. Осмѣливаюсь перелагать по-Русски мѣста, которыя болѣе поражаютъ меня. Угодно тебѣ видѣть мои опыты? Письма мои сообщатъ тебѣ всѣ мои упражненія. Но ты одолжишь меня, любезный другъ мой, принимая ихъ болѣе за внушенія моего сердца, нежели за произведенія остроумія. Безъ чиновъ, прощай и люби меня.

30 мая въ 10 часовъ утра, изъ лагеря при урочищѣ Красный Боръ.

Извини, любезный другъ, безпорядокъ письма моего. Я пишу къ тебѣ съ марсова поля, изъ ставки общаго нашего знакомаго, Г. Осанова. Теперь только кончилось ученье; день становится жарокъ и усталость тѣла, кажется, распространяется и на мысль мою.

Нападающее войско приближалось пятью колоннами, и по знаку предводителя изъ передоваго отряда, построилось въ наклоненный боевой порядокъ. Правое крыло зашло въ бокъ противуположеннаго войска и опрокинувъ его, преслѣдовало конницею.

Съ какимъ согласіемъ дѣйствовали всѣ отряды! Конница тяжелая, легкая; пѣхота, охот-

ники, наконецъ всѣ разныя оружія соединены въ одно тѣло, движущееся и страшное!

Люди умѣли привести въ совершенство искусство, ужасное и необходимое, защищать безопасность и славу отечества. Ахъ, если бы они были столько же удачны въ умноженіи счастія, просвѣщенія и добродѣтели! Воинъ можетъ быть достоинъ почтенія и заслужить безсмертную память днями убійства и разоренія. Гражданинъ, который служитъ отечеству, не разоряя, трудами рукъ своихъ, искусствомъ, совѣтомъ, разумомъ, можетъ быть каждый день полезенъ, и честь его не смѣшена ни съ какими сожалѣніями. Мы забавляемся движеніями полковъ. Зачѣмъ проходимъ безъ примѣчанія мимо трудовъ земледѣльца, проливающаго потъ надъ собственною полосою? Зачѣмъ не обращаемъ вниманія на сихъ простыхъ людей, которыхъ руки обработываютъ произведенія земли и пріуготовляютъ ихъ торговлѣ и художествамъ?

Гражданинъ, достойный сего имени, который намѣренъ служить своему отечеству, долженъ вникнуть во всѣ части общежитія и узнать нужды и пользы общества.

Мы дали себѣ слово, я и Василька, въ первую прогулку итти на ниву добраго земледѣльца, быть свидѣтелями трудовъ его, неутомимости, добродушія. Мы возьмемъ съ собою Виргиліевы Георгики, и въ виду хижинъ и пастуховъ, при шумѣ падающаго источника, прочтемъ прелест-

ный эпизодъ второй книги о похвалахъ сельской жизни.

Прощай, мой другъ; я желаю тебѣ всякаго благополучія.

---

6 *іюня*, *Никольское*.

Писать къ тебѣ, разговаривать съ тобою заочно — ты знаешь, что это сдѣлалось для меня нуждою. Случай представился; я не хочу пропустить его, не сказавъ тебѣ, сколько я люблю тебя и сколько бы желалъ тебя видѣть съ собою. Одно мѣстоположеніе, благорастворѐніе воздуха, сельскія забавы уже прекрасны; но что же скажешь о людяхъ, любезныхъ моему сердцу, которые все это дѣлаютъ несравненно прелестнѣе пріятностями разума и сердца?

Любви достойный хозяинъ мой графъ Благотворовъ (никогда имя не сходствовало болѣе со свойствомъ человѣка) полагаетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобъ дѣлать добро другимъ. Богатство, почести, знатность, кажется, получилъ онъ только для того, чтобъ быть полезнымъ большому числу людей. Оказывая благодѣянія, онъ первый ихъ позабываетъ. Умолчать добро, которое сдѣлалъ, для него самое величайшее удовольствіе.

Напримѣръ, мы никогда не слыхали отъ него о старикѣ Васильковѣ, который двадцать лѣтъ живетъ въ его убѣжищѣ.

Вотъ какимъ случаемъ мы его узнали. Третьяго дня, исполняя намѣреніе наше посѣщать земледѣльцовъ, я и молодой мой товарищъ идемъ тропинками между пашень. Ручей, извивающійся въ долинѣ, привлекаетъ насъ своимъ журчаніемъ и пріятными излучинами. Василька перескакиваетъ его, входитъ въ кустарники. Мы за нимъ, выходимъ на лужайку, видимъ: селянинъ глубокой старости и почтеннаго вида (это былъ Васильковъ), оставляетъ плугъ свой, чтобъ поспѣшить къ намъ на встрѣчу, внѣ себя отъ радости, видя въ первый разъ сына благодѣтеля своего.

Надобно было войти въ хижину его. И онъ, и дряхлая жена его угощаютъ насъ другъ передъ другомъ.

Васильковъ былъ страдальцемъ добродѣтели. Низкой породы, но благороднаго сердца, изъ рядовыхъ солдатъ, дослужился онъ офицерства. Одинъ человѣкъ, знатный и несправедливый, принуждалъ его силою и обѣщаніями участвовать въ погубленіи невиннаго. Васильковъ отвергнулъ съ негодованіемъ и угрозы, и предложенія. Оклеветанъ, отброшенъ, лишенъ чести, скончалъ бы онъ жизнь свою въ бѣдствѣ и поношеніи, если бы прозорливое человѣколюбіе графа Благотворова не спасло чести его оправданіемъ и не

доставило послѣднимъ днямъ его спокойнаго пропитанія.

Не пріятно ли тебѣ видѣть великодушіе, защищаемое благотворительностію? Прощай, мой другъ, будь здоровъ и люби меня.

---

8 *іюня, Берново.*

Прошедніе восемь дней проводилъ я не столько въ Берновѣ, какъ подъ священными стѣнами Иліона. Никѣмъ не видимъ, подъ тѣнью дерева, читалъ я своего Гомера. Воображенію моему, обольщенному волшебствомъ кисти его, казалась вся природа кругомъ меня одушевленною: лѣса обитаемы Дріадами, чистыя струи безъ сомнѣнія льются изъ сосуда какого нибудь рѣчнаго бога, увѣнчаннаго камышемъ. Но болѣе всего сіи нравы героическихъ временъ, чувствованія сильныя, великодушныя, но неумягченныя просвѣщеніемъ, грубыя начала общежитія, которымъ творенія Гомеровы служатъ Исторіею, мечтаются мнѣ столь живо, какъ будто бы я самъ былъ гражданиномъ великолѣпныхъ Микинъ или богатаго Коринѳа и стоялъ между греческими ратниками, по рядамъ которыхъ величественно шествуетъ Агамемнонъ, очами и главой Юпитеру подобный....

Какое множество дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое ознаменовано чертами сильными и ему только принадлежащими! Сколько героевъ, которыхъ всѣхъ попрачаетъ Ахиллесъ! Почти въ цѣлой поэмѣ оставивъ его безъ дѣйствія, показываетъ поочередно въ величайшемъ сіяніи Діомида, Аяксовъ, Менелая, Идоменея. Кажется, уже не можно итти далѣе геройству храбрости. Но Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ. Оружіе Ахиллеса, въ которомъ Патроклъ сражался, стало добычею побѣдителя. Трояне прогнали Грековъ до кораблей ихъ. Тогда Ахиллесъ является имъ съ раската, безъ оружія, въ простомъ одѣяніи. И сіе одно видѣніе повергаетъ назадъ устрашенныхъ Троянъ. Сія величественная черта изображаетъ вмѣстѣ и Ахиллеса и Гомера.

Иліада производитъ въ душѣ читателя то же дѣйствіе, которое могло бы произвести представленіе самой трогательной драмы. Гомеръ не разсказываетъ; онъ, если смѣю сказать, восхищаетъ меня на мѣстѣ сраженія. Самыя невѣроятныя вещи становятся мнѣ ощутительными. На вершинахъ Иды, которой чело въ облакахъ сокрывается, возсѣдаетъ Зевесъ спокоенъ, недвижимъ; златые вѣсы въ рукахъ его, между тѣмъ какъ у подошвы горы слабые смертные, Греки и Трояне, устремляются къ предѣлу краткія жизни и наносятъ и пріемлютъ попеременно погибельныя раны.

Но, изображая неистовство сраженій, не позабываетъ онъ трогать сердца другими страстями, болѣе любви достойными. Какою глубокою чувствительностію наполнена картина, въ которой Пріамъ уничиженъ, на колѣнахъ, лобзая руку свирѣпаго непріятеля, испрашиваетъ у Ахиллеса тѣло несчастнаго и добродѣтельнаго сына своего, Гектора! Какое сладостное и тихое краснорѣчіе истекаетъ изъ устъ Нестора? Что можетъ быть умилительнѣе прощаній Гектора и Андромахи! Какую прелесть влагаетъ Гомеръ въ тысячи мелкихъ подробностей, изъятыхъ изъ человѣческаго сердца! Двадцать столѣтій протекли по лицу земли, а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего столько же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ. Чему же удивляться, ежели древность имѣла въ такомъ уваженіи сего вѣчнаго стихотворца; ежели Виргилій, скромный Виргилій удовольствовался только тѣмъ, чтобъ быть его подражателемъ?

Я радуюсь, будучи въ состояніи сказать тебѣ изъ глубины сердца моего, что чувствую всю прелесть письменъ. Я вижу въ нихъ приготовленіе къ мудрости. Онѣ доставляютъ въ самомъ уединеніи бесѣду, въ забавѣ наставленіе. Но ты скажешь мнѣ, зачѣмъ не выразить этого на языкѣ боговъ: «Науки юношей питаютъ,» и проч.

[illegible]

[illegible]

И горъ высокіе верхи восколебалъ;
Во основаніяхъ вострепетала Ида
И съ нею градъ Троянъ и гречески суда!
И царь тѣней, Плутонъ, ужасся въ преисподней
И съ трона воспрянулъ и возопилъ, страшася,
Чтобы Нептунъ земли заклеповъ не расторгъ
И взору не открылъ и смертныхъ и безсмертныхъ
Его владычества печальна, безотрадна
И ненавистнаго богамъ и человѣкамъ!

Между тѣмъ сильный дождь пролился и покрылъ жаждущую землю. Казалось, хляби небесныя отворились, громы раздавались медленно, молнія каждое мгновеніе разсѣкала тучи и ослѣпляла зрѣніе сверканіемъ. Тма, глубокая тма, легла на землю, такая же, думаю, какая покрыла внезапу воинства греческое и троянское, когда раздраженный Аяксъ произнесъ сіе дерзновенное моленіе къ Зевесу:

Избавь, отецъ боговъ, избавь ты насъ отъ мглы!
Расторгни мракъ очей! пошли дневный намъ свѣтъ!
И, если губишь насъ, при свѣтѣ дай погибнуть!

Къ вечеру величественное зрѣлище уступило мѣсто пріятному. Истощенныя облака исчезли. Возвратилось безмрачное небо и зной, дождемъ услажденный. Всѣ растенія съ бо́льшею живостію зеленѣли. Роскошное благоуханіе исполнило воздухъ. Толпами взвивались птицы. Яркими цвѣтами отразилась радуга на висящихъ въ воздухѣ

капелькахъ. Мнѣ показалось, что, по словамъ Гомера:

Посланница боговъ, имуща скорость вѣтра,

Ирида сисходитъ по ней, посланная съ Олимпа къ какому нибудь любви достойному смертному, можетъ быть, къ тебѣ, чтобъ возбудить отъ лѣности и припомнить, что у тебя есть пріятель въ деревнѣ, который нетерпѣливо ожидаетъ писемъ твоихъ.

28 іюня, *Берново.*

Я воображаю себѣ напередъ удивленіе твое. Ты всегда зналъ меня любителемъ письменъ. Но ожидалъ ли ты когда нибудь увидѣть меня живописцемъ?... Живописцемъ? — Да, живописцемъ. Я занимаюсь теперь не менѣе, какъ срисовываніемъ головы съ Рафаэля. Съ палитрою на рукѣ, я одушевляю полотно кистью. Ты въ изумленіи? я не хочу имъ пользоваться! Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ гоститъ молодой человѣкъ, питомецъ Академіи Художествъ, возвращающійся изъ путешествія своего въ Италію. Исполненный ревности къ своему искусству и пораженный еще свѣжимъ воспоминаніемъ безсмертныхъ картинъ Рафаэля, Корреджія, Тиціа-

на, исчисляетъ онъ съ жаромъ красоты ихъ, и мы раздѣляемъ восторгъ его. Не можно быть чувствительну къ пріятностямъ краснорѣчія и стихотворства и не отдавать достойнаго почтенія изящнымъ искусствамъ. Онѣ соединены сродственнымъ союзомъ между собою. Подражаніе природѣ служитъ всѣмъ имъ основаніемъ; и одни только способы ихъ различны. Живопись подражаетъ ей чертами, музыка звуками, стихотворство словомъ. Всѣ онѣ обращаются къ чувствованію и воображенію, всѣ доставляютъ увеселеніе чистое и возвышенное, достойное человѣка. Перголезова музыка такъ же внушаетъ торжественное благоговѣніе въ важныхъ его сочиненіяхъ, какъ заставляетъ смѣяться въ Служанкѣ Госпожѣ. Менѣе ли сильно волшебство живописи? Помнишь, съ какимъ удовольствіемъ насыщались мы зрѣніемъ картины Лосенкова. Въ его прощаніяхъ Гектора и Андромахи узнавали мы Гомера. Чело героя откровенное, руки, простертыя для пріятія младенца, мужество родителя, пріятнымъ образомъ противуположенное нѣжности и страхамъ матери. Видя однѣ черты только, мы угадывали чувствованія ихъ и слышали, кажется, разговоры. То же дѣлаетъ стихотворство. Послушай повѣствованіе Гомерово, и воображеніе твое представитъ себѣ живо лицо, взоры, станъ, тѣлодвиженія дѣйствователей.

14 іюля, Берлинъ.

Какія хитрости! Описывая пышныя увеселенія столицы вашей и конечно увеличивая ихъ, ты хочешь повредить сравненіемъ моему милому Берлину. Пользуясь слабостію моею, [illegible] ее? ты сообщаешь мнѣ [illegible] [illegible] театральныхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

стóитъ мнѣ не быть увлечену восхищеніемъ вашимъ и не измѣнить моему твердому намѣренію вкушать въ уединеніи и въ объятіяхъ природы ея красоты, величественныя и простыя. Удаленный отъ суетнаго движенія общества, безъ честолюбія, безъ прихотей, здѣсь принадлежу я болѣе самъ себѣ; здѣсь нахожу я чувствительныя сердца, съ которыми могу раздѣлить спокойныя радости существованія — и не забываю тебя, любезный другъ мой. Свидѣтельства тому сіи письма, которыя не сказываютъ тебѣ ничего новаго. Ты такъ давно знаешь, что я люблю благородное сердце твое и столько дарованій, которыя дѣлаютъ тебя любезнѣе, и не дѣлаютъ гордѣе! Ты простишь мнѣ привязанность мою къ сельской жизни, хотя для сихъ стиховъ Гораціевыхъ:

Всѣ купно суеты играютъ мной во градѣ.
Въ неволѣ общества и въ скукѣ и въ досадѣ
Проходитъ день, и я, вздыхая, говорю:
Жилища сельскія! когда я васъ узрю?
Когда позволено мнѣ будетъ небесами
Иль чтеніемъ, иль сномъ и праздными часами
Заботы житія въ забвенье погрузить
И нивы своея произведеньемъ жить?
О, пиршества боговъ! я вами не прельщаюсь,
Коль въ хижинѣ моей съ друзьями насыщаюсь.
Вспомоществуемый усердьемъ слугъ моихъ.
(И добрый господинъ не забываетъ ихъ).
Не знаетъ ни какихъ чиновъ бесѣда наша
И ходитъ вкругъ стола общественная чаша,
Безъ принужденія и частыхъ перекоръ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ства, созывалъ его въ собраніе, чтобы предложить нѣкоторыя новыя учрежденія и совѣтоваться о нуждахъ общественныхъ.

Здѣсь прямо чувствуется достоинство гражданина. Нѣтъ упражненія важнѣе и приличнѣе человѣку, какъ служить своему обществу, защищать безсильнаго и участвовать въ благополучіи цѣлой страны.

Теперь мы приближаемся опять къ Никольскому, отъ котораго Малинники не далѣе десяти верстъ разстоянія. Малинники отъ того, что здѣсь много малины и отмѣнно вкусной. Остатки маленькаго сада, развалины дворянскаго дома, свидѣтельствуютъ прежнее пребываніе господъ Былинскихъ, которымъ принадлежала сія деревня. Послѣдній рода ихъ былъ дальній свойственникъ графа. Оставшись молодъ владѣтелемъ великаго имѣнія, безъ воспитанія, окруженъ рабами и ласкателями, онъ искалъ только собственныхъ своихъ удовольствій и находилъ одну скуку и раскаяніе, затѣмъ что никому не былъ полезенъ, не имѣлъ ни знаній, ни благородныхъ чувствованій. Безъ дѣла, безъ должности, безъ друзей, онъ былъ самъ себѣ въ тягость и умеръ никѣмъ не сожалѣемъ.

Крестьяне были разорены поборами и худымъ управленіемъ. Во владѣніе графа ожили они снова. Помощь всякаго рода, расправа, наставленіе, присмотръ, сдѣлали ихъ въ короткое время изъ убогихъ и страждущихъ счастливѣйшими земледѣльцами.

Кажется, что скоро сбудется съ ними то, чего желалъ Генрихъ IV, сей добрый король, «чтобъ каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ похлебкѣ.»

Какъ они это чувствуютъ! Надобно было видѣть пріѣздъ нашъ въ Малинники. Всѣ бросаются къ каретѣ — женщины, старики, дѣти окружаютъ графа, обнимаютъ, проливаютъ слезы радости и благодарности.

Благотворительность не оставляетъ графа ни на минуту. Вчера Г. Закрышкинъ, бѣдный дворянинъ, приходитъ къ нему. Онъ долженъ графу за пустошь и луга, которые нанимаетъ. Проситъ извиненія, что не можетъ заплатить всѣхъ денегъ вдругъ и представляетъ нѣсколько; но графъ перебиваетъ его: «Я знаю, что вы честный человѣкъ и не богаты,» вручаетъ ему крѣпость на землю и убѣждаетъ принять пенсію двухъ сотъ рублей на воспитаніе дѣтей.

Между тѣмъ Василька примѣчаетъ все сіе въ молчаніи и въ маленькомъ сердцѣ своемъ пріемлетъ великодушное намѣреніе быть столько же благотворительнымъ. Мы съ нимъ не вовсе праздны. Садъ оставленъ совершенно въ расположеніе наше и мы его возобновляемъ: роемъ, садимъ, пересаживаемъ. Г. Засодимскій, письмоводитель графа по дѣламъ дворянской опеки, который учился въ университетѣ земледѣлію и ботаникѣ, указываетъ намъ, какимъ образомъ

разводить произрастенія, удобривать землю и обращаться съ цвѣтами.

Я есмь и проч.

31 *іюля, Никольское.*

Позволь мнѣ попенять тебѣ. Одно письмо въ три недѣли! Сколько могло случиться съ тобою, бездѣлицъ конечно для другихъ, но для меня неоцѣненныхъ подробностей и которыхъ я не знаю! Для истиннаго друга нѣтъ ничего равнодушнаго. Я радовался, узнавъ, что тебѣ дали чинъ; вотъ справедливость, отданная достоинствамъ и дарованіямъ! Но я хочу еще принять участіе и въ маленькихъ досадахъ твоихъ, неудовольствіяхъ, печаляхъ.... почему я знаю? Ты человѣкъ: и все, что съ человѣкомъ случиться можетъ, и тебѣ свойственно.

Мы нашли у себя въ Никольскомъ дорогаго гостя, Осанова, но страждущаго и въ опасности жизни. Неумѣренность въ пищѣ навлекла ему тяжкую болѣзнь. Безъ Думова, можетъ быть, не былъ бы онъ въ живыхъ. Нѣжныя попеченія друга его, болѣе еще нежели лекарства, возвратили ему жизнь.

Судя о чувствованіяхъ графа по своимъ собственнымъ, Думовъ перенесъ его изъ ставки въ

одинъ изъ домиковъ, которые въ саду построены.

Ему становилось легче, какъ мы пріѣхали. Вошли въ горницу его и были свидѣтелями почти самой той минуты, какъ онъ пришелъ въ себя и почувствовалъ отраду выздоровленія. Съ какимъ умиленіемъ, глазами, наполненными слезъ, взглянулъ онъ на своего неутомимаго попечителя! «Ты мнѣ жизнь даровалъ, я терялъ ее безъ тебя,» произнесъ онъ томнымъ голосомъ и хотѣлъ продолжать; но Думовъ, налагая молчаніе, изъ нѣжнаго опасенія къ слабости больнаго и, можетъ быть, не менѣе ради собственной своей кротости: «Выздоравливай только, сердечный другъ мой,» говоритъ ему, исполненный чувствительности, «вотъ все мое награжденіе!» И защищаясь отъ справедливыхъ похвалъ нашихъ: «Вы всѣ чувствовали дружбу,» продолжалъ онъ (при этомъ словѣ я вспомнилъ тебя), «и вы не удивитесь тому, что она внушитъ въ состояніи. Почтеніе, которое имѣешь къ человѣку доброму и благородному, усиленное нѣжностію, пріятною привычкою, сообщеніемъ удовольствій, печалей, составляетъ неразрывный союзъ. Но ежели вы узнаете, сколько, кромѣ сего чувствованія, обязанъ я благодарностію сему достойному другу, вы еще уменьшите удивленіе ваше.» Осановъ хотѣлъ воспротивиться повѣствованію. «Нѣтъ,» продолжалъ Думовъ, «признаніе благодѣянія возвышаетъ меня въ глазахъ особъ сихъ. Мы были съ нимъ

третьяго года на Кавказѣ. Онъ былъ мой подполковникъ. Ѣдучи передъ полкомъ, отдалился я непримѣтно — въ ущелинѣ. Свирѣпые наѣздники окружили меня. Лошадь подо мною убита. Я былъ обезоруженъ и въ рукахъ ихъ. Осаповъ могъ спастись; но подвергая великодушно жизнь свою для избавленія моей, съ безпримѣрною храбростію и присутствіемъ духа нападаетъ на нихъ, сражается, между тѣмъ какъ колонна, удвоивъ шагъ, подходитъ — и мы одерживаемъ совершенную побѣду надъ толпою непріятелей.»

Что ты послѣ этого скажешь? Есть ли что нибудь сладостнѣе и священнѣе дружбы?

1 *августа*, *Берново*.

Прекрасное лѣто наше становится прохладнѣе и синева небесная чаще покрывается летающими облаками. Но вмѣсто того зрѣлище полей разверзаетъ сердце къ восхитительнѣйшимъ чувствованіямъ. Сколь далеко простирается зрѣніе — повсюду холмы, долины покрываются желтою жатвою, которая иногда спокойна, недвижима, иногда, повинуяся дыханію вѣтра, волнуется, какъ пространное золотое море. Здѣсь-то источникъ богатства, которое обращается по жиламъ государства; отсюда получили рожденіе общество, законы, искусства. Здѣсь человѣкъ отказался отъ

печальной вольности дикаго состоянія и изъ варвара сдѣлался земледѣльцемъ.

Здѣсь каждый годъ ему послушная земля
Даруетъ пищи дань; а тамъ телицъ мычанье
И агницы скачущи и хладныхъ струй журчанье.
Но что я дѣлаю, свой гласъ перемѣнивъ?
Виргилію гласить безсмертну славу нивъ:
Ему — онъ ясно зрѣлъ всѣ прелести природы,
Обезоруживать и къ селамъ влечь народы, —
Ему — душа его, прекрасная, какъ слогъ,
Не возмущалася отъ суетныхъ тревогъ
И нѣжныя свои вздыханья посвящала
Дидониной любви и смерти Евріала.

Въ самомъ дѣлѣ, не можно вообразить себѣ безъ особливаго почтенія творца столь величественнаго, каковъ Виргилій, нисходящаго къ простымъ подробностямъ сельской жизни. Никогда земледѣліе не было возвеличено достойнѣйшимъ образомъ. Знатоки, восхищаясь красотами Энеиды, предпочитаютъ ей Георгики, въ разсужденіи чистоты и выбора выраженій. Виргилій, глава стихотворцевъ римскихъ, соединилъ въ себѣ Гомера, Гезіода и Ѳеокрита, подражая попеременно безсмертнымъ ихъ твореніямъ.

Я завидую тебѣ, любезный другъ мой. Ты видѣлъ священную гробницу Виргилія, осѣненную вѣтвями лавра, который изъ ней произрастаетъ. Ты наслаждался симъ чистымъ небомъ Неаполя, сими зрѣлищами природы, роскошной и ужасной, прелестной въ самыхъ ужасахъ. Ты посѣщалъ

сіи мирныя долины, внушающія пріятную задумчивость, которыя служили образцомъ Елисейскихъ Полей, и ты видѣлъ курящіеся острова сіи, гдѣ было нѣкогда шумное царство Эола.

Но меня утѣшаютъ творенія Виргиліевы. Блистательная кисть его повторила сію природу, и сдѣлала прекраснѣе. Философія вѣка его умягчила черты Гомеровы и трогательное человѣколюбіе, нѣжныя пристрастія, просвѣщенное великодушіе замѣняютъ въ Энеидѣ свирѣпую храбрость Иліады. Повѣствованіе его безпрестанно напоено чувствительностію, и Расинъ часто переноситъ въ трагедію собственныя его выраженія. Кто умѣлъ избирать реченія благороднѣе, живописнѣе? Кто умѣлъ составлять ихъ сладостнѣе для слуха и воображенія? Не взирая на то, неудовольствованный собою творецъ осудилъ на сожженіе безсмертную поэму свою: завѣщаніе, къ счастію не исполненное Августомъ.

Сей императоръ, достойный такого стихотворца своею просвѣщенною любовію письменъ, слушалъ чтеніе Энеиды, по мѣрѣ, какъ она была сочиняема. Какое изумленіе поразило Іюнію, сестру его, когда, въ концѣ шестой книги, услышала она любимое имя сына своего, Маркелла, въ первой юности похищеннаго смертію! Анхисъ восклицаетъ къ Энею, спустившемуся въ Елисейскія Поля:

Не спрашивай, мой сынъ, о горестной сей тратѣ.
Покажетъ только рокъ и вмигъ его похититъ.

Чрезъ мѣру римскій родъ вамъ силенъ показался
О, боги! если бы сей даръ остался намъ!
Какія вслѣдъ за нимъ стенанья устремятся!
О, ты, о, Тиберинъ, какой увидишь плачъ,
Какъ мимо новыя гробницы покатишься!
Никто бъ изъ юношей отъ рода Илліонска
Такъ Рима не вознесъ и Ромуловъ бы градъ
Питомцемъ таковымъ вовѣкъ не похвалился.
О, благочестіе, о, вѣрность древнихъ лѣтъ!
Непобѣдимая десница на войнѣ!
Никто бы съ нимъ не могъ безбѣдно въ бой вступить,
Хотя бы на враговъ онъ пѣшій подвизался,
Хотя бы на конѣ онъ бурномъ прелеталъ.
Ахъ! отрокъ жалостный! коль прейдешь жребій свой,
Маркеллъ ты будешь. Ахъ! гдѣ свѣжія лилеи?
Вагряные цвѣты ему разсыплю въ честь:
Я душу отрока симъ даромъ успокою
И тщетный долгъ свершу.

---

9 августа́, Берново.

Переводить Виргилія!... Я никогда столько не чувствовалъ, что переносить красоты его неискусною рукою есть истинное оскорбленіе вкуса. Списокъ стихотворца долженъ отражать въ себѣ сію живость красокъ, которою образецъ исполненъ. Что пользы въ робкомъ сохраненіи идей, ежели онѣ не производятъ того же чувствованія

ежели онѣ также не обладаютъ душою, не приводятъ въ дѣйство сего насильственнаго волшебства, которое по изволенію восхищаетъ насъ радостію или поражаетъ ужасомъ и изумленіемъ? Надлежало бы, чтобъ переводчикъ стихотворца былъ въ состояніи самъ произвести красоты, которыя онъ перелагаетъ. Расину должно было переводить Виргилія. Сродственныя души ихъ сотворены были, чтобы разумѣть другъ друга. Тѣ же тихія склонности, чистота вкуса, безпрерывная изящность слога, то же искусство въ употребленіи чувствованія. Четвертая книга Энеиды имѣетъ всѣ достоинства прекраснѣйшей трагедіи; и Дидона не уступаетъ Федрѣ, къ составленію которой она способствовала. Отъ Виргилія зависѣло быть Гомеромъ или Софокломъ Рима. Онъ предпочелъ первое; хотя извѣщаетъ насъ преданіе, что онъ писалъ и трагедію, погибшую въ сіи столѣтія варварства, которыя дѣлаютъ черту раздѣленія между древними и новыми. Съ собою унесъ онъ судьбу трагедіи римской. Никто изъ Римлянъ послѣ него не былъ въ состояніи итти по стопамъ Софокла и Еврипида.

Такимъ образомъ Аѳины остались въ неоспоримомъ владѣніи трагедіи. Съ невѣроятною скоростію сельское празднество Ѳеписово, въ которомъ грубые дѣйствователи, по собраніи винограда, воспѣвали хоромъ похвалы Вакха, достигло до стройнаго расположенія драмы. Огромныя позорища Эсхиловы, исполненныя воинствен—

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ихъ г. Полосовскому. Твой достойный другъ съ того же самаго времени и мой. Онъ всякой день у насъ. Графъ и графиня находятъ въ семъ молодомъ офицерѣ всѣ достоинства, которыя желаютъ видѣть нѣкогда въ Васинькѣ: превосходное сердце, разумъ, украшенный познаніями, достоинства, заемлющія еще болѣе блеска отъ любви достойнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ Путешествіе въ чужіе краи одно могло прибавить совершенства воспитанію его. Онъ въ полку у Г. Славина: и съ первой минуты почувствовали они другъ къ другу сіе взаимное почтеніе, которое соединяетъ облагороженныя души.

Славинъ можетъ служить образцомъ въ обхожденіи. Всѣ его поступки ознаменованы благоразуміемъ. Никогда нескромность, оскорбительное слово, или взоръ, не сдѣлали обращенія его непріятнымъ Но, отдавая принадлежащее уваженіе каждому, онъ не теряетъ подлыми угожденіями того почтенія, которымъ ему другіе обязаны. Правость разума его и сердца столь обще признаны, что всѣ охотно подвергаются суду его. Всѣ бы желали имѣть его другомъ; но онъ разборчивъ въ дружбѣ, и кого Славинъ почитаетъ, тотъ не можетъ быть посредственнаго достоинства.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ его качествъ — хладнокровіе. Среди сраженія, сказываютъ, такъ какъ въ обществѣ, онъ всегда равенъ, всегда властелинъ разума и чувствъ своихъ, всегда готовъ встрѣтить опасность и преодолѣть ее!

Такія дарованія природныя украсилъ онъ воспитаніемъ и ученіемъ. Онъ знакомъ со всѣми писателями древности. Я видѣлъ въ палаткѣ его Плутарха, Полибія, Ксенофонта. Подумай же, какъ ему пріятно будетъ найти въ Г. Полосовскомъ товарища и службы и сихъ удовольствій, происходящихъ отъ ученія и прекрасныхъ письменъ.

Мнѣ особливо нравится въ Полосовскомъ прилежность его къ ученію и желаніе знаній. Какимъ образомъ, думаешь ты, проводитъ онъ праздное время въ лагерѣ? Вчера еще засталъ я его въ ставкѣ переписывающаго уроки «Нравственной Философіи» славнаго Фергюссона, его учителя. При этомъ случаѣ разсказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ, привлеченный славою сего ученаго, ѣздилъ онъ нарочно въ Эдинбургъ, чтобъ воспользоваться разговоромъ и наставленіемъ свѣдущаго и добродѣтельнаго человѣка. Съ какимъ почтеніемъ, съ какою благодарностію говоритъ онъ о своемъ учителѣ!

Мы было очень пріятно разговорились и вечеръ былъ прекрасный, какъ вдругъ, совсѣмъ не кстати, пушка выпалила зорю и фельдфебель явился къ Г. капитану съ рапортомъ: «Ваше благородіе, рота выведена на ротную улицу».

18 августа, Берново.

Примѣчаніе твое весьма основательно, любезный другъ мой, когда ты спрашиваешь меня въ письмѣ своемъ, отъ чего происходитъ сіе страстное удивленіе, которое посвящаемъ мы древнимъ. Сіи рожденныя для славы имена Пиндара и Ѳеокрита, Виргилія и Горація, однимъ произнесеніемъ своимъ возбуждаютъ понятія величества и красоты Не станемъ сомнѣваться: конечно, ущедренные отъ Неба отмѣннымъ образованіемъ умственныхъ силъ и поставленные въ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ народнаго сіянія, они установили въ писаніяхъ своихъ образецъ вкуса. Когда Геродотъ читалъ исторію свою на Олимпійскихъ играхъ, тогда все несчетное множество греческихъ народовъ въ глубокомъ молчаніи упоевалось слушаніемъ, и громъ плесканій увѣнчалъ оное. Каждая изъ девяти книгъ его удостоена именованія Музы; а юный Ѳукидидъ, въ числѣ слушателей, проливалъ слезы соревнованія и полагалъ въ душѣ своей обѣщаніе раздѣлить нѣкогда съ Геродотомъ пальму Исторіи. По славномъ сопротивленіи Персамъ, Аѳины соединили въ нѣдрахъ своихъ всѣ роды славы, великолѣпіе художествъ, прелесть словесныхъ наукъ и возвышенные уроки Философіи. Эсхилъ и Софоклъ мужественно сражались за отечество. Еврипидъ восходилъ на зрѣлище изъ училища Сократова. Ваятели и живописцы пользовались столько же совѣтами, какъ и покровительствомъ Перикла.

Сія слава Греціи медленно пріуготовляла просвѣщеніе Рима. Когда завоеванія его сравнялись съ предѣлами знаемаго міра, тогда общая вѣжливость нравовъ распространилась отъ Столповъ Геркулесовыхъ до потоковъ Евфрата. Суровость Римлянина исчезла при гармоніи стиховъ Виргилія, Тибулла, Горація и Овидія.

Разлитіе сѣверныхъ народовъ опровергло сіе величественное зданіе Римской Имперіи и исторгло сѣмена вкуса и письменъ. Цѣлыя столѣтія разорительное варварство ожесточало человѣческій родъ. Наконецъ сообщеніе съ Маврами и Крестовые походы воспламенили воображеніе Трубадуровъ. Счастливый разумъ Петрарка, воскресивъ духъ древнихъ письменъ, даровалъ стихотворство Италіи, въ которой изъ остатковъ латинскаго языка составлялся новый, полный гибкости и гармоніи. Торжественныя пѣсни Дантовы уступили мѣсто игривымъ вымысламъ Аріоста.

Съ большимъ величествомъ послѣдователь его, сіяющій и несчастный Тассъ, умѣлъ поставить себя подлѣ Гомера и Виргилія своею эпическою поэмою, Освобожденный Іерусалимъ. Онъ перенялъ у Гомера искусство ознаменовать отличными чертами толпу героевъ и вести къ одному концу множество привлекательныхъ приключеній. Твердое благоразуміе Годофреда, вождя христіанскаго воинства, противуположено коварности Аладина, султана Іерусалимскаго. Въ Ринальдѣ соединены всѣ прелести юности и всѣ восторги запальчивой храбрости. Тассъ восполь-

зовался сіяніемъ, которое предлагали ему рыцарскіе нравы и древнія преданія, и вмѣсто Гомерова баснословія употребилъ вѣрованіе того времени въ волшебство. Можетъ быть, излишними чудесами наполнилъ поэму свою. Съ самаго начала говоритъ онъ Музѣ, которую призываетъ:

Ты знаешь: свѣтъ-таковъ, въ немъ болѣ привлекаетъ
Согласіемъ своимъ прельщающій Парнассъ,
И въ самыя сердца слабѣйшія вникаетъ
Со сладостью стиховъ священный правды гласъ.
Такъ отроку даемъ, недугомъ сокрушенну,
Мы чашу съ врачевствомъ, но медомъ орошенну.
Полынно питіе обманутъ отрокъ пьетъ
И возвращая жизнь обманомъ, возстаетъ.

19 *августа*, *Никольское*.

На сихъ дняхъ происходило у насъ явленіе, самое трогательное для тѣхъ, которые умѣютъ почитать добродѣтель: исполненіе правосудія, противу самого себя оказанное.

Наши прекрасные Малинники не принадлежатъ болѣе графу. Онъ самъ произнесъ рѣшеніе, которымъ отданы они во владѣніе остававшемуся въ неизвѣстности и убожествѣ Былинскому. Пренебреженъ гордымъ своимъ родственникомъ и отягощенъ многочисленнымъ семействомъ, бѣд-

ный дворянинъ сей снискивалъ пропитаніе въ потѣ лица своего. Нечаянно услышалъ графъ имя его. Сего довольно было, чтобъ немедленно отыскать его, развѣдать происхожденіе, разсмотрѣть право его къ наслѣдству.

Всѣ наши законовѣдники утверждали, что, имѣя деревню по завѣщанію, графъ не обязанъ отдать ее въ поколѣніе. Но Благотворовъ сказалъ имъ, что ни какой положительной законъ не можетъ освободить его отъ приказаній совѣсти его; что не довольно быть праву въ глазахъ общества и закрывать себя подъ внѣшностію судебнаго порядка; надобно еще быть справедливу въ собственныхъ глазахъ своихъ: «и меня, продолжаетъ онъ, ничто не можетъ спасти отъ строгости суди, котораго я имѣю въ самомъ себѣ. Не узнаютъ другіе, но я знать буду. Я потеряю почтеніе къ самому себѣ, я буду несчастливъ. И есть Существо всевѣдущее, всеблагое, Которое испытуетъ сокровенныя наши мысли и Которому ничто столько не угодно, какъ сердце правое и непорочное.»

Что ты чувствуешь, любезный другъ мой? Не восхищаешься ли симъ достойнымъ почтенія характеромъ, который соединяетъ въ толь высокой степени благотворительность и правосудіе, сіи два источника человѣческихъ добродѣтелей? Позабыть самого себя, пожертвовать своими собственными выгодами для исполненія справедливости, для удовольствія нравственнаго чувства, чрезъ которое различаемъ добро и зло въ на-

ихъ дѣйствіяхъ, естественно, безъ размышленія: есть ли что нибудь сего величественнѣе?

Какъ описать тебѣ удивленіе, благодарность бѣднаго Былинскаго? Быть взяту отъ плуга къ наслажденію большаго имѣнія, безъ надежды, безъ исканія! И кѣмъ? Тѣмъ самымъ, котораго польза требовала не возвращать его никогда!... Но Благотворовъ неспособенъ помѣстить въ сердцѣ своемъ подлаго корыстолюбія.

Въ препровожденіи уѣзднаго судьи Правдина, капитана-исправника Ульева и еще нѣсколькихъ дворянъ, привозитъ онъ Былинскаго въ Малинники, поручаетъ ихъ во владѣніе ему, и обращаясь къ міру крестьянъ, погруженныхъ въ глубокую печаль: «Друзья мои, говоритъ имъ, слезы ваши трогаютъ и награждаютъ меня вмѣстѣ. Но я не былъ бы достоинъ любви вашей, если бы минуту хотѣлъ воспользоваться несправедливостію. Я поручаю васъ господину не менѣе доброму; я за него ручаюсь. Онъ воспитанъ въ несчастіи: онъ знаетъ, чѣмъ обязаны счастливые къ безсильнымъ и бѣднымъ, что долгъ помѣщика состоитъ въ томъ, чтобъ быть благодѣтелемъ замледѣльцовъ. Исполняйте вы свой долгъ повиновенія и трудолюбія».

Присемъ вручаетъ Былинскому 30,000 рублей доходовъ, которые собралъ онъ съ Малинниковъ во время своего владѣнія; и какъ будто бы добродѣтели были заразительны, въ то же мгновеніе Былинской проситъ Г. Правдина внести ихъ отъ

[illegible] Природы.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Межъ тѣмъ какъ всѣ здѣсь [illegible] у меня есть [illegible] Нѣсколько старыхъ [illegible] разбросаны по [illegible] живописныхъ [illegible] служатъ [illegible] и Тассъ, или Мильтонъ, или оба вмѣстѣ, собесѣдниками. Неограниченный [illegible] полей [illegible] картинамъ, которыя занимаютъ меня поочередно сіи великіе стихотворцы.

Возрожденіе письменъ въ Италіи, славный вѣкъ Медицисовъ, когда Петрарка учился по-гречески и Рафаэль вызывалъ искусство древнихъ изъ-подъ развалинъ земли, сія счастливая перемѣна

распространилась и за предѣлы Италіи. Лопесъ де Вега занималъ вниманіе Испанцовъ запутанными приключеніями своихъ комедій, и остроумный Сервантъ заслужилъ себѣ безсмертіе разрушеніемъ странствующаго рыцарства и сумасбродствами Донъ-Кихота. Подвиги Португальцовъ воспѣты подъ другимъ небомъ соотечественникомъ ихъ, Камоэнсомъ. Въ Англіи готическій языкъ Спенсеровъ обогащался пламенною фантазіею Шекспира и вдохновеніемъ Мильтона.

Вкусъ письменъ, установляясь въ Англіи, заимствовалъ свойство земли. Смѣлъ, независимъ, болѣе разителенъ, нежели нѣженъ, онъ возносится на высоты и паритъ надъ стремнинами.

Вольный духъ Шекспировъ, которому природа служила вмѣсто ученія, произвелъ незагладимое напечатлѣніе надъ народнымъ вкусомъ. Греки, которыхъ онъ не зналъ, или зналъ только по дурнымъ переводамъ, не служили образцами драмъ его. Не наблюдено единство дѣйствія, времени, мѣста. Явленія безъ связи. Безпрестанное смѣшеніе подлаго съ величественнымъ. Невѣрное изображеніе древнихъ нравовъ. Но краснорѣчіе сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающіе обороты чувствованій и удивительное богатство описаній. Кажется, онъ входилъ попеременно въ душу Макбета, Лира (Lear), Рихарда. Къ симъ способностямъ присоединилъ онъ искусство пользоваться національнымъ пристрастіемъ, представляя дѣйствительныя происшестія отечества своего въ историческихъ зрѣлищахъ.

Страна, славная остроуміемъ и учтивостію жителей своихъ, Франція, долѣе боролась съ недостаткомъ языка своего и медленнѣе достигала сіяющей эпохи письменъ своихъ. Языкъ, рожденный въ веселости и простотѣ обхожденія, сдѣлался благороднѣе въ согласіяхъ Мальгерба и несчетное множество драматическихъ писателей послужили только ступенями къ высотѣ, на которой явился Корнель, творецъ Французскаго театра. Онъ открылъ сей сіяющій вѣкъ Лудовика XIV-го, который не долженъ ни въ чемъ позавидовать предварившимъ его вѣкамъ просвѣщенія, Периклову, Августову и Медицисову.

Корнель создалъ трагедію несравненно сложнѣе греческой. Склоненъ естественно къ высокимъ чувствованіямъ, онъ поставилъ удивленіе на мѣсто жалости и ужаса. Ему пріятно было извлечь слезы великаго Конде словами: «будемъ друзья, Цинна!» Всѣ приключенія трагедіи выводилъ онъ изъ противуположенія чувствованій и характеровъ. Никто не умѣлъ болѣе утверждать и оспоривать то же умствованіе.

Но между тѣмъ какъ я забавляюсь, разсуждая о Корнелѣ, ты, любезный другъ, можетъ быть, восхищаешься Цинною, Родогуною или душею стараго Горація.

5 сентября, Берново.

Въ эту погоду, въ дождь, въ вѣтеръ, вообразите ли вы, изнѣженные обитатели города, что мы пріѣзжаемъ съ охоты? Сколько разсказовъ! Какіе подвиги, извѣстные только тѣмъ, которые ихъ сдѣлали!

Ввечеру другія упражненія. Между тѣмъ какъ хозяинъ занимаетъ гостей своихъ какою нибудь общественною игрою, два старшіе сына и я составляемъ особливый комитетъ и раздробляемъ красоты Корнеля и Расина. Напрасно стараюсь я слѣдовать восхищенію молодыхъ людей: я не нахожу въ себѣ болѣе сей возвышенной чувствительности, съ которою, двадцать лѣтъ назадъ, на берегахъ Сѣверной Двины читалъ въ первый разъ сихъ великихъ трагиковъ. Пораженъ отзывомъ похвалъ, которыя отъ того столѣтія неслись, съ нетерпѣливостію спѣшилъ я раздѣлить удивленіе людей, чувствительныхъ къ прекрасному. Неутомимо проходилъ я сквозь всѣ перемѣны драмы и старался угадывать плесканія, которыми современники почтили драгоцѣнныя произведенія сихъ великихъ духовъ. Я восхищался романическими нравами Сида и чертами Цинны, достойными Тацита. Ираклій поражалъ сплетеніемъ басни своей, и я любилъ видѣть изгнанника Сертоpія, воспріемлющаго на себя всю гордость Рима. Но ни что не можетъ изъяснить чувствованія, которое оставили во мнѣ Андромаха, Ифигенія, Федра! Сіе послѣднее твореніе обратило

на себя все грызеніе зависти и недостойный заговоръ противуположилъ Прадона Расину. Великой человѣкъ имѣлъ слабость оскорбиться симъ посрамленіемъ вкуса и долгое молчаніе было славно прервано Аталіею, верховнымъ твореніемъ духа его, гдѣ великолѣпіе и выборъ выраженій возвышенъ великими движеніями и пышностію зрѣлища; гдѣ, выше самого себя, показалъ, что онъ могъ трогать души и не одними любовными чувствованіями. Возвративъ трагедію къ истинному установленію ея, онъ первый изъ новыхъ очистилъ ее отъ хладныхъ воздыханій, обезображивающихъ главное дѣйствіе, — порокъ, отъ котораго не былъ свободенъ Корнель. Богатый классическими красотами и вспомоществуемый совѣтами друга своего, Буало, Расинъ не только умѣлъ возбуждать страсти въ явленіи, но сдѣлался образцомъ языка. Онъ учинилъ постоянными понятія красоты, пристойности и выбора. Послѣ него не могли терпѣть посредственной трагедіи. И между тѣмъ какъ неровный слогъ Корнелевъ иногда соединялъ разительность выраженія съ величествомъ мысли, иногда распространялъ принужденное умствованіе въ надутомъ слогѣ; Расинъ, безпрестанно вѣренъ чистѣйшему вкусу, повсюду изображалъ прекрасную природу прекрасными стихами. Можетъ быть, чувствуется въ нихъ съ излишествомъ вліяніе учтивѣйшаго двора, при которомъ жилъ онъ: Ипполитъ и Ксифаресъ походятъ на молодыхъ придворныхъ Людовика XIV. Но, впрочемъ, характеры его не

имѣютъ ничего натянутаго и несвойственнаго. Митридатъ и Агриппина изображены гордою кистью Корнеля. Но сей основатель театра не могъ бы сотворить Андромахи и Ифигенiи. Согласно съ пріятностію ихъ пола, онѣ не обезображиваются чуждою имъ величавостію. Рѣже высокія мысли, такъ какъ молнiи, перерываютъ разговоръ; но болѣе достоинства разсѣяно въ цѣломъ. Что можетъ быть величественнѣе отвѣта Іоадова, когда усердный, но простодушный Абнеръ описываетъ Аталію, ищущую его погибели?

Кто волнъ неистовство умѣетъ усмирить,
Тотъ можетъ также злыхъ навѣты разорить.
Со трепетомъ Его святой покоренъ волѣ,
Боюся Бога я — и нѣтъ боязни болѣ!

14 сентября, Берново.

Чего не дѣлаетъ любви достойный нашъ хозяинъ, чтобъ занять гостей своихъ всѣми возможными увеселенiями! Въ ближайшемъ отъ насъ городѣ составилось маленькое общество любителей, которые забавляются представленiемъ комедій. Сегодня — мы ни знаемъ, ни вѣдаемъ — видимъ дворъ нашъ, наполняющiйся незнакомыми пріѣзжими. Большая горница, которая окнами въ садъ, становится театромъ. Простенькія кулисы

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ювелиръ, Г. Жоссъ, ну! ежели онъ пойдетъ до сіятельства,» говоритъ самъ съ собою Г. Журденъ, который платитъ за каждый титулъ, прилагаемый ему отъ портнаго. Имѣя нужду нравиться публикѣ, еще мало чувствительный къ тонкимъ красотамъ искусства, ему надобно было приманивать зрителей къ Мизантропу и Ученымъ Женщинамъ простонародною веселостію Принужденной Женитьбы и Лекаря по неволѣ. Но дарованіе его было признано съ самаго его появленія; и восклицаніе старика, который на представленіи «Смѣшныхъ Щеголихъ» закричалъ изъ партера: «продолжай, Мольеръ! это настоящая комедія», было предсказаніемъ и первымъ торжествомъ Мольеровой славы. И въ самомъ дѣлѣ, театръ не имѣлъ прежде него ни одной хорошей комедіи, кромѣ Корнелева Лжеца. Онъ первый сдѣлалъ театръ школою нравовъ. Послѣ него не было ни кому позволено быть смѣшнымъ безъ наказанія. Невѣжды-врачи, тщеславные вертопрахи, надутые ученостью педанты, гнусные лицемѣры узнали себя на театрѣ и принуждены были бросить личину свою, чтобы уйти отъ общаго посмѣянія. Комическая сила, которую не находили древніе въ Теренціи, впрочемъ, столь естественномъ живописцѣ нравовъ, препровождаетъ малѣйшія черты Мольеровы. Онъ выше Плавта въ Скупомъ и Амфитріонѣ! Творецъ Мизантропа и Тартюфа былъ безъ образца и послѣдователя. Буало находилъ Ренара весьма забавнымъ, но комическимъ одного Мольера. Детушъ достоинъ почтенія искусствомъ

и [illegible] названiе: [illegible] — можетъ быть [illegible] въ [illegible] достигалъ до [illegible] силы въ [illegible].

2 октября. *Березовъ*

Итакъ, нежели увидѣть, какъ я ожидаю тебя у береговъ Невы, ты переселишься со скоростью вѣтра въ незабытую окружность древней столицы. И струи Волги не могли тебѣ замѣнить Березова? Ты вздыхалъ не за развлеченiями, а за нуждами друзей твоихъ. Развѣ ты исключаешь меня изъ числа ихъ? Или счастливые друзья уступаютъ преимущество? Я уважаю тебя въ этомъ и готовъ простить тебѣ въ разсужденiи причины.

Во другѣ истинномъ какое наслажденье:
Выводитъ нужды онъ изъ сердца твоего:
Предупреждаетъ униженье
Открытья самаго.
Его смущаетъ сновидѣнье.
Бездѣлица ничего,
Когда касается любимаго его.

Ты соглашаешься съ чувствованiями Лафонтена, котораго прелестная простота и неподражаемая естественность изучаются тобою совершенно. Искусство и принужденiе неизвѣстны

любви достойному Басеннику. Онъ не знаетъ, что онъ нравится, или ежели нравится, какимъ таинствомъ до того доходитъ. Онъ невиненъ во всѣхъ своихъ хитростяхъ. Природа сказала ему при рожденіи: «Сказывай басни,» и онъ сказываетъ. Знакомые не открывали въ немъ остроумія: онъ имѣлъ дарованіе. Какъ остроуміе мало передъ драгоцѣнною простотою, которая дышетъ въ произведеніяхъ лѣнивой Музы его! Анакреонъ Французовъ, онъ производитъ полное очарованіе надъ сердцами читателей, за тѣмъ что онъ имъ первый обманутъ добродушно. Большее дитя во всю жизнь свою, онъ удивлялъ современниковъ своихъ простотою замысловъ и поступковъ жизни. Въ обществѣ друзей его, Расина, Буало, Мольера, его не называли иначе, какъ добрымъ человѣкомъ (le bon homme). Опытный судья дарованій, Мольеръ говорилъ имъ: «добрый человѣкъ пойдетъ далѣе насъ!» Его слава не соединена съ перемѣнами искусства и нравовъ, которые непостоянны: она почерпнута непосредственно въ самой природѣ. Онъ умѣетъ трогать насъ, заставляя говорить животныхъ. Онъ сходитъ, такъ сказать, къ равенству съ ними и пріемлетъ на себя столь живо ихъ чувствованія и пристрастія, что мы не примѣчаемъ заблужденія своего, приписывая имъ разумъ и слово, наши добродѣтели и пороки. Воображеніе представляетъ ему при самомъ безплодномъ содержаніи черты, столь живыя и пріятныя, что онѣ даютъ настоящее существованіе мѣсту явленія и лицу, которое вводится. Страсти

[illegible]

[illegible]

Но это напоминаетъ мнѣ спокойную жизнь мою, въ которой наслаждался я самъ собою, и которую ты прежде меня увидишь ее — и друга вашего, счастливаго обитателя предмѣстія.

11 *октября, Берново.*

Сколько я тебѣ благодаренъ! Только что въ Москву пріѣхать, успѣть посмотрѣть мое любезное предмѣстіе, тотчасъ писать ко мнѣ, писать прекрасное письмо на языкѣ и тономъ госпожи Севинье, усѣянное сими чертами, чувствованія и остроумія, которыя становятся вдвое живѣе, когда украшены риѳмою, и которыхъ таинство укралъ ты у Вольтера и Шолье.... Но я соединяю два имя, столь различныя! Между тѣмъ какъ роскошный обитатель храма остался первымъ изъ нерадивыхъ стихотворцовъ, наслѣдникъ Нинены, очистившій остроуміе свое въ школѣ хорошаго вкуса — въ обхожденіи знатнѣйшихъ особъ своего времени, удивилъ ожиданіе общества великими твореніями, которыя поставили его подлѣ Корнеля и Расина. Величественъ, иногда возвышаетъ онъ глубокую мысль сіяніемъ выраженія, иногда послѣдуетъ своенравію Грацій.

Онъ въ отрочествѣ былъ угодникомъ Нинонѣ,
Къ Виргилью въ двадцать лѣтъ въ сообщество спѣшилъ,
Во зрѣломъ мужествѣ Софоклову путь свершилъ:
У старца богъ любви покоился на лонѣ.

Дорать.

Сіи легкія, или убѣгающія стихотворенія (pièces fugitives), если можно занять сіе слово, не

[illegible] Лишь [illegible] [illegible] [illegible]

ства нравоученію! Болѣе сродствуя съ нѣжною душею Фенелона, нежели съ порывистою высокостію Боссюэта, онъ возбуждалъ гласъ ихъ, долго почившій, въ пользу гражданскихъ достоинствъ. Онъ воздавалъ благодарность потомства ревностному Сюлли, первому человѣку на второй степени, и платилъ позднюю дань удивленія сіяющему духу Декарта. Современникъ краснорѣчивѣйшихъ смертныхъ, Ж. Ж. Руссо и Бюффона, онъ былъ достоинъ имѣть ихъ судьями. Онъ осмѣливался возвыситься до эпопеи; и уже выборъ содержанія, счастливѣйшаго нежели содержаніе Генріады, открывалъ ему величественное поприще. Онъ похищалъ у Россійскихъ стихотворцовъ богатый предметъ отечественной славы, дѣянія Петра Великаго.... При семъ имени Генріады, чувствую, что я трогаю нѣжную струну. Ты хотѣлъ бы, чтобъ всѣ ее видѣли твоими глазами: благородную безпрерывно, сообразованную съ просвѣщеніемъ времени, представляющую важную картину въ стихахъ, оставляющихъ долгое воспоминаніе! Кто споритъ съ тобою? Но всего остроумія недовольно, чтобъ приблизиться къ Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму и, можетъ быть, Потерянному Раю.

[illegible]

[illegible] тебя, мой любезный друг, в том что [illegible] [illegible] [illegible]

скими разбирательствами, нужда быть съ тобою говоритъ сердцу моему повелительнымъ образомъ. Прекрасныя письма твои не могутъ замѣнить твоего сообщества и заставляютъ только желать его усильнѣе. Мнѣ хочется подозвать къ себѣ моихъ любезныхъ хозяевъ и похитить у Бернова лучшее его украшеніе: такимъ образомъ соединить въ предмѣстіи своемъ все то, что́ я имѣю драгоцѣннѣйшаго въ свѣтѣ. Воспоминаніе первыхъ дней дружбы нашей насильственно овладѣло душей моей. Помнишь ли, какъ оба, лѣтъ пятнадцать моложе, мы искали друга, побуждаемы пріятнѣйшимъ чувствованіемъ, сходствомъ вкусовъ, сею самою любовію письменъ? Представленія Заиры, Альзиры, Магомета служили намъ мѣстами соединенія. Я услаждался, слушая тебя, возглашающаго цѣлыя рѣчи изъ Меропы, величественной трагедіи, въ которой сіяетъ простота греческаго вкуса со всемъ богатствомъ выраженія. Наши гулянья въ садахъ, уединенныя бесѣды протекали столь быстро, наполнены взаимнымъ сообщеніемъ нашихъ мыслей и чувствованіемъ о красотахъ верховныхъ твореній, которыя поражали необычайнымъ блескомъ новыя наши чувства. Ты снисходительно слушалъ, съ пристрастіемъ дружества, лепетаніе ученической музы моей. Гдѣ Болеславъ мой, въ котораго я желалъ перелить всѣ движенія Аделаиды дю Гесклень? Столько чтеніе прекраснаго образца можетъ овладѣть воображеніемъ и невольнымъ образомъ увлекаетъ къ подражанію! Мы любили занимать-

быть полезенъ. Я препровождаю молодаго офицера. Хозяева мои имѣютъ благосклонность увѣрять меня, что они бы сами сдѣлали мнѣ предложеніе сіе, если бы не предупредило ихъ мое собственное чувствованіе. Насъ ѣдетъ много; господа Полосовской и Добросердовъ въ томъ числѣ. Ты можешь представить себѣ, стараемся ли мы воспользоваться свѣдѣніями и опытностію Г. Славина. Мы много читаемъ, много разговариваемъ о военномъ искусствѣ. Походы Тюренна, Люксамбурга, Маршала де Сакъ суть предметы нашего ученія; но болѣе всего отечественная Исторія. Мы не устаемъ слушать Г. Славина, когда онъ разсказываетъ намъ, съ картою на столѣ, подвиги Государя Петра Великаго, счастливыя дѣянія Миниха, Лессія, Салтыкова, побѣды Румянцова, Нестора полководцевъ. Я самъ заимствую отъ общаго восторга, устремляюсь въ славное поприще военнаго состоянія. Что скажетъ нашъ кроткой Иринеевъ, когда увидитъ меня въ полномъ одѣяніи офицера, въ знакѣ, въ шарфѣ, съ саблею? Какихъ упрековъ ожидать я долженъ! Не послужатъ мнѣ къ защищенію славные примѣры Леонида, умирающаго во исполненіе священныхъ приказаній отечества; Эпаминонда, котораго послѣдніе взоры видѣли убѣгающаго непріятеля. Человѣколюбіе его никогда не примирится со славою. Но ты, мой любезный другъ, ты, который всегда воспламенялъ въ сердцѣ моемъ любовь къ отечеству, сію страсть великихъ душъ, ты увѣренъ, что какой рокъ меня

не оставлю. побѣдитель или мертвъ. я никогда не разстанусь съ честью. Ты увидишь меня по[illegible] или [illegible] или за [illegible]. Меня [illegible] сїе [illegible] желанїе [illegible] Баярда [illegible] желанїе умереть славною смертїю за отечество. И знаю [illegible] я здѣсь чувствовать иначе. Когда [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] въ тѣ же самыя [illegible] [illegible] [illegible]. И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Твой [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible].

[illegible] И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]. — [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

ТЕТРАДЬ
ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ.

(Начато въ Никольскомъ, 10 іюня.)

—

Заглавіе было написано, а мы еще не знали, какимъ образомъ приступить къ исполненію его. Никакая счастливая мысль не попадалась. Нельзя было положить вины на перо или чернила: Все было въ лучшей исправности; не доставало только сочинителей. Мы это чувствовали, и болѣе приходили въ уныніе. Веселость, которая за полчаса назадъ одушевляла Васиньку, готова была его оставить. Наконецъ я прерываю молчаніе. «Напишемъ, по крайней мѣрѣ, говорю я, это «самое состояніе нерѣшимости, которое насъ «мучитъ, и мы сдѣлаемъ начало нашимъ упраж«неніямъ въ сочиненіи. Начало, сказываютъ, по«ловина дѣла. Но чтобъ повѣствованіе было жи«вѣе, преобратимъ его въ разговоръ. Станемъ «писать рѣчи наши попеременно, вы подъ име-

«немъ Васиньки, я подъ названіемъ друга вашего, «ежели вы мнѣ позволите.»

Васинька. Съ превеликой охотой, я очень радъ. Вы видите, что вы ужъ читаете отвѣтъ мой, а не слышите.

Другъ. Тѣмъ лучше. Мы сдѣлаемъ привычку писать. Нечувствительно слогъ нашъ образуется. Нѣтъ ничего полезнѣе упражненія. Начнемъ съ родовъ сочиненія самыхъ легкихъ, напримѣръ, со сказочекъ. Потомъ станемъ выходить со временемъ къ разговору, письму, разсужденію. Вы такъ часто разсказываете то, что видѣли или читали. Возьмите перо и дайте ему ходить по бумагѣ съ тою же свободою, съ которою говорите.

Васинька. Да, это великая разница. Я говорю какъ ни попало, почти не подумавъ: всѣ меня разумѣютъ. А принимаясь за бумагу, чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ.

Другъ. Привычки. Она внушаетъ нечувствительно охоту и довѣренность къ самому себѣ. Испытаемъ написать съ памяти такую повѣсть, которую мы недавно читали. Возьмемъ изъ Фенелона.... Приключенія Али-Беговы. Нѣкогда Аббасъ....

Васинька. Постойте, это мое дѣло. Аббасъ, Софи Персидскій, объѣзжалъ области свои, ни кѣмъ не знаемъ. Молодой пастухъ ему понравился благоразуміемъ рѣчей своихъ еще болѣе, нежели пріятностью вида. Софи открылъ ему санъ свой. Али-Бегъ! говоритъ ему (такъ назы-

вался пастухъ) природа произвела тебя къ другому званію. Оставь поля свои, послѣдуй за мною: я поставлю тебя пастыремъ людей. Пастухъ послѣдовалъ. Онъ былъ нелицемѣрный другъ государя своего, всегда говорилъ ему правду и спасалъ народы отъ утѣсненія злобныхъ. Но Аббасъ скончался. Молодому сыну его ласкатели оклеветали Али-Бега. «Онъ собралъ себѣ сокровища, говорили они, слезами сираго и вдовицы.» Воспаленъ гнѣвомъ, сынъ Аббасовъ идетъ самъ въ домъ Али-Беговъ, удостовѣриться своими глазами въ истинѣ доноса. Вездѣ находитъ умѣренность, простоту, сельскіе нравы. «Но вдали видны желѣзныя двери. За ними — шепчутъ клеветники — сохраняются сокровища Али-Беговы.» Растворяютъ двери. Что находятъ въ казнѣ его? Посохъ, свирѣль, платье, которое онъ пастухомъ носилъ. И Али-Бегъ обнимаетъ колѣна государя своего: — Не отнимай у меня сихъ сокровищъ: я съ ними былъ и опять могу быть счастливъ. Позволь мнѣ возвратиться въ деревню. — Приведенный въ умиленіе, государь отдалъ справедливость оклеветанной добродѣтели и грознымъ взоромъ изгналъ ласкателей навсегда....

Другъ. Вы видите, что дѣло сдѣлано. Ежели это не самое лучшее повѣствованіе, то по крайней мѣрѣ, это «опытъ сочиненія».

ИЗБРАНІЕ ГЕРКУЛЕСА.

Геркулесъ приходилъ уже въ тотъ возрастъ, который называется возрастомъ разума. Наполненъ размышленія о выборѣ приличной жизни, шелъ онъ дорогою. Вдругъ она раздѣляется на двѣ стези. Двѣ женщины выше человѣческаго образа представляются ему и зовутъ его въ противуположныя стороны. Одна величественна съ простотою, благородна безъ гордости и называется Добродѣтель: другая исполнена томности и нѣги: Роскошь имя ея. «Юноша! послѣдуй за мною,» говоритъ она: «Здѣсь розами стезя усыпана, здѣсь чистые источники, сладкія яства, ненарушимый сонъ. Никогда жизнь твоя не будетъ подвержена опасностямъ.» Добродѣтель вѣщаетъ въ чреду свою: «Послѣдуй за мною. Опасности тебѣ не страшны будутъ. Ты преодолѣешь ихъ мужествомъ. Слава твоя будетъ безсмертна. Она будетъ справедлива, затѣмъ что ты посвятишь жизнь свою пользѣ людей. Никогда раскаяніе не возмутитъ твоего спокойствія, за тѣмъ что ты будешь исполнять свои должности.» Геркулесъ не сомнѣвался болѣе, и послѣдовалъ Добродѣтели.

НЕСОГЛАСІЕ ВОЖДЕЙ — ПАГУБА НАРОДОВЪ.

Осада Трои была первымъ предпріятіемъ соединенной Греціи. Двадцать царей послѣдовали Агамемнону. Знаменитѣйшіе изъ нихъ были: Діомидъ, Идоменей, два Аякса, мудрый Улиссъ, древній Несторъ, — но всѣхъ превосходилъ храбростію Ахиллесъ. Троя упадала подъ его побѣдоносными ударами. Бѣдственная ссора останавливаетъ успѣхи Грековъ. Агамемнонъ обидѣлъ Ахиллеса. Съ тѣхъ поръ непримиримый Ахиллесъ отнимаетъ помощь свою отъ общаго ополченія. Превозмогаютъ Трояне. Гекторъ осаждаетъ прогнанныхъ Грековъ на корабляхъ ихъ. Греція погибала. Чувствительный Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, не можетъ взирать на погибающее отечество. Устремляется на Троянъ во брони Ахиллеса и единымъ явленіемъ симъ обращаетъ ихъ въ бѣгство. Но Гекторъ поражаетъ его. Тогда потерею друга наказанный Ахиллесъ выходитъ изъ ослѣпленія гнѣва. Является — и все уступаетъ оружію его. Скоро величественные верхи Трои повергаются на землю....

Читайте Гомера, юноши! читайте Гомера, воины!

БЛАГОРАЗУМІЕ, ОНОЕ СОЕДИНЕННОЕ СЪ МУЖЕСТВОМЪ, ПРЕОДОЛѢВАЕТЪ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ВЕЛИЧАЙШІЯ ПРЕПЯТСТВІЯ.

Всѣ уже вожди греческіе, побѣдившіе и сидѣвшіе по покореніи Трои, возвратились въ свои домы. Мудрый Улиссъ одинъ не можетъ достигнуть любимой Итаки. Цѣлыя десять лѣтъ вѣрная супруга его, Пенелопа, ожидаетъ возвращенія его: между тѣмъ какъ гордые женихи иноземные расхищаютъ домъ ея и принуждаютъ повседневно. Телемакъ, достойный сынъ героя, въ препровожденіи сокрытой Минервы, идетъ повсюду свѣдѣній родителя. Улиссъ, лишенный помощи и товарищей, единою своею мудростію и мужествомъ преодолѣваетъ свирѣпство неистоваго Полифема и Циклоповъ, волшебство Цирцеи, обольщенія Сиренъ, хитрости Калипсы, которая, оставляя его на острову своемъ въ бесславной праздности, хотѣла заградить ему навсегда возвращеніе въ отечество: наконецъ доставленъ на берега Итаки благодѣяніемъ Алкиноя, царя Феакійскаго, объемлетъ Телемака въ хижинѣ вѣрнаго пастыря своего Эвмея, посѣщаетъ дряхлаго отца своего Лаэрта, является Пенелопѣ, двору, народу. Умыслы женихамъ разсѣеваются. Улиссъ сіяетъ величественнѣе претерпѣнными несчастіями и трудами.

ОБЩЕЖИТЕЛЬНОСТЬ.

Сколь трогательно Софоклъ, сія пчела аттическая, описываетъ несчастнаго Филоктета въ трагедіи сего имени! Оставленъ жестокосердыми Греками на необитаемомъ островѣ, одинъ, цѣлыя десять лѣтъ, во все продолженіе осады троянской, не слышитъ онъ человѣческаго гласа, не видитъ образа. Болѣзненнѣе для него сіе исключеніе изъ человѣческаго рода, нежели неисцѣльная язва ноги его, пожирающая тѣло. Онъ не имѣетъ друга, не имѣетъ товарища, который бы утѣшилъ его, пожалѣлъ о немъ по крайней мѣрѣ. Что можетъ быть сего несчастнѣе? Цѣлая жизнь его есть безпрерывная продолжительная скука. Стрѣлы Геркулесовы, одинъ залогъ пагубный и драгоцѣнный безсмертнаго его друга, составляютъ все его общество, бесѣду, воспоминаніе. Онѣ служатъ ему единственнымъ орудіемъ защищенія и пропитанія. Но съ охотою желалъ бы онъ лишиться и сего сокровища, только бы еще разъ увидѣть себя въ радостномъ обществѣ человѣка. Столь глубоко природа начертала въ сердцѣ человѣка желаніе общества! Лучъ надежды просіяваетъ ему. Однажды онъ влачится въ пещеру свою по окончаніи обыкновеннаго странствованія по острову. Напечатлѣніе слѣдовъ человѣческихъ на песку поражаетъ его. Вообразите, если можно, удивленіе

его, восхищенie. Скоро встрѣчаетъ Пирра сына Ахиллесова. Плѣняется незлобiемъ, безхитростнымъ пыломъ юности. Повѣряетъ ему стрѣлы сiи, отъ которыхъ самъ страждетъ и безъ коихъ Троя взята быть не можетъ. Сбирается ѣхать, не взирая на болѣзнь свою, и ласкается еще увидѣть сихъ неблагодарныхъ и любимыхъ Грековъ. Но Улиссъ противится. Нѣжное соболѣзнованiе Пиррово превозмогаетъ. Филоктетъ восходитъ въ корабль. Сердитыя и ему благопрiятныя волны уносятъ его отъ Лемна и спасаютъ отъ несчастiя одиночества.

АНХИСЪ И ЭНЕЙ.

(Разговоръ)

Анхисъ. Какой новый герой представляется взору моему между тѣнями праведныхъ, болѣе похожъ на смертнаго, наслаждающагося еще лучами солнца, нежели на обитателя преисподней?... Что вижу я! это Эней, это любезный сынъ мой!

Эней. Прими сiи объятiя, сiи радостныя слезы, нѣжный родитель.... Но ты, подобенъ облаку, подобенъ легкимъ вѣтрамъ, убѣгаешь изъ объятiй моихъ.

Анхисъ. Ты обнимаешь неосязательную тѣнь. Вспомни, что здѣсь жилище счастливыхъ, гдѣ

погибающее тѣло не обременяетъ болѣе нашего духа. Мы наслаждаемся здѣсь чистою радостію за все добро, которое въ жизни дѣлали. Никакая скорбь до насъ не прикасается. Но ты какимъ образомъ и по какой причинѣ проникъ въ мѣста сіи, воспрещенныя смертнымъ?

Энеѣй. Горящее желаніе еще разъ тебя увидѣть, еще удовольствовать сіи очи воззрѣніемъ на любимаго родителя....

Анхисъ. Я узналъ нѣжность Энееву. Ты такъ же чувствовалъ, когда, посреди пылающей Трои, сквозь толпу разъяренныхъ непріятелей, несъ на раменахъ своихъ меня, дряхлаго, лишеннаго зрѣнія старца и коего жизнь не была нужна болѣе погибшему отечеству.

Энеѣй. Я исполнялъ сладчайшій долгъ природы. Ты посрамляешь меня, родитель, воспоминая дѣло столь естественное.

Анхисъ. Не въ моей силѣ истребить столь пріятное воспоминаніе. Боги, тронутые благочестіемъ твоимъ, приготовляютъ тебѣ и твоимъ потомкамъ сильное царство въ Италіи. Ты будешь основателемъ знаменитѣйшаго народа, которому суждено владычествовать вселенною: ты будешь прародителемъ героевъ. «Ни чѣмъ не можно болѣе снискать благоволеніе Вышняго Существа, какъ почтеніемъ и любовію къ родителямъ.

ВОЛЬНОСТЬ.

Священныя права человѣка: *безопасность, собственность*, заключаются въ единомъ словѣ *вольность*». Не было земли болѣе *благопріятствующей* сему гражданскому чувствованію, какъ Греція. Тамъ все было устроено [illegible] въ томъ, чтобъ быть вольными. Не [illegible] [illegible] честолюбіе людей. [illegible] и Римлянъ [illegible] вольности [illegible]. Римляне не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Греціе. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Тит. Фламиній [illegible] Филиппа [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Греціе отъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Греціи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ся воплемъ: птицы летѣвшія попадали в
ну собранія. Всѣ поздравляютъ, объемля
друга. За счастіе почитается прикоснут
избавителя. Излишество благодарности
няетъ сердца ихъ.

Но счастіе, столь желательное, было
вѣчно. Честолюбивые Римляне были п
только въ единомъ намѣреніи своемъ
вселенную. Распространивъ предѣлы вла
своего, они потеряли собственную св
ность. Маріи, Суллы и счастливый Цеса
вергли республику. По мѣрѣ удаленія с
ности уничижалось имя Римское, доколѣ,
обезчещено развратностію нравовъ, п
лчностію, не потерялось совершенно в
литіемъ варварскихъ народовъ. Мрак
ства и рабства собрались надъ челов
родомъ съ непроницаемою густотою
ще вольности, просвѣщенія, славы на
сокрылось.

ПЛѢННИКИ.

Римская Имперія была возобновле
имени Карломъ Великимъ. Римъ ста
лицею страшной власти духовной, к
зуясь невѣжествомъ временъ, гроз
себѣ свѣтскую. Восточная Импер

клонилась къ своему паденію, угнетаема порока-
ми правленія и усиліями народовъ воинственныхъ,
безпрестанно изъ Сѣвера исходившихъ. Констан-
тинъ Порфирородный принесъ безполезную лю-
бовь ученія на престолъ, гдѣ надобны были
твердость и дѣятельность. Славяне и Руссы явля-
лись часто на ладьяхъ своихъ въ проливѣ Царе-
градскомъ. Все уступало суровому ихъ муже-
ству. Уже Оскольдъ нанесъ трепетъ Констан-
тинополю, и Олегъ освятилъ прамъ побѣды тор-
жественнымъ положеніемъ мирныхъ договоровъ.
Игорь движется бранію, и, не взирая на Грече-
скій огнь, пожирающій корабли его, двѣ краты
опустошаетъ войною прекрасныя страны Малой
Азіи. Въ послѣдній изъ сихъ походовъ, [illegible] сына
Θеодора Стратилата. [illegible] и Парѳеній, [illegible]
[illegible]тся отъ объятій родителя. Отличены [illegible]
[illegible] жестокій обычай древней войны. [illegible]
слѣдуютъ за побѣдителями въ Кіевъ. Человѣко-
любивая Ольга, супруга Игорева, которой про-
свѣщеніе [illegible]
[illegible] за [illegible]. Ихъ
[illegible] облегчается. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Европы [illegible]

ство. Скоро наставляютъ они въ письменахъ греческихъ младаго сына Добрыни. Дружество соединяетъ сердце славянскаго юноши съ его несчастными друзьями. Онъ испрашиваетъ имъ у родителя дарованіе совершенной свободы. Съ позволенія Добрыни, отправляются всѣ трое на кораблѣ варяжскомъ въ путешествіе на Западъ. Доплывъ земли Поруссовъ, проникаютъ они во внутренность Германіи. Общежитіе тамъ едва начиналось и строились города. Отлагали безпокойство свое укрощенные Саксоны. Плодъ завоеваній Карла Великаго, правильнѣйшая система феодальнаго владѣнія установлялась; но вожди, посыланные для защищенія границъ, нечувствительно отъ зависимости государей отпадали. Самый скиптръ Имперіи вышелъ изъ слабаго потомства Карла Великаго. Путешественники коснулись предѣловъ Франціи. Раздробленное между вельможами, государство сіе теряло свое сіяніе, подъ удрученіемъ невѣжества, суевѣрія, рабства. Тѣ же несчастія видѣли въ Италіи, нѣкогда славной и величественной! Искусства оставили ее вмѣстѣ съ вольностію. Наконецъ достигаютъ Константинополя. Ѳеодоръ имѣетъ счастіе опять увидѣть сыновъ своихъ. Младой Добрыня находитъ въ Царѣградѣ мудрую Ольгу, просвѣтившуюся православіемъ. Присоединясь ко двору ея, возвращается въ Россію.

ОБЩЕСТВО ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Алманзоръ, сынъ Омаровъ, не препровождалъ юности своей такъ, какъ прочіе вельможи багдадскіе, въ исканіи веселій, всегда убѣгающихъ. Онъ не былъ рабомъ тщеславія и скупости. Но съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своихъ украшалъ разумъ просвѣщеніемъ и сердце пріуготовлялъ къ воспріятію всякой добродѣтели. Никогда обманъ не осквернилъ устъ его; никогда зависть и ненависть, страсти мрачныя и подлыя, не унизили души его. Онъ хотѣлъ научиться нравамъ человѣчества, посѣщая разныя страны и народы. Преходилъ безплодные камни Аравіи, благовонныя рощи іеменскія и видѣлъ столь близкія между собою бѣдность и счастіе жителей. На берегахъ Нила осматривалъ онъ пирамиды — величественные и тщетные памятники фараоновъ. При струяхъ Ганга разговаривалъ съ кроткими и мудрыми брамінами. Обращался съ Персами и странствующими Монголами. Но ни что не остановило вниманія его толь пріятнымъ образомъ, какъ малое гражданство добрыхъ людей, которое населяло одну прекрасную долину на южной сторонѣ Кавказа. Ограждены горами отовсюду, они запретили входъ порокамъ, терзающимъ вселенную. Никогда вражда не возмущала ихъ спокойствія. Совѣтъ стариковъ управлялъ гражданствомъ. Молодые старались превзойти другъ друга въ

повиновеніи. Не было у нихъ радости болѣе, какъ сдѣлать что нибудь пріятное другому. Вся жизнь ихъ проходила во взаимныхъ услугахъ. Величайшее наказаніе было — стыдъ. Кто три раза уличенъ былъ въ худомъ дѣлѣ передъ совѣтомъ стариковъ, терялъ право гражданства и долженъ былъ безъ пощады быть изгнанъ изъ долины. Но сколь долго процвѣтало сіе гражданство, никто изъ добрыхъ людей (такъ назывались жители) не довелъ себя до третьяго уличенія. Алманзоръ хотѣлъ бы навсегда остаться въ семъ счастливомъ обществѣ, но верховныя повелѣнія калифа отзывали его обратно въ Багдадъ, гдѣ во всю жизнь свою исполнялъ онъ законы и дѣлалъ добро.

ОБЩЕЕ БЛАГОВОЛЕНІЕ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ РОДУ.

Духъ предпріимчивости и непросвѣщенное ревнованіе по закону, въ концѣ XI-го вѣка, распространили по большей части Европы суетный замыслъ избавить Обѣтованныя Земли отъ ига невѣрныхъ. По гласу восторженнаго проповѣдника Петра Пустынника, безпокойное дворянство, столь же храброе, сколь не знающее и напоенное предразсужденіями рыцарства, предводимое множествомъ князей, стекалось въ Клермонтъ, городъ Оверніи, украситься знаменіемъ

крестоваго витязя. Неисчетныя [illegible] подъ на-
чальствомъ Годфреда [illegible] въ Азію и
облегаютъ священныя стѣны [illegible]. [illegible]
день осада [illegible]. Христіанскіе [illegible]
[illegible] съ сарацинскими. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Танкредъ. Великодушный Мусульманинъ! ты долженъ ненавидѣть во мнѣ непріятеля — и даешь мнѣ убѣжище!...

Пустынникъ. Сынъ мой! я не имѣю ни къ кому ненависти. Я живу здѣсь въ мирѣ со всѣми и съ собою. Человѣколюбіе есть самое лучшее служеніе Богу. Я могу заблуждаться въ моемъ понятіи о Вышнемъ Существѣ; но не въ состояніи мучить моего подобнаго за то, что онъ другимъ образомъ думаетъ. Вы сами, когда нибудь сдѣлавшись просвѣщеннѣе, будете сожалѣть о безполезномъ свирѣпствѣ вашемъ. Богъ есть общій Отецъ человѣковъ. Онъ не требуетъ отмщенія слабыхъ смертныхъ. Любить другъ друга — есть Его священная заповѣдь. Между тѣмъ войди въ пещеру мою, успокойся и почій.

ДОМАШНЕЕ БЛАГОПОЛУЧІЕ.

Алваресъ увлеченъ былъ въ юности своей сіяющими мечтами честолюбія. По стопамъ Кортеса, исхитилъ онъ себя изъ стѣнъ любимой Валенціи, чтобъ устремляться за славою въ другой половинѣ Свѣта. Американцы, устрашенные молніею, которая повиновалась смертнымъ, отрекались отъ слабой своей вольности. Но Испанцы обезчестили подвиги свои варварствомъ. Ко-

[illegible]

Въ одинъ прекрасный вечеръ [illegible] ставляющіе [illegible] по [illegible] Альварецъ [illegible] которомъ [illegible] отъ [illegible]. Въ молчаніи [illegible] Альварецъ [illegible]. воскликнулъ:

«Торжественно для души моей [illegible]! Нисходитъ на мракъ небесныхъ [illegible] созерцаніе [illegible]. Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, ра-

верзающіе предъ человѣкомъ картину творенія! Восхищенный взоръ мой теряется въ необъятномъ пространствѣ небесномъ. Солнцы, которыми оно усѣяно, какая сила удерживаетъ васъ посреди неизмѣримой бездны? Міры, катящіеся кругомъ ихъ, какая рука начертала вамъ круги сіи, которые вы безпрестанно описываете? Солнцы отвѣщаютъ сіяніемъ и міры возвышаютъ гласъ свой: Онъ сотворилъ насъ, Онъ сохраняетъ, Онъ господствуетъ единый, Который единъ благъ, единъ праведенъ, единъ всесиленъ, всегда существуетъ, вездѣ присутствуетъ и Который удостоиваетъ благоволенія Своего сердце чистое и добродѣтельное.... Будьте благословенны, тихіе мраки вечера, разверзающіе предъ человѣкомъ картину творенія!....»

Алваресъ низходитъ съ холма, окончивъ пѣніе, когда любящая семья окружила его и каждый обнималъ поперемѣнно восхищеннаго пѣснопѣвца.

ДРУЖЕСТВО ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Эдуардъ Вильсонъ былъ сынъ именитаго гражданина лондонскаго, который пріобрѣлъ себѣ чрезвычайныя сокровища успѣхомъ купеческихъ предпріятій своихъ въ Вестъ-Индіи, глубокими свѣдѣніями въ торговлѣ, но болѣе всего исправ-

ною честностію и обширнымъ просвѣщеніемъ. Англія, возвеличенная славнымъ правленіемъ Елисаветы, приближалась къ сіянію своему. Всѣ пути государственнаго благополучія были отверсты. И жилъ Англичанинъ, просвѣщенный твореніями Шекспира и Спенсера, избавился отъ порчи варварства.

Но молодой Эдуардъ, котораго воспитаніе было опущено нѣжными попеченіями родителя, не старался сдѣлаться способнымъ къ дѣламъ гражданской жизни или украсить разумъ пріятностями письменъ. Дни его протекали въ различныхъ увеселеніяхъ. Зрѣлища, гуляніе, конскія ристалища, общество молодыхъ людей, пріятныхъ и непостоянныхъ, поглощали все его время.

Были мгновенія, въ которыя, утомленъ веселіями, обнимутъ въ исполненіи тысячи желаній, покушался онъ удалиться отъ шума суетъ и жить съ самимъ собою: но разумъ его, непріученный мыслить, лишенный познаній и просвѣщенія, не могъ представить ему ничего пріятнаго, и скука повергала его стремительнѣе въ тѣ же самыя суеты, которыхъ пустоту онъ чувствовалъ.

Веселостями послѣдовали провели честолюбія. Надежды его исполнялись. Мгновеніе—почиталъ онъ себя почти всемогущею. Ему мечталось, что онъ выше другихъ людей. Онъ имѣлъ ласкателей и враговъ. Но скоро научилъ его опытъ, что великій чинъ, безъ личныхъ достоинствъ,

дѣлаетъ только презрительнымъ человѣка, который его не заслуживаетъ. Ошибки его умножались. Онъ былъ отброшенъ и забытъ. Сіе забвеніе спасало его отъ справедливаго гнѣва общества.

Между тѣмъ имѣніе его, безпрестанно уменьшаемое расточеніемъ, претерпѣло нечаянные уроны. Эдуардъ почелъ себя счастливымъ, что должники его согласились принять малые остатки онаго въ удовлетвореніе ихъ требованій.

Тогда, утративъ всѣ внѣшніе дары счастія и не имѣя способовъ въ самомъ себѣ, Вильсонъ ничего не видѣлъ предъ собою, кромѣ отчаянія. Но случай доставилъ ему знакомство другаго несчастнаго, канцлера Бакона. Виновный градоначальникъ, вмѣстѣ украшеніе вѣка своего и философіи, сей великій человѣкъ принялъ его и утѣшилъ. Онъ просвѣтилъ его разумъ и ввелъ во святилище природы. Онъ научилъ его поставлять благополучіе не во *внѣшнихъ вещахъ*, которыя случай похитить можетъ, но въ тѣхъ, которыя отъ него независимы, *въ добродѣтели*, *въ украшеніи разума*, *въ знаніяхъ*. Вильсонъ почувствовалъ цѣну ученія и не жалѣлъ честей и сокровищъ: ихъ потерею пріобрѣлъ онъ *дружество великаго человѣка*. Онъ пребылъ неотлучно при благодѣтелѣ своемъ. Лишенъ общества его смертію, воздалъ ему послѣдній долгъ, и первый оплакивалъ *возобновителя Философіи*.

ПРИМѢРЪ ГОСУДАРЯ.

Въ Парижѣ все обратились видѣть Великаго Государя, просвѣтителя Россіи. Удивлялись величеству духа его, проницательности [illegible] Слѣдовали за нимъ въ академіи, въ [illegible] и въ [illegible] художниковъ. Разсказывали о дѣйствіяхъ его, [illegible] рукою Императора Александръ [illegible]

[illegible]

ченіе о славѣ своей. Лудовикъ XIV, менѣе терпѣливый, любилъ наслаждаться и при жизни сіяніемъ, происходящимъ отъ великихъ дѣлъ. Онъ занялъ всѣ пути къ славѣ: побѣды, искусства, просвѣщеніе, великолѣпіе. Счастіе, согласное съ желаніемъ его, окружило престолъ его великими людьми во всѣхъ родахъ. Я не могу вспомнить безъ восхищенія, что, будучи поставленъ между ими Провидѣніемъ, я наслаждался присутствіемъ ихъ, обращеніемъ. Я началъ службу подъ знаменами великаго Конде и Тюреня. Между начальниками и сослуживцами своими считаю Люксамбурга, Креки, Буфлера, Вандома, Катината, Вилара. Вобанъ устроивалъ осады наши во Фландріи. Возвращаясь изъ похода, находили мы при дворѣ и въ городѣ великолѣпнѣйшее зрѣлище искусствъ, общественной вѣжливости и вкуса. Возвышались зданія, раждалась торговля подъ покровительствомъ Колберта. Превосходныя творенія установляли красоту языка. Мы видѣли Расина и Буало, призванныхъ въ общество государя. Корнель при кончинѣ своей получалъ знаки благоволенія его. Мы слышали проповѣдающихъ Боссюэта, Флешьера, Массильона. Я чувствовалъ болѣе любви къ добродѣтели послѣ разговора съ Фенелономъ. Мольеръ читывалъ мнѣ явленія изъ своихъ комедій; Лафонтенъ — неподражаемыя басни. Госпожа Севинье удостоивала меня своею перепискою. Я видѣлъ Пуссеня, ле Сюера, ле Брюна въ часы работы ихъ; Пюжета и Жирардона съ рѣзцемъ въ рукѣ;

слышалъ, какъ при Люллiевой гармонiи стано-
вились еще сладостнѣе стихи Кинольтовы. Та-
ково было столѣтiе, въ заглавiи котораго имя
Людовика XIV. Я не знаю, другая ли бу-
детъ ли то, которое вы начинаете [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Пруссіи. Омрачаемъ прелестію славы, въ трудахъ военной жизни, не слышитъ онъ, или старается не слышать гласа совѣсти, его обвиняющаго. Каждый день возсылая на небо горячія моленія о здравіи древняго родителя и нѣжной матери, думаетъ, что уменьшаетъ каждый день вину свою и питается радостною надеждою получить нѣкогда ихъ прощеніе и быть приняту въ ихъ объятія, когда, насыщенный честію, достигнетъ онъ сіяющей чреды начальства и отличій храбрости. Начало его было ознаменовано успѣхами. Пожалованъ прапорщикомъ на мѣстѣ сраженія, онъ заслужилъ почтеніе и взоръ государя,—верховное воздаяніе военнаго человѣка. Каждая битва служила ему степенью къ возвышенію. Онъ имѣлъ уже роту на Фридбергской. Болѣе нежели когда нибудь показалъ онъ здѣсь свою неустрашимость: повелѣвая отрядомъ храбрыхъ, онъ гнался за убѣгающею толпою непріятелей, взялъ множество плѣнниковъ, обезоружилъ самого предводительствовавшаго ею офицера. Но между тѣмъ, какъ сей уклоняется отъ изнеможенія подъ тѣнь развѣсистаго дуба и Рейхенбахъ всматривается въ него пристально: какой ужасъ объемлетъ побѣдителя! Онъ узнаетъ двоюроднаго брата своего, Альберта. Сіе зрѣніе возбуждаетъ во глубинѣ сердца его усыпленное угрызеніе Онъ не смѣетъ вопрошать его, сколько ни желаетъ. Но Альбертъ изливаетъ на него всю горесть упрековъ. «Несчастный!» восклицаетъ онъ, «родителей твоихъ уже нѣтъ въ

міръ. Твое позорное бѣгство ускорило мою старость. Я самъ желаю умереть, чтобы не видѣть болѣе такого измѣнника, какъ ты... Камиллъ остается безмолвенъ, недвижимъ и отъ излишества чувствительности, кажется, ничего не чувствуетъ. Онъ возвращается [illegible] Влечется въ малую и [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

руетъ. О, добрый старецъ! сколь давно тебя я не видалъ! Съ тѣхъ поръ и болѣе сѣдиной главу твою покрыла старость. Приди и отдохни подъ зыблющейся тѣнью. Приди, здѣсь виноградъ къ себѣ насъ призываетъ; тамъ сладкая смоковница! Вкуси отъ плодовъ: они уже созрѣли.»

Такъ говорилъ Цефисъ, когда Филинтъ пришелъ въ его гостепріимную сѣнь. Потомъ они въ саду прогуливались оба. Убогій, скорбный старецъ вкусилъ спокойствіе подъ тѣнію древесной и воздалъ похвалу смоковницѣ и сладкому плоду ея.

«Сія смоковница,» сказалъ Цефисъ, «отнынѣ, о, Филинтъ! пускай твоею будетъ. Впредь буду для тебя я укрывать ее, когда морозъ отягощаетъ землю. Впредь будетъ для тебя она здѣсь расцвѣтать и приносить сладкій плодъ.»

Однако же Филинтъ не долго жилъ.... Ему смоковница плодовъ не приносила. И слезы лилъ надъ нимъ Цефисъ и самъ желалъ такъ бѣденъ умереть и такъ же честенъ, какъ Филинтъ. Онъ предалъ трупъ его землѣ, подъ деревомъ его, и памятникъ соорудилъ, увѣнчанный кругомъ и розами, и томнымъ кипарисомъ.

Съ тѣхъ поръ, при мѣсячномъ сіяніи, онъ слышитъ иногда нѣкое движеніе въ корѣ древесной, и шопотъ сладостный отъ гроба проникаетъ, который, кажется, благодаритъ ему.

И каждый годъ ему приноситъ садъ его плоды и виноградъ въ великомъ изобиліи, затѣмъ что

Небеса всегда благословляютъ смиреніе и добродѣтель.

УСТАНОВЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ГРЕЦІИ.

Пеласгами назывались первые обитатели Греціи. Но страна сія, послѣ столь славная вольностію, просвѣщеніемъ, добродѣтельми, тогда сообразовалась еще съ дикостью жителей. Дремучіе лѣса дѣлали горы ея неприступными; долины лежали сокрыты подъ разлитіемъ водъ. Разносились рыканія свирѣпыхъ звѣрей и поражали ужасомъ разсѣянныхъ смертныхъ, которые во мракѣ пещеръ и на высотѣ древесъ искали убѣжища. Не было сообщенія между людьми: не было языка, который не можетъ существовать прежде общества. Тѣлодвиженія, грубые вопли, исторженные силою опасности, заступали мѣсто онаго. Каждый занятъ былъ единственно сохраненіемъ самого себя, симъ первымъ закономъ естественнымъ. Защищаться отъ нанесенія обиды силою рукъ или спасаться скоростію бѣгства были слѣдствіемъ онаго. Похищали другъ у друга скудную пищу, дикія прозябенія и жолудь древнихъ дубовъ. Самый огонь имъ не былъ извѣстенъ. Безъ намѣренія, безъ предвидѣнія, дикій человѣкъ утомлялся исканіемъ пищи и

провождалъ остатокъ дня во снѣ и праздности. Мало по малу возвышался человѣческій родъ случайными откровеніями. При чистыхъ источникахъ сдѣлали люди первыя знакомства и дружества, установили языкъ, построили общественную сѣнь, изобрѣли грубыя оружія и самъ зверямъ стали страшны. Съ тѣхъ поръ ловля сдѣлалась состояніемъ и страстью человѣка. На охотѣ встрѣчались разныя сообщества и оспоривали добычу другъ у друга. Оттуда непримиримыя брани, понятіе собственности, попеченіе о безопасности. Надобно было вступить во взаимныя обязательства общества. Сдѣлались извѣстны имена гражданина, вождя, судіи. Тогда благодѣтельные иностранцы принесли имъ недостающія искусства земледѣлія, ваянія металловъ, письменъ изъ земель, древнѣе просвѣщенныхъ: Кекропсъ и Данай изъ Египта, Кадмъ изъ Финикіи и Пелопсъ изъ Фригіи. Создались города и общество установилось.

ПУТЕШЕСТВІЕ АНАХАРСИСА.

Скиѳія славилась не одною храбростію и правдивостію своихъ народовъ. Она произвела Анахарсиса, который нашелся достойнымъ бесѣдовать съ мудрецами Греціи. Оставивъ Тану, сельскій городъ при берегахъ Меотійскаго Озера,

посѣщалъ онъ сіяющія Аѳины, Коринѳъ, Элиду. Проницательный взоръ его постигъ обязательства народнаго права, подъ священною стражею котораго сохраняются пользы народовъ.

Возвратясь въ отечество, уступаетъ онъ нескромному усердію пренести къ нему его учрежденія Грековъ. Другъ Солоновъ хочетъ быть соревнователемъ его. Предстаетъ предъ судомъ старѣйшинъ. «Сограждане!» говоритъ онъ, «я былъ внѣ отечества, [illegible]

распри народовъ разбирались дружелюбно и устыдимся грабежа и хищенія.»

Онъ хотѣлъ продолжать болѣе, но шумъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію. Осверѣпѣли взоры Скиѳовъ и колчаны за спинами ихъ зазвенѣли.

Опечаленный, Анахарсисъ заключилъ истину въ сердцѣ своемъ и оставилъ времени начать и совершить великое дѣло просвѣщенія.

ОПЫТЫ, КАСАЮЩІЕСЯ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ.

Въ баснословіи, которое часто скрываетъ общія и постоянныя истины подъ покровомъ вымышленныхъ приключеній, Прометей за то наказывается богами, что онъ даровалъ смертнымъ огонь, похищенный имъ съ неба, — огонь, прообразованіе и средство искусствъ. Боги приковали Прометея на острыхъ камняхъ вершинъ кавказскихъ, въ краю послѣднемъ, неприступномъ — и припустили къ сердцу его хищнаго врана, который пожираетъ безпрестанно возраждающуюся плоть его. Такого наказанія почли они достойнымъ человѣколюбиваго хищника, который изобрѣтеніемъ искусствъ доставилъ человѣкамъ преимущество боговъ — творить и повелѣвать природою. Сія остроумная похвала искусствамъ дѣлаетъ честь греческимъ разумамъ,

которые въ младенчествѣ искусствъ умѣли прови-
дѣть полное сіяніе совершенства ихъ. При-
страстное воображеніе ихъ [illegible]
самъ первыя произведенія искусствъ. [illegible]

[illegible]

шаги ихъ, всегда вѣрные и исчисленные, достигаютъ отдаленной цѣли и составляютъ славу человѣческаго разума. Такимъ образомъ Архимедъ, творецъ механики, заключенный въ стѣнахъ Сиракузъ, осажденныхъ Марцелломъ (который первый поколебалъ счастіе Аннибала), Архимедъ издали останавливаетъ его искусствомъ своимъ: огромными зеркалами, художественно составленными, низводитъ огонь солнечный, направляетъ его на корабли римскіе и дѣлаетъ ихъ посреди моря жертвою пламени. Съ другой стороны, подымаетъ онъ орудіями и разсыпаетъ на воздухъ стѣнобитныя башни, которыя Маркелъ подводитъ къ городу. Онъ имѣлъ неоспоримую славу, безъ оружія въ рукахъ, похищать побѣду у страшнаго войска и великаго полководца. Какъ сожалѣлъ Маркелъ, когда узналъ, что, въ безпорядкѣ приступа и грабежа, Архимедъ, спокойный и углубленный въ рѣшеніе математической задачи, былъ убитъ недостойнымъ образомъ воинами, ворвавшимися въ его учебную храмину и раздраженными при видѣ человѣка, столь спокойнаго среди шума оружій и воплей побѣжденныхъ и побѣдителей! Случайное открытіе огнестрѣльнаго пороха перемѣнило образъ войны и осадъ; но не можетъ сдѣлать помощь наукъ и искусствъ безполезною; оно присоединило къ нимъ тѣснѣе военное искусство, и окружило станъ воиновъ мастерскими художниковъ. Съ тѣхъ поръ безпрестанно движется молотъ, умягчающій металлы и дво-

щій имъ образы смертоносныхъ оружій: Химія, Металлургія, Механика, Физика служатъ общими силами военному искусству; Математика вообще и въ особенности искусство укрѣплять мѣста и сродственное ему искусство метать въ желаемую цѣль тягости посредствомъ пороха, стали неразлучны съ состояніемъ воина. Выборъ мѣстоположенія для становъ и для походовъ войска есть важная часть военнаго искусства, несравненно облегчаемая геометрическими познаніями. Посредствомъ ихъ прозорливый путеводитель войска доставляетъ сторонѣ своей безцѣнную выгоду имѣть передъ глазами всѣ пособія и затрудненія земли, на которой онъ располагаетъ его. Ученые глаза полководца видятъ тотчасъ на подробной картѣ земли ту точку, гдѣ онъ долженъ, гдѣ онъ можетъ остановить непріятеля и прекратить ему способы къ возвращенію.

ПОЛЬЗА ЗАКОНОВЪ И МИРА.

Война есть насильственное состояніе государствъ. Настоящее благополучіе есть безопасность и спокойствіе гражданъ, изобиліе, трудолюбіе, благонравіе, законы.

Самое лучшее правленіе есть то, въ которомъ гражданинъ можетъ пользоваться в

Соч. Мур.

и способностями человѣка, сколько им вредятъ
онѣ другимъ его согражданамъ. Сіе состояніе
называется вольностью, и есть священное право
всего человѣчества. Великіе люди между госу-
дарями были исполнены почтенія къ оному. Тѣ,
которые осмѣлились попирать его ногами, Ти-
берій, Каллигулы, Нероны, бѣснующіеся извер-
ги, суть гнушеніе вселенной. Напротивъ того,
Титъ и Траянъ въ позднѣйшія времена будутъ
называться любовію и услажденіемъ человѣче-
скаго рода, затѣмъ что они посвятили себя на
служеніе оному. Есть завоеватели между самых
варварскихъ ордъ; но просвѣщеніе, кротос
нравовъ, законоположенія находятся только
тѣхъ народахъ, которые болѣе прибли
совершенству. Римъ въ основаніи своемъ по
далъ болѣе на станъ. воиновъ; Нума Помп
далъ ему сіяніе и безопасность города, у
тивъ нравы свирѣпыхъ Римлянъ. Онъ возвы
души ихъ къ богопочитанію, заставилъ уе
человѣчество, пріучилъ къ сохраненію к
Римляне его учрежденіями изъ хищников
лались настоящими гражданами, и гнушая
разореніемъ и грабежемъ, позвали чес
справедливость въ частныхъ и общес
своихъ дѣяніяхъ. Съ тѣхъ поръ наро
почитался с справедливыхъ
ненным. О
роды прин
ственныхъ

и способностями человѣка, сколько ни вредятъ онѣ другимъ его согражданамъ. Сіе состояніе называется вольностью, и есть священное право всего человѣчества. Великіе люди между государями были исполнены почтенія къ оному. Тѣ, которые осмѣлились попирать его ногами, Тиберіи, Каллигулы, Нероны, бѣснующіеся изверги, суть гнушеніе вселенной. Напротивъ того, Титъ и Траянъ въ позднѣйшія времена будутъ называться любовію и услажденіемъ человѣческаго рода, затѣмъ что они посвятили себя на служеніе оному. Есть завоеватели между самыхъ варварскихъ ордъ; но просвѣщеніе, кротость нравовъ, законоположенія находятся только въ тѣхъ народахъ, которые болѣе приблизились къ совершенству. Римъ въ основаніи своемъ походилъ болѣе на станъ воиновъ; Нума Помпилій далъ ему сіяніе и безопасность города, укротивъ нравы свирѣпыхъ Римлянъ. Онъ возвысилъ души ихъ къ богопочитанію, заставилъ уважать человѣчество, пріучилъ къ сохраненію клятвы. Римляне его учрежденіями изъ хищниковъ сдѣлались настоящими гражданами, и гнушаясь жить разореніемъ и грабежемъ, познали честность и справедливость въ частныхъ и общественныхъ своихъ дѣяніяхъ. Съ тѣхъ поръ народъ Римскій почитался самымъ справедливымъ и богобоязненнымъ. Отложивъ страхи свои, окрестные народы принимали его судіею въ своихъ сосѣдственныхъ распряхъ. Римляне свято чтили на-

родное право *, и сіе увѣреніе много способствовало къ утвержденію ихъ владычества. Никогда Римъ не былъ подозрѣваемъ въ обманѣ. Столь сильное впечатлѣніе произвели надъ нимъ мудрыя учрежденія Нумы Помпилія! Проведя сорокъ лѣтъ жизни своей частнымъ человѣкомъ въ Сабинскомъ городѣ Куритахъ, исполняя всѣ добродѣтели, размышляя и поучаясь въ молчаніи священныхъ лѣсовъ, онъ былъ удивленъ призваніемъ его на престолъ Римскій. Зная бремя правленія, долго отрицался онъ отъ воспріятія онаго. Надобно было, чтобъ отецъ его и сродники убѣдили его не отклоняться верховнаго сана. Освятивъ возвышеніе свое священными обрядами, сооружаетъ онъ храмы, учреждаетъ первосвященниковъ, и не менѣе печется о царствѣ, какъ о сохраненіи мира. Созданный имъ храмъ Янусовъ его рукою затворяется. Уединяясь, по обыкновенію своему, въ прохладную рощу къ источнику Эгеріи, гдѣ, повѣствуютъ, являлась ему сія нимфа и поучала бесѣдою своею, полагалъ онъ мудрые законы, старался просвѣтить грубый разумъ Римлянъ ученіями музъ, наблюдалъ природу и теченіе свѣтилъ небесныхъ. Въ его царствованіе, казалось, сама добродѣтель управляла Римлянами и дѣлала ихъ добрѣе и счастливѣе.

* Въ началѣ Республики.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Часто случалось мнѣ разсуждать въ самомъ себѣ, можетъ ли гражданинъ уклониться отъ безпокойствія общественныхъ дѣлъ и, воспретивъ себѣ всякое честолюбіе, согласиться провести дни свои въ глубокой неизвѣстности и ненарушимомъ покоѣ, — состояніе, столько возвышаемое послѣдователями нѣкоторой древней философіи и которое иногда находитъ защищеніе свое въ глубинѣ человѣческаго сердца.

Мнѣ казалось всякій разъ, что сіе робкое удаленіе отъ трудовъ, опасностей и раздѣленія общаго бремени столько же противно самому началу обществъ, сколько уничижительно для человѣческой природы. Ибо если одинъ членъ общества почитаетъ позволеннымъ себѣ отнятіе содѣйствія своего, то и всѣ члены, будучи столько же въ томъ оправданы, могутъ пресѣчь общіе труды свои — и узы общества разрушатся.

Если же сей одинъ гражданинъ присвояетъ себѣ исключительное право покоиться, между тѣмъ какъ другіе въ потѣ лица своего жертвуютъ жизнію и здравіемъ для доставленія ему благоденствія: то онъ присоединяетъ къ несправедливости мрачнѣйшую неблагодарность. Онъ дѣлается тягостію общества, посреди котораго родился.

Съ другой стороны — спрашиваю — когда человѣкъ достигаетъ болѣе совершенства? Когда, окруженный трудными обстоятельствами, онъ умѣетъ исполнить высокія должности, принесть великія жертвы и отрицаніемъ самого себя превзойти всѣ подвиги мужества. Какое сердце остается нечувствительно при обѣтѣ Деція, обрекшаго себя за отечество! Съ какимъ благоговѣніемъ взираемъ мы на Регула, который возвращается на мученія, чтобъ избавить отечество отъ унизительныхъ законовъ! Въ ихъ страданіяхъ чувствовали они превосходное услажденіе, происходящее отъ внутренняго сознанія добродѣтельныхъ своихъ подвиговъ. Что́ бы прибавила къ счастію ихъ продолженная въ спокойствіи жизнь? Ахиллесъ желаетъ ее краткую, но славную. Такъ! природа не безъ пользы положила въ человѣкѣ желаніе славы. Сею пружиною возбуждаются невѣдомыя способности, спящія во глубинѣ сердца. То, которое умерло для славы, умерло для добродѣтели.

Но, скажутъ, можетъ быть, честолюбіе ведетъ злодѣйства по стопамъ своимъ. Сила обагряетъ Римъ кровію; Кесарь порабощаетъ его. Лѣтописи Свѣта наполнены ужасными именами завоевателей, которые кровію и слезами народовъ хотѣли купить себѣ преходящій звукъ славы.

Отличимъ невинное побужденіе, которое природа питаетъ прелестью добродѣтелей, отъ исключительной любви къ самому себѣ, для которой честолюбцы преобращали толь часто цвѣ-

тущія государства — въ пустыню. Всѣ сіи разорители вселенной обманулись въ предметѣ желаній своихъ, или не имѣли довольно великой и просвѣщенной души, чтобъ посвятить жизнь свою блаженству человѣческаго рода. Ежели не можно приблизиться смертнымъ къ самой безкорыстной добродѣтели: пускай благородныя души научатся справедливымъ образомъ удивляться подвигамъ, честь или пользу человѣчеству доставляющимъ; пускай посвятятъ они жизнь свою похвальнымъ трудамъ; пускай отъ самой младости боятся очарованій лѣности и пагубной роскоши. Праздность должна быть только отдохновеніемъ отъ трудовъ; никогда — состояніемъ жизни. Роскошь бездѣйственной жизни обращается въ несносную скуку, когда не достаетъ внутренняго свидѣтельства совѣсти — сладчайшей награды добродѣтели!

ДОБРОЕ ДИТЯ,

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗОЧКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Г. Тополовъ, небогатый дворянинъ.
Ванюшка, сынъ его, осьми лѣтъ.
Графъ Сіяновъ, знатный человѣкъ.
Графиня, жена его.
Множество гуляющихъ.
Старикъ.
Разнощикъ съ игрушками.
Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ саду.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ съ одной стороны ограду и входъ великолѣпнаго сада, улицу посреди и съ другой рядъ домовъ, соотвѣтствующихъ саду. Маленькій домъ, въ которомъ живетъ Г. Тополовъ, имѣетъ крыльцо на улицу. Двери растворяются и сходятъ по ступенькамъ Г. Тополовъ и Ванюшка.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА.

Г. Тополовъ. Сегодня я очень доволенъ тобою, Ванюшка: ты учился, какъ доброму дитяти надобно. Учитель твой примѣтилъ твое вниманіе и прилежность. Ты сдѣлалъ мнѣ день сей весьма пріятнымъ. Въ награжденіе, я пойду съ тобою прогуливаться. Возьми трость свою и шляпу.

Ванюшка *(цѣлуя руку у отца)*. Я внѣ себя отъ радости, что заслуживаю похвалы ваши. Подождите, я въ минуту буду.

Г. Тополовъ. Какое удовольствіе можетъ быть болѣе, какъ видѣть успѣхи милаго дитяти, умножающіе каждый день добродѣтели сердца его!... Подай мнѣ руку свою, пойдемъ, душенька. Перейдемъ чрезъ улицу въ садъ: тамъ много прогуливаются. Веди себя благопристойно. И посторонніе люди любятъ дитя, которое ведетъ себя постоянно.

—

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА *(входятъ за рѣшетку. Множество гуляющихъ встрѣчаются).*

ВАНЮШКА. Ахъ, батюшка, пойдемъ, пойдемъ поскорѣе! Какія аллеи, деревья, а тамъ, вдали домики, бесѣдки! Какое множество людей! Какая погода!

Г. ТОПОЛОВЪ. Подумай же: если бы ты не сдѣлалъ сегодня должности своей, всѣ эти утѣхи тебя бы такъ не веселили. Самое большое удовольствіе человѣка это то, которое онъ въ сердцѣ своемъ чувствуетъ.

ВАНЮШКА. Навѣрно, папенька. Мнѣ очень не хотѣлось сегодня выучить урокъ мой къ приходу учителя, но я перемогъ себя. Спасибо вамъ, папенька, что вы меня заставили быть довольнымъ самимъ собою. Я даю себѣ слово всегда васъ слушаться, чего бы мнѣ ни стоило.

(Двое молодыхъ людей встрѣтились, останавливаютъ другъ друга).

ОДИНЪ *(изъ нихъ)*. Здорово братъ, что ты дѣлаешь?

ДРУГОЙ *(гуляющій)*. Я ничего не дѣлаю: мнѣ очень скучно.

ПЕРВЫЙ. И мнѣ также. Я нарочно оставилъ дѣло, чтобъ искать здѣсь веселья, и не нахожу его.

ВАНЮШКА. Гемъ! гемъ! папенька.

Г. Тополовъ. Ты слышишь, душа моя, изъ собственнаго ихъ признанія, что тотъ убѣгаетъ счастія, кто убѣгаетъ труда, возложеннаго на насъ должностью. Для того-то надобно теперь учиться, чтобъ быть впередъ способну къ упражненію.

Ванюшка. Посмотрите, папенька: какой-то кавалеръ идетъ на встрѣчу. Какой сіяющій кафтанъ!

Г. Тополовъ. Тише, Ванюшка, будь благопристоенъ, кланяйся. Надобно сохранять почтеніе къ высшимъ. Это графъ Сіяновъ, человѣкъ знатнѣйшей породы.

(Графъ Сіяновъ проходитъ, не примѣчая учтивости г. Тополова и Ванюшки).

Ванюшка. Онъ знатенъ! и онъ не кланяется!... Вы поклонились ему такъ учтиво, а онъ прошелъ, будто не примѣтя, что ему кланяются.

Г. Тополовъ. Я не могу извинить его порока. Ты чувствуешь самъ по себѣ, внушаетъ ли почтеніе гордость.

Ванюшка. Траянъ не такъ думалъ, а онъ былъ императоръ. Послушайте, папенька, что я читалъ объ немъ сегодня.

Г. Тополовъ. Разскажи, душенька, и ежели можешь, порядочно. Мнѣ очень мило что нибудь слушать о такомъ государѣ, каковъ Траянъ.

Ванюшка. Онъ ходилъ пѣшкомъ, папенька, какъ простой человѣкъ, и не требовалъ ни какихъ почестей. Онъ желалъ, чтобъ при немъ всѣ спокойно исполняли дѣла свои. Ежели улица спира-

лась народомъ, онъ не посылалъ ликторовъ разгонять его. Онъ еще говаривалъ: «Я хочу такъ поступать съ другими, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ поступалъ со мною императоръ, ежели бы я былъ простой гражданинъ».

Г. Тополовъ. Спасибо за твою исторію: ты добрый мальчикъ. Я вижу, что ты употребляешь чтеніе свое въ пользу, когда ты замѣчаешь такія похвальныя дѣла. Недовольно читать; надобно, чтобъ добрыя дѣла восхищали сердце твое, чтобъ ты самъ хотѣлъ подражать имъ; чтобъ, напротивъ того, пороки наполняли сердце твое ужасомъ и омерзѣніемъ. Такимъ образомъ чтеніе будетъ служить тебѣ орудіемъ для пріобрѣтенія добродѣтели.

(Проходитъ общество барыня и господь большаго свѣта).

Одна барыня. Какіе у васъ прекрасные цвѣты! какъ живые! Конечно, у *Фривольши* куплены; я угадала. Это безцѣнная торговка.

Судья. Я играю такъ несчастливо....

Военный человѣкъ. Что вы скажите о моемъ жилетѣ?

Другая барыня *(взглянувъ на Ванюшку)*. Какое прекрасное дитя!

Г. Тополовъ. Ты покраснѣлъ, Ванюшка, что тебѣ сдѣлалось?

Ванюшка. Эта госпожа обо мнѣ говорила.... Мнѣ стыдно.

Г. Тополовъ. Сіе чувствованіе стыдливости драгоцѣнно. Оно сохранитъ въ сердцѣ твоемъ

ствѣ добродѣтели. Есть, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] никогда не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Впрочемъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. И [illegible] [illegible] [illegible] рѣшить. Я хотѣлъ бы лучше, чтобъ [illegible] сказали, что ты добрая дитя, нежели [illegible]. Красота есть даръ [illegible] [illegible] и [illegible]; а добродѣтель — [illegible] [illegible], которую [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

—

Явленіе третіе.

Г. Тонфалов, Ванюша, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Развозов [illegible] [illegible].

Развозов. Хорошія игрушки, кому надобны игрушки? (*[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].*) Не угодно ли, баринъ, купить игрушекъ для дитяти? Посмотрите, какіе богатые домики, кареты, куклы....

Ванюша. Ахъ, папенька, какія прекрасныя куклы, какой гренадеръ, какая шапка! Купите пожалуйте, купите мнѣ этого гренадера.

Г. Тонфалов. Съ охотой, душенька. Надобно быть справедливу. За утѣхи, которыя ты мнѣ

приносишь, я долженъ думать о твоихъ, ежели онѣ невинны.... Другъ мой! чего стоитъ эта кукла?

Разнощикъ. Пять рублей. Извольте, сударь, прекрасная кукла. Я не могу ничего уступить.

Г. Тополовъ. Немножко дорого. Однако *(оборачиваясь къ Ванюшкѣ)*, когда тебѣ надобно, я ничего не жалѣю *(вынимаетъ кошелекъ)*. Кстати случилось у меня ровно пять рублей.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и СТАРИКЪ.

Старикъ. Милосердый господинъ! не оставьте подаяніемъ вашимъ бѣднаго, увѣчнаго служиваго. Я служилъ въ первомъ гренадерскомъ полку и раненъ на Цорндорфской баталіи.

Ванюшка. Папенька, у васъ нѣтъ болѣе денегъ?

Г. Тополовъ. Ты видишь, душенька.

Ванюшка. Мнѣ очень хотѣлось куклы. Но удовольствіе помочь человѣку болѣе всякаго другаго. Папенька....

Г. Тополовъ. Говори, въ твоей волѣ.

Ванюшка *(беретъ деньги у отца и даетъ старику.)* Вы мнѣ изволили ихъ пожаловать. — Прими, добрый старикъ. Ты не можешь сказать,

чтобъ твои жалобы нашли несострадательныя сердца.

Старикъ. Я принимаю подаяніе ваше даромъ Божіимъ.

Разнощикъ, *(котораго подзываетъ лакей)*. Тотчасъ *(отходя, говоритъ про себя.)* Что за дитя! это будетъ добрый человѣкъ.

(Старикъ съ глубокой чувствительностію отходитъ въ другую сторону).

—

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ и ВАНЮШКА. *(Продолжаютъ гулять.)*

Г. Тополовъ. Слезы умиленія и радости дѣлаютъ меня счастливымъ вмѣстѣ съ симъ убогимъ старикомъ и тобою, милое дитя мое. Не перемѣнись никогда, не потеряй сей драгоцѣнной сострадательности къ несчастнымъ.

Ванюшка. Они братья наши, папенька. Развѣ можно оставить братьевъ своихъ въ нуждѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г. ТОПОЛОВЪ, ВАНЮШКА, ГРАФИНЯ, ЛАКЕЙ.

Графиня. Простите мнѣ, государь мой, что я обезпокою васъ моимъ вопросомъ. Не видали ли вы мужа моего, графа Сіянова?

Г. Тополовъ. Онъ теперь только прошелъ и, конечно, ожидаетъ ваше сіятельство у кареты.

Графиня. Я буду просить васъ проводить меня къ нему. А между тѣмъ позвольте мнѣ имѣть удовольствіе подарить вашему любезному сыну куклу, которой ему такъ хотѣлось. Лакей, подай мнѣ куклу.

Г. Тополовъ. Ваша милость, ваше плѣняющее снисхожденіе обязываютъ насъ чрезвычайно .... Ванюшка, благодари графиню.

(Ванюшка цалуетъ руку у графини.)

Графиня. Простите мнѣ мое надѣяніе на вашу дружбу. Сидя подъ тѣнью аллеи, я была свидѣтельницею трогающаго явленія сына вашего съ старикомъ. Я не могла въ череду мою воспротивиться чувствительности, которая овладѣла мною. Я люблю вашего Ванюшку, какъ собственнаго моего сына, какъ вы. Я скажу еще болѣе: я хочу отнять его у васъ....

Ванюшка *(бросается къ отцу.)* Папенька!.., Ахъ! сударыня, вы конечно имѣли батюшку....

Графиня. Успокойся, доброе дитя. Я не въ состояніи отнять у тебя величайшаго счастія жизни, каждый день наслаждаться любовью родителя. Но я богата и не имѣю дѣтей. Я хочу, чтобъ ты полюбилъ меня. Отъ матери не стыдно получать благодѣянія. Участвовать въ воспитаніи твоемъ составитъ мое счастіе. Графъ, мужъ мой, сочтетъ за удовольствіе пріуготовить

тебѣ дорогу въ Свѣтѣ. . . . Вы, достойный сего родитель, обрадуйте меня вашимъ согласіемъ.

Г. Тополовъ. Я безсиленъ выразить моего удивленія и благодарности. [illegible]лайте мнѣ то, что научитъ васъ несравненное великодушіе ваше.

Графиня. Я довольна (беретъ Машиньку за руку.) Теперь безъ чиновъ. Я [illegible] себѣ во дитя. . . . [illegible]

—

[illegible]

([illegible])

[illegible]

Графъ. [illegible]

Г. Тополовъ. [illegible]

Графиня. [illegible]

Графъ. [illegible]

касается до меня *(обращаясь къ г. Тополову)*, вы найдете во мнѣ почитателя достоинствъ. Графиня не полагаетъ ихъ ни въ комъ напрасно: и все то, что̀ я объ васъ слышалъ....

Г. Тополовъ. Милостивый государь, вы превышаете мои лестнѣйшія желанія....

Графиня. Вы ознакомитесь дорогою. Пора ѣхать. *(Лакеямъ)* Посадите моего Ванюшку.

(Ванюшку сажаютъ, графиня послѣдуетъ.)

Графъ. *(Прося въ карету г. Тополова)* Пожалуйте.

(Всѣ входятъ въ карету и лакей, запирая дверцы, спрашиваетъ у графа)

Куда приказать изволите?

Графъ. На дачу.

Лакей *(кучеру)* Ступай на дачу!

ОСКОЛЬДЪ,

ПОВѢСТЬ.

ОСКОЛЬДЪ,

ПОВѢСТЬ,

почерпнутая

ИЗЪ ОТРЫВКОВЪ ДРЕВНИХЪ ГОТѲСКИХЪ СКАЛЬДОВЪ.

—

Яростно дыханіе вѣтровъ, страшенъ видъ твой, русское море, и черныя волны со злобою умираютъ между сими острыми скалами, которыми усѣянъ заливъ отчаянія. Какого воителя, Варяга или Гота, приготовляешься поглотить гордое ополченіе? Какіе корабли гонятъ сюда дѣвы — мстительницы, неутомимыя Валки? Тщетно куренія возсылаютъ къ небесамъ подъ спокойнымъ кровомъ. Ахъ, дщерь князей! безъ пользы приходишь ты каждое утро ко стану, гдѣ точется брачное одѣяніе твое. Зри запекшіяся уста его; потемненны ланиты дыханіемъ Гелы, безжалостной богини. Духъ бранный витязя восходитъ въ чертоги Одина, гдѣ друзья его раздѣляютъ съ нимъ вѣчное пированіе. Пусть сладостныя пѣсни восторженнаго Скальда принесутъ утѣшеніе во грудь отчаянной дѣвы. Взоръ Скальдовъ проницаетъ столѣтія, и въ столѣтіяхъ гласъ ихъ не

умираетъ. Духъ, обитающій хладныя пещеры и возвѣвающійся надъ стремнинами, духъ творенія и пѣсни! для кого велишь ты златымъ струнамъ арфы моей наполнять воздухъ сладостнымъ стенанімъ? Великъ Артусъ, отецъ витязей на холмахъ Албіона, и знаменитъ бѣлокурый Варягъ, который похитилъ оружіемъ плодоносныя поля Нейстріи. Но духу моему болѣе благопріятствуетъ дерзостный подвигъ Оскольда. Изъ дома Сѣвера заманилъ онъ за собою сонмы ратниковъ кровожаждущихъ, убійственныхъ. Какъ орелъ низвергся онъ съ высоты небесъ на добычу, на величественный градъ царей, процвѣтавшій тысящи лѣтъ въ непроницаемой оградѣ, въ нѣдрахъ вѣчной весны, у подножія котораго два моря усмиряютъ свои ярящіяся волны. Несчастныя сокровища, непостижимыя художества, достойныя чертоговъ Одина, горящее злато, поражаютъ блескомъ очи непріученныхъ Варяговъ, когда они потрясаютъ страшное копіе, окружая престолъ священнаго властителя Грековъ. Игры, удивительныя ристалища, занимаютъ ежедневно праздность безчисленнаго народа. Приходятъ на зрѣлище достойнѣе зрѣнія, любви достойныя Гречанки, которыхъ голубыя отверзтыя очи, которыхъ черныя кудри, развѣвающіяся по высокому лону, лютъ сладость въ окружающій воздухъ. Счастливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространится на остальное теченіе дней его и облегчитъ ему бремя ненавистной старости. Но безсмертнымъ подо-

бенъ неустрашимый Варягъ, который по стопамъ Одиновымъ не убоялся подвергнуться трудамъ, опасностямъ, смерти, чтобъ присвоить столько сокровищъ, столько наслажденій самому себѣ и племени своему. Пусть завистливый рокъ преторжетъ шествіе его среди прекраснаго подвига! Когда для всякаго смерть неизбѣжна, то для чего же оставаться въ презрительномъ мракѣ, и ждать старости безславной, неоживляемой ни какою хвалою?

Солнце погружалось въ синюю тучу предъ закатомъ своимъ. Утомленное долгимъ шествіемъ, воинство Оскольдово спускалось съ холмовъ медлительно въ пространную долину; чистый источникъ украшалъ ее, не гордый въ началѣ своемъ разширяющійся теченіемъ и становящійся порывистою и бурною рѣкою. Борисѳенъ имя сей рѣки славной, коей должно было принять въ нѣдро свое ладіи Оскольдовы. Удивленные Кривичи, обитатели исходищъ Борисѳена, стѣсняются видѣть вождя и ратниковъ, которые отъ озеръ и скалъ финскихъ и отъ Великаго Новаграда предупреждены повсюду слухомъ прихода своего. Удивляются сіянію оружія и доблести мужей. Но никто не привлекаетъ столько вниманія, какъ русовласый Оскольдъ. На бодромъ конѣ, бѣломъ какъ снѣга скандинавскіе, далеко опредилъ онъ первые ряды являющагося воинства. Княжеская дружина, младые щитоносцы и княжичи, тѣснятся съ почтеніемъ кругомъ варяжскаго героя. Ульфонъ, котораго сѣдые власы покрываются же-

лѣзнымъ шлемомъ, Ульфонъ, пріявшій повелѣніе Оскольдово, устремляется по долинѣ обширной, и копія, вонзенныя въ землю на необъятномъ пространствѣ, уже означаютъ становище, въ которомъ воинство насладится отдохновеніемъ нощи. Высокій шатеръ, раскинутый на возвышеніи, ожидаетъ Оскольда. Старѣйшины Кривичей, предводимые Сигурдомъ, котораго Рюрикъ далъ имъ управлять землею и защищать отъ сопостатовъ, приносятъ витязю дары и поздравленія народа своего. Величественно низходитъ онъ съ коня своего, котораго вѣрный Олай пріемлетъ за бразды звенящія. Со взоромъ, исполненнымъ дружества, простираетъ онъ руку свою Сигурду и возвращаетъ привѣтствія старѣйшинамъ. Между тѣмъ звукъ бубновъ явственнѣе повторяется въ слухѣ, облако праха разсыпается, и блистающее воинство открывается изумленнымъ очамъ. Первый Ульфонъ открываетъ шествіе. Нѣтъ вождя болѣе испытаннаго въ опасностяхъ бранныхъ, ни болѣе искуснаго къ исправленію внезапностей брани хитростію и размышленіемъ, какъ терпѣливый Ульфонъ. Низкой породы, не уваженный въ отечествѣ своемъ, онъ раздѣляетъ общество князей. Имя его далеко славится на Сѣверѣ и на брегахъ Британніи. Ему послѣдуютъ отборные юноши, которые ищутъ случая ознаменовать руку свою отважными ударами: Сельмаръ, который вырвался изъ объятій нѣжной Сельмы, между тѣмъ какъ еще не увяли цвѣточныя цѣпи, коими златая Лада соединила ихъ; Извѣтъ, который,

оставилъ сокровища отца своего и спокойную торговлю Новагорода, пустился во слѣдъ за славою по стезямъ Оскольда: Добрыня, которому отвѣты боговъ предсказываютъ сіяющее потомство, и ты обреченный року юноша, неукротимый Дунба! и ты оставляешь священный холмъ, гдѣ юность твоя воспитана была подъ кровомъ безсмертныхъ! Не умягчаютъ тебя слезы родителя, дряхлаго, сѣдаго, который предсказываетъ неминуемый рокъ твой подъ стѣнами Цареградскими. Множество другихъ устремляется съ сими на коняхъ рѣзвыхъ и безстрашныхъ. Какъ простые всадники, они развозятъ мгновенно приказы полководцевъ, и сами въ состояніи замѣнить ихъ и повелѣвать полками. Двѣ тысячи пращниковъ, въ легкомъ одѣяніи, изъ приморской Чуди послѣдуютъ сонму витязей. Крѣпки, какъ дикій камень ихъ родины, презираютъ они непогоды. Зимою на легкихъ доскахъ, прикрѣпленныхъ къ подошвѣ ногъ, прелетаютъ моря и пустыни, и внезапно нападаютъ на непріятеля. Ихъ князь, угрюмый Гіаръ, оставилъ убѣжище Біорка, откуда воздымалъ онъ волхвованіями море и обуздывалъ вѣтры. За сими послѣдуетъ священный сонмъ Скальдовъ съ златыми арфами. Они возжигаютъ вдохновенными пѣснями мужество воиновъ въ часъ брани, описывая чертоги Одина, отверзтые храбрымъ, умирающимъ прекрасною смертію за отечество. Нетерпѣливый, добрый, отличается между ними юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли

почувствовалъ вдохновеніе Скальда; оставилъ сѣти и парусы, способы скуднаго пропитанія, оставилъ хижину отца своего, и воспѣлъ соотчичамъ своимъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и герояхъ. Десять тысячъ Варяговъ устремляются радостно на знакомый подвигъ. Прекрасный Гаральдъ, наслѣдникъ Свериги, ими предводительствуетъ. Предпріимчивъ во брани и въ любви, обладаетъ онъ всѣми дарованіями; долго служилъ славѣ и заснулъ въ объятіяхъ роскоши. Счастлива красота, которой пѣсни его придавали новыя прелести! Плѣненный взорами дѣвъ Новаграда, онъ позабылъ славное опредѣленіе свое въ самовольномъ изгнаніи, доколѣ блестящее предпріятіе Оскольдово не поразило сердца его стыдомъ и соревнованіемъ. Подъ нимъ повелѣваютъ мудрый Варемундъ, дерзкій Рулафъ, Стемидъ и кичливый Гернандъ. За Варягами является сильное поколѣніе, воспріявшее отъ славы именованіе свое. Великій Новградъ испустилъ изъ вратъ своихъ седмь тысячъ ратниковъ. Крѣпость воинства, оскорбленный Вадимъ, который не можетъ забыть отчужденія своего отъ престола новаградскаго, угрюмый, безмолвный, снѣдаемый оскорбленною гордостію, предводительствуетъ частію тѣхъ, коихъ считалъ нѣкогда своими подданными. Одѣяніе простое и щитъ безъ знаменій не могутъ сокрыть въ немъ витязя, повелителя мужей. Онъ надѣется безсмертными дѣяніями замѣнить вѣнецъ княжескій, или, съ оружіемъ въ рукахъ, найти конецъ своихъ печалей въ гробѣ. Строгими оча-

не [illegible] онъ на гордыхъ Новогородцевъ, [illegible] и [illegible] передъ Олегомъ, и [illegible] его изображаютъ, кажется, столько же угрю[illegible], сколько строгости [illegible]. Но Освальдъ увидѣлъ [illegible] величіе въ героѣ. Его [illegible] онъ [illegible] начальствомъ надъ всѣми славянскими [illegible]. [illegible] отъ береговъ Невы, отъ [illegible] Рюрику, отъ [illegible] стѣнъ Ладоги, [illegible] Освальдъ, котораго [illegible] [illegible] при дворѣ великаго князя. Непреклонный Олегъ [illegible] [illegible] [illegible] изъ области древней Руси, которой [illegible] [illegible] [illegible] силы. Любимецъ Олеговъ, [illegible] Освальдъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] себѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] отъ Бѣлаго Озера, отъ береговъ Шексны и Мологи [illegible], [illegible] [illegible]. Онъ [illegible] еще [illegible] князя своего и [illegible] свои [illegible] [illegible]. [illegible], [illegible] онъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] остатками Синеуса. Труворъ былъ уже [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] его, и граждане Изборска [illegible] [illegible] друга [illegible] его, [illegible] [illegible] Владиміра, оставилъ [illegible] берега Чудскаго Озера, гдѣ искалъ онъ [illegible] свою [illegible], и искалъ [illegible] и славы въ [illegible] бранныхъ, предводительствуя [illegible] [illegible] отъ [illegible] рѣки Великой. [illegible] Рогдай — [illegible]. [illegible] или Болгаръ — [illegible] [illegible] для гостей богатыхъ [illegible]

волжскихъ, нынѣ товарищъ героевъ, ведетъ за собою немногочисленный полкъ воиновъ, испытанныхъ въ опасностяхъ и искусныхъ въ плаваніи. Челубей, исполинскаго вида, заключаетъ шествіе съ подвластнымъ ему племенемъ Мери. Не послужила ему чрезвычайная сила, которая доставляла ему начальство въ дремучихъ лѣсахъ отчизны его, и греческая стрѣла остановила въ одно мгновеніе и гнѣвъ и біеніе безстрашнаго его сердца. Кто можетъ назвать имена безчисленнаго множества воиновъ, которые послѣдуютъ симъ храбрымъ полководцамъ? Таковы тучи пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ зимы, оставляютъ крутые берега русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими тамъ насладились онѣ лѣтомъ; удивленный путешественникъ забываетъ дорогу свою, на пихъ взпрая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпости мразовъ и буйныхъ вѣтровъ. Уже по данному Оскольдомъ знаку воины входили въ назначенные имъ для отдохновенія шатры, и при легкихъ ударахъ грома изъ приближающейся тучи, Славяне поклонялись Богу, мещущему громовыя стрѣлы. Оскольдъ не можетъ пайти спокойствія, убѣгающаго отъ очей его. Возстаетъ, и одинъ во мракѣ бурной ночи идетъ безъ намѣренія. Неизвѣстное предчувствіе влечетъ стопы его ко древнему, сѣкирой неоскорбленному лѣсу. Священные страхи живутъ подъ тѣнію онаго безисходно, и Кривичи славятъ въ немъ присут-

обитель Валгаллы, и воздамъ тысячекратно удары, которыми пронзилъ ты меня при струяхъ Рацелайны.» Онъ рекъ, и видѣніе разлилось въ окружающіе мраки воздуха. Великодушный Оскольдъ отвѣтствуетъ хладнокровно: «Несчастный! или ласкался ты угрозами восколебать постоянство мужа? Смерть, къ которой поспѣшаютъ безвоспятно человѣки, можетъ ли извѣстностію своею удержать насъ отъ сіяющаго поиска славы? бѣдственна ли смерть умирающаго съ оружіемъ въ рукахъ, въ первыхъ рядахъ воинства? Нѣтъ, Рингвольдъ! тщетное знаніе твое будущаго не нарушаетъ спокойствія души моей. Оно придаетъ болѣе величества подвигу моему, и безсильная вражда твоя возлагаетъ на меня новое обязательство не терять ни единаго мгновенія для снисканія славы.» Онъ рекъ: особенное спокойствіе сіяетъ на челѣ его. Разступилися ужасы лѣса, умолкли громы, и тихія молніи едва мелькали въ рѣдѣющихъ тучахъ. Никѣмъ невидимъ, Оскольдъ входитъ въ шатеръ свой, и сладостный, легкій сонъ смыкаетъ удрученныя вѣжды его. Между тѣмъ сердце Одиново услаждается твердостію героя, которому онъ благопріятствуетъ съ высоты небесъ. Еще не было Готоа, въ которомъ бы безсмертный Одинъ находилъ болѣе сходства съ пламенною душею, вознесшею его на степень боговъ, какъ въ великодушномъ Оскольдѣ. Одинъ хотѣлъ симъ ужаснымъ привидѣніемъ испытать героя. Одинъ посылаетъ вѣждамъ его сладостное успокоеніе;

собираетъ предъ одромъ его златыя мечтанія, которыя служатъ вмѣсто бытія воображенію. Тайныя предвкушенія небеснаго блаженства, обхожденіе героевъ, неописанныя радости Валгаллы глубоко напечатлѣваются въ душѣ его. Изглаждены въ ней надеждою страшныя предвѣстія ночи, и солнце, озлативъ горы, нашло Оскольда мужественнѣе прежняго, раздающаго повелѣнія вождямъ и совѣтующагося съ мудрымъ Сигурдомъ.

Уже большая часть кораблей были пріуготовлены для воинства Оскольдова. Подобны лебедямъ величественнымъ, спустились они у стѣнъ Смоленска на струи Борисѳена. Радегастъ, которому отъ юности жить на водахъ было роскошью, и который на легкой единодревкѣ, теряясь въ разверзающихся волнахъ варяжскихъ, преносился толь часто отъ утесистыхъ Чудскихъ береговъ къ пологимъ Скандинавскимъ; Радегастъ, управлявшій кормиломъ корабля, на коемъ Рюрикъ, отецъ народовъ, присталъ ко брегу Ладоги, Радегастъ проводилъ цѣлую зиму въ дубравахъ Кривичей, испытуя сѣкирою древніе дубы и повергая на землю безжалостно ихъ гордые верхи. Разорилось священное убѣжище лѣсовъ, пристанище сильныхъ звѣрей и птицъ воздушныхъ, и оскорбленный Борисѳенъ съ негодованіемъ видѣлъ исходище свое откровенно. Возмутились воды его, и страшную вѣсть брани пронесли до Чернаго Моря, отца потоковъ и бурныхъ рѣкъ. Во влажныхъ чертогахъ сидитъ

древній богъ, окруженъ тмою сыновъ и дщерей своихъ. Сошлись къ нему и Борисѳенъ, и гордый Тирасъ, составляющій владычество Сарматовъ, и двурогій Истръ, питатель народовъ. Ихъ яростные совѣты, подобные вѣчному шуму пороговъ, призываютъ вѣтры и черныя бури на дерзкое предпріятіе Оскольда. Болѣе всѣхъ стремительный Воспоръ подгнетаетъ негодованіе влажныхъ боговъ: «Забыли вы,» говоритъ онъ, «чѣмъ угрожаютъ намъ чада неукротимаго Сѣвера. Вашимъ стыдомъ покупаютъ они себѣ сіяющую славу, и возносятся къ богамъ безсмертнымъ. Имъ суждено, думаютъ они, наложить нѣкогда узы на ваши священныя волны. Страны, напояемыя вами, любовь природы, отечество боговъ, суть добычею тѣхъ, которые не находятъ ничего труднаго для своего мужества и могутъ мѣнять тлѣнную жизнь на неувядающую славу. Отъ нея хотятъ они производить гордое свое имя, и называя себя Славянами, напоминаютъ другъ другу гордое свое опредѣленіе. Вспомните трепетъ, вспомните волненіе, которое вы чувствовали въ хладныхъ пещерахъ вашихъ, когда Одинъ, прародитель сихъ Варяговъ, сихъ Руссовъ, соединившихся нынѣ съ Славянами, выступая изъ предѣловъ смертнаго, пустился со мною въ неравный, позорный для меня бой. И рокъ до того уннзилъ безсмертнаго! Сколько разъ желалъ я сокрыть главу мою въ нѣдрахъ земли, или уйти въ которое либо море! Противились мнѣ неодолимыя преграды. Съ одной страны

ударяли въ меня кипящія волны Евксинскаго Понта, съ другой огромное море отъ столповъ Гадитанскихъ. Далеко ли было тогда паденіе еллинскаго имени? Готѳы, прешедшіе оплотъ сей, указали народамъ погибельный путь, коимъ найдутъ они роковой день священнаго града. Не престаетъ еще дѣйствовать Одинъ, врагъ греческихъ боговъ. Не видите ли, что онъ воспаляетъ своимъ неистовствомъ душу Оскольда? А между тѣмъ священный повелитель Грековъ, отсутственный отъ угрожаемой столицы, ведетъ безславныя брани съ мягкосердыми племенами Востока. Спѣшите, спѣшите: возбудите отъ нерадиваго сна Великій градъ, надъ которымъ багровое облако готово извергнуть пламень. Онъ рекъ, и влажный царь простираетъ повелительную руку. Глубокая тишина вокругъ царствуетъ. Тонкій туманъ восходитъ съ поверхности водъ и на крылахъ зефира прикасается слуху Ексарха. Уже скорый гонецъ отряженъ ко властителю Грековъ съ ужасною вѣстію Оскольдова похода. Грозный властитель сѣдыхъ валовъ воспрещаетъ взоромъ буйному негодованію рѣкъ. «Оставимъ,» гласитъ онъ, бреннымъ человѣкамъ быть игралищами страстей. Ихъ замыслы высоки и непостоянны: единое дуновеніе разсѣваетъ ихъ. Поверженнымъ среди вѣчныхъ силъ природы, довольно имъ бороться съ волнами счастія въ безпокойныхъ подвигахъ или въ презрительной нѣгѣ. Златая цѣпь судебъ соединяетъ небо и землю, и не можетъ быть оттор-

жено ни единое звено ея. Довольно препятствій добродѣтели. Неоспорима слава смертному, который гибнетъ въ бореніи съ гнѣвными стихіями и враждебнымъ счастіемъ. Опасности бранныя не суть единыя, ни самыя страшныя. Прежде нежели устрашимся рабства, коимъ сей витязь угрожаетъ, увидимъ еще, не подверженъ ли онъ самъ позорному рабству страстей.» Онъ рекъ, и подвластные боги ощутили болѣе покорности, нежели успокоенія. Между тѣмъ граждане Смоленска тщетно стараются удержать еще нѣсколько времени въ стѣнахъ своихъ нетерпѣливаго Оскольда, изъявляя гостепріимство великолѣпными торжествами. Таковъ потокъ, низвергающійся съ высокой горы послѣ зимнихъ снѣговъ. Устрашенный селянинъ безполезно воспящаетъ бурное его стремленіе, повергая огромные дубы. Онъ превозмогаетъ преграды и далеко опустошаетъ богатыя жатвы.

Но Сигурдъ желаетъ видѣть сына своего, нѣжнаго Радмира, препоясаннаго мечемъ отъ руки Оскольдовой, да вступитъ въ сословіе мужей. Радмиру едва исполнилось шестнадцать лѣтъ; но сердце его упредило возрастъ.

Оно билось съ нетерпѣніемъ, когда златая арфа Скальда оживляла предъ воображеніемъ его тѣни древнихъ Варяговъ и битвы славныя въ теченіе вѣковъ. Оно билось такъ же сильно, но сладостнѣе, при тихомъ воззрѣніи или отрадной улыбкѣ опасной подруги его младенчества, вы-

сокой Искерды. Колебленый порывами славолюбія и другаго нѣжнѣйшаго чувствованія, юноша обнажалъ смертоносное желѣзо, или полагалъ его къ ногамъ прекрасной подруги. Веселость незлобія составляла игры ихъ, и сладостная задумчивость отягощала вѣжды Искерды, когда ей должно было наказывать дерзость юноши.

Какъ затрепеталъ въ ней сердце, когда нескромныя подруги упомянули въ присутствіи ея, можетъ быть, безъ намѣренія, о назначенномъ вооруженіи друга ея! Тогда узнаетъ она таинство своей нѣжности и свойство подозрительной дружбы: узнаетъ, что не можетъ существовать безъ Радмира; въ мечтаніяхъ, или бѣжитъ къ ненавистному Оскольду и требуетъ отъ него юноши, или сама покрываетъ нѣжное чело его тяжелымъ шлемомъ и съ восторгомъ бросается между любовникомъ и греческою стрѣлою. Умереть за Радмира или жить съ Радміромъ сливается для нея въ единое чувствованіе. Безполезныя намѣренія! Строгая честь, дѣвическій стыдъ удаляютъ, какъ легкій паръ утра, сіи златыя мечтанія. Должно, не смотря на побѣднѣвшія лилеи лица, на утомленные очи, должно заключить тоску въ сердцѣ и быть свидѣтельницею ужасныхъ обрядовъ, которыми Радміръ обречется свирѣпому богу браней. Сколь желала бы теперь юная дѣвица, чтобъ никогда варяжская сѣкира не оскорбляла древнихъ дубовъ днѣпровскихъ, и чтобы величественный

градъ Кесарей наслаждался ненарушимою тишиною! Уже отверзаются огромныя врата священнаго храма и толпа наполняетъ пространные его притворы. Со страхомъ взираютъ Кривичи на древнее изображеніе бога, наполняющее съ величествомъ нѣдра святилища. Согбенные старцы, въ одѣяніяхъ бѣлѣйшихъ снѣга, одни дерзаютъ войти во внутреннюю ограду, и отметая земныя различія, отверзаютъ всѣмъ человѣкамъ равное прибѣжище къ жертвенникамъ. Приближается сіяющій сонмъ вельможъ, еще болѣе возвышенный важнымъ присутствіемъ Оскольда. Прекрасенъ, какъ юный богъ, послѣдуетъ ему Радмиръ съ потупленными очами, съ откровенною главою и распущенными власами юношества. Гибкій станъ его объемлется простою и легкою одеждою, исткапною сестрами его изъ мягкой волны агнцевъ. Украдками взираетъ онъ по временамъ на ту сторону храма, гдѣ знаменитыя матери семействъ, гордящіяся красотою послѣдующихъ имъ дщерей, привлекаютъ къ себѣ почтительное вниманіе народа. Онъ ласкается увидѣть обожаемую Искерду, сокрывающуюся въ срединѣ прекраснаго сонма и опирающуюся на руку искренней Алвиды, дабы невольный трепетъ ея былъ менѣе примѣтенъ. Уже священные обряды, болѣе и болѣе ужасая несчастное сердце любовницы, производятъ въ душѣ народа восторгъ благоговѣнія. Возникаютъ сердца мужей любовію отечества, изступленіемъ храбрости при пѣснословіяхъ, возглашаемыхъ богу браней. Взоры Рад-

мировы оживляются не однимъ пламенемъ любви: одна любовь владычествуетъ въ сердцѣ Искерды. Съ трепетомъ видитъ она желѣзо въ рукахъ Оскольдовыхъ, коимъ надлежало обрѣзать юношескіе длинные власы Радмировы, и между тѣмъ какъ одинъ изъ жрецовъ возлагаетъ ихъ на жертвенникъ бога браней, и другой приноситъ сіяющій мечъ для преноясанія Радмира, юноша остается на колѣнахъ въ боязливомъ молчаніи, главу преклонивъ на сложенныя длани: тогда Оскольдъ, исполненъ духа Одинова, пріемлетъ Радмира въ число мужей и прерываетъ молчаніе величественнымъ наставленіемъ геройства. «Благородный, любви достойный юноша! возстани мужемъ. Се изъемлю тебя изъ нѣдръ спокойнаго семейства и посвящаю отечеству. Сіи власы, отдѣленные мною отъ главы твоей, возвѣщаютъ тебѣ отреченіе отъ домашней нѣги и любви спокойствія: оставь попеченіе о красотѣ [illegible] дѣвамъ и женамъ. Твое убранство [illegible] прахъ военный и воздержаніе и терпѣніе. Мечемъ сіимъ преноясываю чресла твои. Ты вступилъ въ возрастъ защитниковъ народа своего, доколѣ сѣдины и опытность причислятъ тебя нѣкогда къ соучастію въ совѣтахъ. [illegible] разсудитъ иначе [illegible] сраженій. Тѣ живутъ для [illegible] и матери, которые оживляютъ безсильнаго [illegible] для отечества живутъ. [illegible] умереть за дѣти [illegible] за отечество... — [illegible]

дѣвицы, рыданія, имя Радмира, громко ею произнесенное, движеніе цѣлаго народа, влекутъ Оскольда къ сонму женъ, призывающихъ къ жизни Искерду. Омракъ смерти отягощаетъ очи ея. «Искерда! Искерда!» вопіетъ Радмиръ, «твой другъ съ тобою; воззри, или мгновеніе смерти твоей будетъ послѣднимъ для Радмира!» О, чудо любви! по гласу ея смерть отпускаетъ добычу свою. Голубые глаза Искерды отверзаются медленно и спокойно; прежде ничего не видятъ, кромѣ тусклаго свѣта, но скоро обращаются на лицо Радмира.... О, зрѣніе! о, радость неизобразимая! жестокія сердца, никогда не любившія! осудите, ежели можете, преступленіе дѣвицы. Опасность смерти примирила стыдливость съ любовію, и взоры Искерды покоятся безъ гнѣва на пламенныхъ очахъ юноши; рука ея, согласная съ сердцемъ, упала на длани Радмировы. Свидѣтель сего мгновенія, Оскольдъ воздохнулъ отъ глубины сердца своего и воспомнилъ прекрасную Етельвинду, которую немилосердая Гела похитила рѣзвящуюся на краю бездны, оставя вѣчное сожалѣніе Оскольду. Какъ молнія, сверкнувшая во тмѣ ночной, изобразилось то счастливое мгновеніе, въ которое нарекла она его властелиномъ сердца своего. Ему показалось, что душа Етельвинды оживляетъ черты Искерды. Но овладѣвъ смущеніемъ своимъ и схативъ десницу Сигурда, варяжскій витязь приближается къ востревоженной матери Искерды. «Почтенная Людмила (такъ называлась она) и

ты, благоразумный Сигурдъ ([illegible] Оскольдъ) не оскорбите гостя вашего отказомъ и примите меня ходатаемъ за двухъ любовниковъ. Не раздѣляйте тѣхъ, которыхъ сочетаетъ любовь и красота и благосклонное Небо. Ахъ! гдѣ есть зрѣлище священнѣе и сладостнѣе, какъ союзъ красоты и мужества подъ покровительствомъ природы? Супругъ и отецъ, Радмиръ будетъ достойнѣе защитникомъ племени своего. Подлый и боязливый не заслуживаетъ [illegible] ной красоты. Но любовь не терпитъ, чтобы гласъ ея былъ пренебрегаемъ. Родители любовниковъ! бойтесь отмщенія любви. [illegible]

[illegible]

женіе Грецін. Но попутные вѣтры зовутъ варяжскаго витязя на знаменитый подвигъ, и не менѣе герой отъ участія въ нѣжныхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, Оскольдъ вступаетъ въ ладію, послѣдуемый ополченіемъ Славянъ....

РАЗГОВОРЫ МЕРТВЫХЪ.

РОМУЛЪ И КІЙ

[illegible]

Ромулъ. Ты хочешь равняться съ Ромуломъ. Кто бы ты ни былъ, [illegible] [illegible] Рима [illegible] [illegible] [illegible]. Ты [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Кій. Я не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ты [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Не [illegible] [illegible] [illegible] Рима. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и ты [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

вили населеніе града, который потомъ съ седьми холмовъ своихъ повелѣвалъ вселенною. Пуки сѣна на остріи копья были первыя твои знамена.

Ромулъ. Но побѣда за ними слѣдовала постоянно. Признали то Италія, Карѳагенъ, Греція. Цари желали называться отпущенниками народа Римскаго. Посолъ, введенный въ присутствіе Сената, мнилъ видѣть собраніе боговъ, а не человѣковъ. Довольно назвать Брута, Сципіоновъ, Катоновъ, Цесаря.

Кій. Ты умалчиваешь объ его преемникахъ: Неронахъ, Коммодахъ — о верховной власти, продаваемой болѣе дающему. Но зри нынѣ сей самый Римъ, столь измѣнившійся въ собственныхъ стѣнахъ своихъ, безъ Сената, безъ тріумфовъ, и въ немъ неизвѣстныхъ иноковъ, попирающихъ спокойно прахъ Эмилія и Катона; и зри Россію, разливающую просвѣщеніе отъ моря Балтійскаго до водъ, омывающихъ Новый Свѣтъ: воинства ея, флоты, искусства, учрежденія.

Ромулъ. Я вижу, что каждый народъ сіяетъ поочередно на позорищѣ вселенной, и что слава, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, обтекаетъ весь Земной Шаръ.

ГОСТОМЫСЛЪ И ЯРОСЛАВЪ I

Вольность можетъ существовать только въ томъ народѣ, который имѣетъ и почитаетъ законы чрезвычайные и благодарные.

Гостомыслъ. Сказываютъ, что ты далъ вольность Новогородцамъ. Я знаю, каковъ Ярославъ: не было лучшаго государя на престолѣ Рюриковѣ. Мудрость его равнялась съ трудолюбіемъ. Но въ семъ случаѣ разсудокъ твой не былъ ли увлеченъ личною благодарностію? Какъ удѣльный князь Новагорода, препроводивъ у нихъ младость свою, бывъ столько вспомоществуемъ ими въ несчастномъ междоусобіи, которое безчеловѣчный Святополкъ возжегъ между дѣтьми Владиміровыми, не счелъ ли ты ихъ достойными вольности, прежде нежели умъ ихъ могъ ею воспользоваться? Не далъ ли ты имъ своеволія вмѣсто вольности? Вольность безъ законовъ существовать не можетъ.

Ярославъ. Такъ, Гостомыслъ. Я далъ имъ первое и краткое начертаніе законовъ. Правду Русскую, не давъ, можетъ быть, времени и просвѣщенію пріуготовить ихъ къ пріятію сего дара. Я уступилъ желаніямъ народа. Мнѣ казалось, что сей великій городъ, колыбель величества Славянскаго народа, столь удобный для купечества, заслуживаетъ нѣкоторое уваженіе. Столица

государства, перенесенная на брега Днѣпровы, лишала его присутствія государя. Можетъ быть, преимущества, мною данныя въ добромъ намѣреніи, будутъ употреблены во зло буйствомъ черни. Но естественнымъ теченіемъ вещей излишества своеволія произведутъ зависимость. Твое благоразуміе предупредило такимъ образомъ гибель Новагорода учрежденіемъ единовластія.

Гостомыслъ. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій безначалія. Каждый отдѣлялъ благополучіе свое отъ общаго блага. Каждый хотѣлъ быть счастливъ одинъ и со вредомъ другихъ. Обиды, неправды, убійства, междоусобія грозили истребить Новгородъ. Взаимныя обязательства гражданина не были установлены. Ужасное право сильнаго губило всѣхъ поочередно. Не было градоначальства, которое пеклось бы о безопасности и собственности жителей. Тогда, одушевленный истинною любовію отечества, возсталъ я на стогнѣ. Твердость моя и нѣкоторое краснорѣчіе, ревностію внушаемое, преклонили сердца народныя. Ѣдутъ послы въ Варяги-Русь звать предка твоего, Рюрика, на княженіе. Окруженный многочисленною дружиною, съ братьями своими Синеусомъ и Труворомъ, приходитъ онъ дать спокойствіе и законы Новугороду. Видишь, что происшествіе сіе было основаніемъ сильнаго государства, и лучше меня знаешь послѣдствіе дѣлъ, распространившихъ сіяніе Россіи.

Ярославъ. Подъ сильною рукою монарховъ Варяго-Русскихъ, племена почти дѣлаго Сѣвера

соединились въ одинъ великій народъ. Олегъ, Игорь, Святославъ, доходили войною до вратъ Цареграда. Родитель мой, Владиміръ, положилъ конецъ симъ нашествіямъ. Восточную Имперію. Просвѣтивъ народы свои восприятіемъ вѣры кроткой и человѣколюбивой, онъ раздѣлилъ области свои между нами сынами своими, которые, вмѣсто согласія и взаимной [illegible], обагряли отечество кровію согражданъ. Предметъ несчастный: бояться, чтобъ онъ не былъ возлюбленъ сынами [illegible]!

Гостомыслъ. И ты раздѣлилъ также Россію?... Нельзя сомнѣваться, чтобъ вѣры сія не ослабила государства. Безначаліе, внутреннія междоусобія, какимъ образомъ воспрепятствовать оно нападенію варваровъ, которые во времянахъ выходятъ изъ дикихъ степей своихъ?

РЮРИКЪ И ОЛЕГЪ

[illegible]

Рюрикъ. Нынѣ я вижу [illegible] съ собою [illegible] Олега, [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

и я могу терпѣть сіяніе моего преемника, если бы оно помрачало и мое собственное.

Олегъ. Рюрикъ не можетъ опасаться соперника въ славѣ. Имя его останется въ вѣчномъ почтеніи у потомства многочисленныхъ племенъ, которыя сильная рука его собрала въ единое народное тѣло. Норманцы наши славились прежде завоеваніемъ и разореніемъ государствъ. Ты одинъ между ними заслужилъ безсмертную память учрежденіемъ законовъ, правленія, гражданской жизни въ народѣ, который призвалъ тебя на княженіе добровольно. Удостоенный тобою быть блюстителемъ престола и малолѣтнаго сына твоего, Игоря, я старался идти по слѣдамъ твоимъ. Новость владычества дѣлала присутствіе твое въ Новѣгородѣ необходимымъ; пришедъ послѣ тебя, я могъ отлучаться безопасно и собственными глазами обозрѣвать пространство княженія. Я преходилъ всѣ предѣлы его; вездѣ заводилъ селенія, начертывалъ будущіе грады, облегчалъ народамъ способы взаимнаго сообщенія, полагалъ первыя основанія просвѣщенія, торговли и законовъ. Исполненъ почтенія къ дѣяніямъ и духу древнихъ Славянъ, я разсудилъ за благо открыть имъ поприще новой славы. Искони градъ Кесарей, Константинополь, былъ мѣтою странствованій и подвиговъ сѣверныхъ людей. Я повелъ на ладьяхъ по Днѣпру и валамъ Черноморскимъ воинство Славянъ, Варягъ и Чуди въ средину Греціи. Я перенесъ столицу государства въ Кіевъ.

Рюрикъ. Ты оставилъ Великій Новградъ, ко-
торого славу выхваляли весь Сѣверъ подъ именемъ
Гардарики, о которомъ говаривали пословицу до-
мо: Кто противъ Бога и Великаго Новагорода?

Олегъ. Я хотѣлъ приближиться къ Греціи, родительницѣ наукъ и художествъ. Хотя онѣ были уже въ упадкѣ, но остатки ихъ еще могли украсить обычаи народа простаго и непросвѣщеннаго. Я велъ Сѣверъ и Западъ, подвластные обширному владычеству. Простѣйшее [illegible] было про-ложить въ Россіи къ Греціи нѣкоторое сообщеніе, путешествіями, торговлею, самою вой-ною. Я побѣдилъ Грековъ; и Греція [illegible] моей была самымъ торговымъ. Я побуждаемъ былъ достохвальнѣйшимъ желаніемъ государя, вѣроят-но возвести народъ мой въ высшую степень ве-личія. Мнѣ кажется, что Россія займетъ когда нибудь мѣсто древней Греціи.

Рюрикъ. Но имперія наша предназначается къ своему величію совершенно иною [illegible] непросвѣщеннаго [illegible] Я боюсь, чтобы остальная Европа, [illegible] не стала она добычею какихъ нибудь завоевате-лей, вышедшихъ изъ Азіи. Тогда отторженная отъ Греціи и наслѣдовавшая преимущества ея къ дру-гимъ народамъ, Россія можетъ остановить успѣ-хи просвѣщенія своего и [illegible] къ невѣжеству.

ИГОРЬ И ОЛЬГА.

Истинное Богопочитаніе нерзлучно съ человѣколюбіемъ.

Игорь. И здѣсь еще терзаетъ меня сіе противное воспоминаніе, что Игорь, котораго двѣкраты трепетала Греція, безславно умерщвленъ Древлянами, и память моя поругана недостойно симъ Маломъ, подвластнымъ княземъ моимъ. Безплотный духъ мой нынѣ болѣе чувствителенъ къ стыду, нежели тѣло мое было къ удару, который поразилъ его. Я не могъ взирать безъ нѣкотораго удовольствія на сіи окровавленныя тѣни Древлянъ, во множествѣ снизшедшихъ, которыя извѣстили меня о мести, возданной имъ за смерть мою тобою, достойная супруга! Ты возвратила мнѣ честь мою, герою болѣе жизни драгоцѣнную. Потомки съ почтеніемъ пріидутъ воззрѣть на холмъ, который насыпала ты надъ хладнымъ прахомъ моимъ, по древнимъ обрядамъ славянскимъ. Меня утѣшаетъ сія великолѣпная тризна, надо мною совершенная, плачъ подданныхъ и непріятелей.

Ольга. Любезный супругъ! я исполняла добродѣтель язычества, ежели священное имя добродѣтели безъ оскверненія можетъ быть приложено ко мщенію. Я дѣйствовала по несправедливымъ понятіямъ воспитанія моего и народныхъ нравовъ. Такъ ложное умствованіе можетъ быть причиною злыхъ дѣяній! Я была жестокою по добродѣтели; мечтала снискать собственное

одобреніе и [illegible] Высшаго Существа [illegible] Бо-жество. Котораго я не вѣдаю, въ [illegible]ныхъ кумирахъ. Сіе [illegible] ю разумъ мой. [illegible] несчастливые случаи [illegible]. Тв[illegible]на и Владыкъ [illegible]щенный служитель [illegible] ихъ врагъ человѣчества. Я [illegible] Перуна и толь многихъ боговъ, [illegible] обо-жаютъ свои собственныя страсти. [illegible] сердце мое наполнилось любовію къ ближнему. Въ каждомъ человѣкѣ вижу я брата: вижу въ Богѣ общаго Отца всѣхъ племенъ и языковъ, населяющихъ вселенную. Онъ отвергаетъ жесто-косердаго, дерзающаго проливать кровь человѣ-ковъ для нечистыхъ своихъ удовольствій.

Игорь. Слова твои наполняютъ меня справед-ливымъ смущеніемъ. Скоро бы хотѣлъ я увидѣть опять свѣтъ дневный, чтобъ собственнымъ опы-томъ можно отвратить Святослава, сына нашего, отъ сего ненасытимаго желанія браней, которое, вмѣсто истинной славы, влечетъ за собою позд-нее раскаяніе!

Ольга. Тщетное желаніе! Святославъ не слу-шалъ нѣжныхъ увѣщаній моихъ. Онъ оставилъ меня въ старости и малыхъ дѣтей своихъ, чтобъ жить на Дунаѣ, въ возлюбленномъ его Переяс-лавцѣ. Но я полагаю великую надежду на сына его, Владиміра.

ВЛАДИМІРЪ И КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ.

Слава добрыхъ государей никогда не погибаетъ, и безпристрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ легкія несовершенства человѣчества, представляетъ добродѣтели ихъ для подражанія потомству.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ. Сколько вѣковъ уже прошло съ того времени, какъ мы оба, поставленные Провидѣніемъ надъ народами, полагали основаніе ихъ величества; но слава наша ничего не утратила отъ своего сіянія, и безпристрастныя поколѣнія, равно удаленныя отъ страха и надежды, превозносятъ наши добродѣтели. Какое поощреніе для тѣхъ, которые родятся быть владыками народовъ! Съ восхищеніемъ произносится въ позднѣйшемъ потомствѣ имя добраго государя. Чѣмъ просвѣщеннѣе становятся народы, тѣмъ болѣе отдаютъ справедливости героямъ и государственнымъ людямъ, которые посвятили спокойствіе своей жизни благополучію вселенной. Не ослѣпляясь внѣшнимъ сіяніемъ, отличаютъ въ дѣлахъ нашихъ недостатки человѣчества отъ истинныхъ добродѣтелей, и отдаютъ почтеніе не сану, но заслугамъ.

ВЛАДИМІРЪ. Какой государь имѣетъ болѣе правъ на славу, какъ возобновитель имперіи, побѣдоносецъ, законодатель, просвѣтитель? Что касается до меня, я имѣлъ слабости, неразлучныя съ человѣчествомъ. Можетъ быть, честолю-

біе мое въ достиженіи престола, не смотря на Ярополковы утѣсненія, не было совсѣмъ свободно отъ порицанія. Праздность моя помрачена была роскошью. Ослѣпленный тмою язычества, я доходилъ въ ревности моей къ богамъ до ужаснѣйшаго бѣсновѣрія. Но разумъ мой сотворенъ былъ къ познанію истины. Я испытывалъ тщательно вѣры вселенной. Отъ Грековъ принялъ я законъ и сообщилъ Сѣверу. Наслѣдованные и побѣжденные мною народы безъ прекословія послѣдовали примѣру монарха. Подобно тебѣ, былъ я просвѣтителемъ государства моего, котораго предѣлы, также подобно тебѣ, распространилъ я побѣдами надъ Ляхами и прочими сосѣдственными народами. Вездѣ насаждалъ я училища, поставлялъ храмы истинному Богу, старался ввести греческія письмена. Такъ же, какъ ты, подалъ я поводъ къ первому исправленію отечественнаго языка и къ украшенію разума ученіемъ. Я хотѣлъ благополучія для всѣхъ несчастныхъ, отверзъ сокровища мои бѣднымъ, открылъ убѣжища больнымъ. Наконецъ, такая кротость овладѣла душею моею, что съ трудомъ уговаривали меня осуждать виновныхъ на достойную казнь.

Карлъ Великій. Многотрудные подвиги мои, заговоры, возмущенія не позволили мнѣ умѣрить строгости. Дикость времени и нравовъ изощряли оружіе мое. Но, впрочемъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы имѣли многія черты сходства. Увлекаемые владычествовавшимъ

образомъ мыслей, мы раздѣлили оба государства свои между сыновьями нашими. Сіе дѣяніе, противное здравому градоправительству, было источникомъ бѣдствій. Слабая рука моихъ потомковъ не удержала имперіи. Россія, обагренная своею собственною кровію, подпала игу варваровъ.

Владиміръ. Все перемѣнилось. Россія вступила на приличную ей степень; и множество великихъ имѣнъ, которыя въ теченіе вѣковъ присоединились къ нашимъ, не уменьшаютъ ихъ сіянія.

СВЯТОСЛАВЪ И ЯРОПОЛКЪ.

Человѣкъ слабый и не имѣющій твердости въ разумѣ, повинуется побужденіямъ, которыя онъ получаетъ отъ другихъ, и, не будучи злодѣемъ отъ природы, можетъ сдѣлать величайшія преступленія, ежели окружающіе его суть порочные люди.

Святославъ. Сынъ мой, Ярополкъ! такъ скоро!... Но я вижу раны въ груди твоей. Конечно, палъ ты на мѣстѣ битвы, сражаясь за отечество. Какой непріятель испыталъ удары твои, Болгаръ, кичливый Грекъ, или дикій Печенѣгъ?

Ярополкъ. Увы, родитель мой! я стыжусь и не смѣю возвести глазъ моихъ на тебя. Но ты знаешь, знаешь несчастія, которыя постигли послѣ тебя неблагоразумныхъ дѣтей твоихъ. Я ли-

шенъ жизни рукою измѣнника въ междоусобной войнѣ, предъ храминою брата моего, Владиміра. Я достоинъ былъ смерти, ибо первый въ отечествѣ моемъ возжегъ слабою и трепещущею рукою пламенникъ междоусобія. Олегъ — я не могу произнести имени сего.

Святославъ. Олегъ, котораго природа даровала тебѣ въ нѣжнѣйшіе друзья, и противъ кого ты дерзнулъ дѣйствовать, какъ противъ непріятеля, конечно, не самъ собою, но побужденіемъ злобнаго Свенельда, — Олегъ не сохранятъ въ разсужденіи тебя ни малѣйшаго памятозлобія. Блаженство, вкушаемое имъ здѣсь, наградило его съ избыткомъ за трату несовершенныхъ и преходящихъ увеселеній временной жизни. Все его безпокойство состояло въ неизвѣстности, увидитъ ли здѣсь тебя съ собою. Съ восхищеніемъ разсказывалъ онъ о твоемъ раскаяніи, слезахъ, отчаяніи, когда въ первый разъ пораженъ ты былъ ужаснымъ зрѣніемъ тѣла его, извлеченнаго изъ-подъ труповъ убіенныхъ Древлянъ, тѣснившихся по мосту предъ Овручемъ. Ты бросился на хладные остатки его, и омывая слезами, вопіялъ: «Любезный братъ! какъ могу я жить послѣ тебя, обремененный виною смерти твоей? Мнѣ, мнѣ должно было умереть, котораго жизнь будетъ вѣчнымъ угрызеніемъ. Не могу терпѣть свѣта, который я отнялъ у моего дражайшаго Олега!»

Ярополкъ. Я говорилъ сіе и послѣ испыталъ. Желѣзо убійцы, прекратившаго жизнь мою, пре-

кратило мое мученіе. Я не былъ рожденъ ненавидѣть. Каждый день, препровожденный мною послѣ сего страшнаго происшествія, былъ днемъ казни и сокрушенія. Умереть стократъ лучше, нежели жить съ худою совѣстью, чувствовать себя злодѣемъ.

Святославъ. Ты былъ только слабъ. Ты не имѣлъ твердости, безъ которой нѣтъ добродѣтели. Чужая злоба привела тебя къ совершенію мрачнѣйшаго злодѣянія, которое похитило счастіе цѣлой твоей жизни. Величайшее несчастіе для человѣка, несравненно большее для правителя государства, есть не имѣть своего собственнаго умоначертанія, благоразумнаго и добродѣтельнаго, и повиноваться побужденію другихъ безъ выбора и разсужденія.

КАРЛЪ XII И СВЯТОСЛАВЪ I.

Нѣтъ ничего столь блестящаго и превосходнаго, какъ жребій государя, составляющаго блаженство народа своего просвѣщеніемъ, законами, умягченіемъ нравовъ, возвышеніемъ сердецъ и разума.

Святославъ. Остановись, свирѣпый герой! Святославъ съ удовольствіемъ срѣтаетъ тебя, входящаго въ жилища блаженныхъ. Мы имѣли равныя склонности въ живыхъ. Тотъ же духъ

неустрашимости, который повергалъ тебя въ опасности для снисканія славы, одушевлялъ и меня въ другое, болѣе грубое столѣтіе. Болгары и Греки трепетали меня. Та же смерть воина постигла насъ обоихъ на полѣ сраженія. Печенѣгъ обошелъ меня въ превосходныхъ силахъ у пороговъ Днѣпровскихъ, и сдѣлалъ храбрость безполезною. Но мертвые не стыдятся, и Россы, безстрашные Россы, оставили жизнь, но не мѣсто сраженія. Ты знаешь ихъ мужество. Я горю нетерпѣніемъ услышать изъ устъ твоихъ о семъ великомъ царѣ, твоемъ соперникѣ, который повелѣваетъ ими нынѣ, и котораго слава достигла до сихъ спокойныхъ мѣстъ.

Карлъ XII. Святославъ! мы были съ тобою дерзкіе воины. Безпокойное желаніе кровопролитія заблуждало насъ. Петръ уже не соперникъ мой, но побѣдитель, но другъ и великій человѣкъ. Онъ воюетъ не для того, чтобъ наполнить вселенную пустымъ шумомъ и разорить нѣсколько счастливыхъ областей: война служитъ Ему способомъ для доставленія народу Своему счастія, силы, просвѣщенія. Онъ вводитъ искусства, науки, вѣжливость въ пространный край Свѣта. Онъ благодѣтельствуетъ поколѣніямъ, еще нерожденнымъ, низвергая преграды, которыя невѣжество возвысило между народомъ Его и просвѣщеніемъ. Онъ ободряетъ земледѣліе, заводитъ промыслы и торговлю. Собирать безплодные вѣнцы было моимъ честолюбіемъ. Личнымъ пристрастіямъ, гнѣву, мести, суетной славѣ пожертво-

валъ я первымъ обѣтомъ государей, благосостояніемъ народа. Петръ исхитилъ побѣду изъ рукъ моихъ твердостью. Я совершилъ несчастіе мое упрямствомъ. Я не могъ сносить мира. Безпокойство мое утомило собственныхъ моихъ подданныхъ такъ же, какъ и сосѣдей. Въ сей часъ былъ я подъ стѣнами Фридрихсгаля, крѣпости датской, мною осаждаемой. Роковой свинецъ поразилъ меня въ високъ. Завѣса низпала: я позналъ заблужденія свои. Теперь мнѣ кажется, что одинъ взоръ мой возмущаетъ тишину сихъ убѣжищъ и отъемлетъ блаженство непорочныхъ душъ, которыя въ жизни своей составляли благополучіе вселенной.

Святославъ. Успокойся. Кто умѣетъ такъ раскаяваться, какъ ты, не можетъ быть недостоинъ сего жилища. Я поведу тебя въ удѣлъ, посѣщаемый тѣми, которые прославились войною. Представлю тебя Ахиллесу и Александру Великому. Они узнаютъ въ тебѣ добродѣтели, составляющія героя. Неутомимъ, безстрашенъ, чувствителенъ къ одной только славѣ, презритель нѣги, великолѣпія, наблюдатель правосудія, ты былъ бы украшеніемъ человѣческаго рода, если бы болѣе чтилъ священныя права его, если бы зналъ другую славу, кромѣ военной. Сіи упреки, исходя изъ устъ моихъ, должны тебѣ казаться сноснѣе, ибо я самъ заслуживаю оные.

ЯРОСЛАВЪ И ЛѢТОПИСАТЕЛЬ НЕСТОРЪ.

Долговременное междоусобіе не только отъемлетъ безопасность и спокойствіе общества, но и препятствуетъ народу достигнуть просвѣщенія, половина письмена и науки въ самомъ ихъ рожденіи.

Ярославъ. При первой бесѣдѣ нашей, Несторъ, позволь мнѣ изъявить тебѣ удовольствіе, которое чувствую, видя перваго писателя Россіи. Ярославъ пріемлетъ въ тебѣ участіе какъ государь, надѣющійся жить въ Исторіи тобою, и какъ любитель ученія и письменъ. Ты знаешь, что я часто, отлагая оружіе, любилъ насаждать ихъ въ Россіи. Ты родился во время моего княженія; и мнѣ пріятно думать, что, можетъ быть, попеченія мои о письменахъ россійскихъ открыли въ тебѣ способность историка. Никто не изъявилъ въ повѣствованіи своемъ болѣе простоты и чистосердечія. Безъ помощи басень и украшеній, дѣянія Славянскаго народа любопытны въ писаніяхъ твоихъ своею собственною важностію. Неувлекаемый предразсудками времени, ты справедливо хвалишь и порицаешь. Добродѣтель и въ несчастіи заслуживаетъ твое почтеніе. Ты срываешь личину съ счастливаго злодѣйства. Слогъ твой ознаменованъ иногда глубокою чувствительностію. Несчастіе Василька, тобою разсказанное, извлекаетъ слезы жалости. Наконецъ, ты далъ великій примѣръ: стоитъ только тебѣ послѣдовать, —

и поприще письменъ отверзто нашимъ соотечественникамъ.

НЕСТОРЪ. Мудрый государь! ты удостоиваешь меня похвалъ, которыхъ бо́льшая часть принадлежитъ тебѣ обратно. Письмена цвѣтутъ покровительствомъ правленія. Званіе дѣеписателя и санъ, который я носилъ на землѣ, предписывали мнѣ истину. Какое удовольствіе предавать потомству, перомъ Исторіи, дѣла государя добродѣтельнаго, безъ подлой лести, безъ суетнаго витійства! Изображая въ тебѣ героя и законодателя, я не утаилъ слабостей человѣка: твое противоборство власти родительской, ввержение въ темницу оклеветаннаго брата своего, Судислава. Сіи заблужденія славно искуплены сіяющими добродѣтелями, благочестіемъ, правосудіемъ, храбростію. Славу оружія твоего, пріобрѣтенную въ толь многихъ справедливыхъ войнахъ противу братоубійственнаго Святополка, Ляховъ, Чуди, самыхъ Грековъ, помрачаетъ ли то, что ты принужденъ былъ уступить побѣду однажды Болеславу Польскому и брату твоему, Мстиславу Тмутораканскому? Счастіе имѣетъ свое вліяніе въ военные подвиги. Но то, что̀ ты ни съ кѣмъ не раздѣляешь: мудрость, великодушіе, человѣколюбіе, просвѣщеніе, дѣлаютъ память твою священною. Ты наслаждался и въ жизни предчувствіемъ славы своей. Западные государи искали родства твоего. Какъ мирный правитель государства, ты желалъ украсить его искусствами; и между тѣмъ, какъ Европа была еще покрыта мракомъ невѣжества

и суевѣрія, ты призывалъ уже художниковъ изъ Греціи, старался о преложеніи книгъ съ Греческаго Языка, о воспитаніи юношества. Пристойное великолѣпіе украшало дворъ твой. Сіе благосостояніе сокрылось съ тобою. Надежды твоего владычества погибли для Россіи. Властолюбіе заразило сердца князей. Народъ лилъ кровь свою, чтобы повиноваться изъ нихъ тому или другому. Свирѣпое междоусобіе исторгло сѣмена просвѣщенія, тобою насажденныя. Слава письменъ надолго удалилась отъ Россіи, ибо они единственно тогда становятся предметомъ народнаго вниманія, когда внутреннее спокойствіе государства утверждено на основаніи законовъ, и трудолюбіе распространило въ обществѣ пріятное изобиліе.

Ярославъ. Вотъ важнѣйшая вина моя: будучи нѣжнымъ отцемъ, я не могъ предвидѣть, къ чему честолюбіе можетъ привести дѣтей моихъ. Тщетно, на одрѣ смерти, въ сіи торжественныя мгновенія разлуки, молилъ я ихъ съ умиленіемъ, обращаясь то къ Изяславу, то къ Святославу и Всеволоду: «Дѣти мои! любите всегда другъ друга. Въ согласіи вы всѣхъ одолѣете; въ раздорѣ будете жертвою непріятелей.» Они не уважили просьбы умирающаго отца, и помрачили раждающуюся славу Россіи.

ИЗЯСЛАВЪ И ВСЕВОЛОДЪ.

Герой, который прощаетъ непріятелей своихъ, дѣлаетъ имя свое драгоцѣннымъ человѣческому роду.

Изяславъ. Теперь только наслаждался я бесѣдою Ярослава, родителя нашего, и присутствіемъ толь многихъ князей россійскихъ, которые, послѣ жизни полезной и благотворительной, вкушаютъ здѣсь истинное блаженство, воздаяніе добродѣтели. Одинъ Святославъ, любезный братъ нашъ, не участвуетъ въ общемъ удовольствіи. Сердце его не отвѣтствуетъ моимъ исканіямъ. Онъ не поспѣшаетъ мнѣ во срѣтеніе. Если бы можно было здѣсь хотя на одно мгновеніе быть несчастнымъ, холодность брата моего сдѣлала бы меня таковымъ.

Всеволодъ. Душа его не наслаждается симъ ненарушимымъ спокойствіемъ, которое одна непорочность доставляетъ. Чувствованіе вины его передъ тобою и въ сей возвышенной жизни загладиться не можетъ. Всеволодъ знаетъ то собственнымъ опытомъ, Всеволодъ, который былъ участникомъ въ винѣ его, который вспомоществовалъ ему похитить у тебя престолъ кіевскій, и за котораго ты умеръ. Можно ли простерть далѣе человѣческую добродѣтель? Возвратясь славно на престолъ великокняжескій изъ Германіи и Польши, гдѣ честолюбіе братьевъ

твоихъ заставило тебя искать убѣжища, въ отверзтыя объятія свои принялъ ты меня, не преступника, но брата. Ты не хотѣлъ слушать извиненій моихъ. Прежде нежели я выговорилъ слово раскаянія, я былъ уже прощенъ, и угрызенія отняты отъ сердца моего твоею человѣколюбивою рукою. Святославъ умеръ на похищенномъ престолѣ, не имѣвъ счастія тебя видѣть и быть утѣшенъ тѣмъ самымъ братомъ, котораго онъ обидѣлъ. Но жизнь твоя назначена была Провидѣніемъ для всѣхъ испытаній добродѣтели. Едва снова возсѣлъ на престолъ родителя, безпокойные племянники наши, Борисъ и Олегъ, подкрѣпленные свирѣпыми Половцами, пападаютъ на удѣлъ мой, Черниговъ. Великодушный Изяславъ спѣшитъ на спасеніе мое. Какая печаль можетъ сравниться съ моею, когда на полѣ сраженія увидѣлъ я побѣдителя, человѣколюбиваго Изяслава, пронзеннаго и бездыханнаго! Я терзался, плакалъ горестно, и весь народъ, казалось, потерялъ со мною брата и защитника.

Изяславъ. Всеволодъ увлекается свойственнымъ ему благочестіемъ и чувствительностію, увеличивая дѣло столь естественное. Какимъ бы образомъ человѣкъ былъ неумолимъ и неснисходителенъ къ заблужденіямъ другихъ, когда онъ самъ волнуется безпрестанно слабостями разума и сердца? Ничѣмъ не можно приблизиться болѣе ко благости Высшаго Существа, какъ милосердіемъ и снисхожденіемъ. Прощать сладостно сердцу человѣка, отца, государя. Я самъ не былъ

ли увлеченъ излишнимъ гнѣвомъ на Всеслава, князя Полоцкаго, когда, имѣя въ рукахъ моихъ побѣжденнаго, довольно наказаннаго жребіемъ войны, заключилъ его въ темницу? Не былъ ли я нѣкоторымъ образомъ причиною собственнаго несчастія нерѣшительностію, недостаткомъ твердости? Несчастія одного мгновенія прошли невозвратно; и я наслаждаюсь вѣчностію блаженства, потому что сердце мое было безъ злобы, и что права человѣчества были мнѣ священны.

СВЯТОСЛАВЪ И ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Совѣты благоразумнаго и добродѣтельнаго друга столько же полезны государю, сколько вредны внушенія подлаго и злобнаго ласкателя.

Святополкъ. Всегда бесѣда твоя имѣетъ для меня столь много утѣшительнаго. Слова твои возвышаютъ мужество мое и здѣсь, такъ какъ прежде на землѣ, когда, довольный жребіемъ удѣльнаго князя, ты призвалъ меня на престолъ кіевскій, порученный тебѣ умирающимъ родителемъ твоимъ, Всеволодомъ, и раздѣлялъ со мною труды правленія. Сколь часто мудрые совѣты твои останавливали меня на краю бездны, въ которую я повергался дерзновенно! Мечъ твой разсѣвалъ тмы Половцевъ. Я воображаю и те-

перь несчастную битву трепольскую, предпріятую противъ воли твоей. Ты не жалѣлъ самого себя ты потерялъ возлюбленнаго брата твоего, Ростислава. Вездѣ спасали меня мудрость и дѣятельность твоя. Увѣщанія твои на съѣздахъ княжескихъ пресѣкали несогласія. Олегъ, безпокойный Олегъ, трепеталъ превосходства духа твоего. Какимъ образомъ могъ я удалиться отъ твоихъ спасительныхъ совѣтовъ и послѣдовать бѣдственнымъ внушеніямъ Давида Игоревича который однимъ дѣяніемъ помрачилъ память мою въ потомствѣ? Теперь въ сихъ рощахъ, посвященныхъ счастію, едва тѣнь Василька Ростиславича представится взорамъ моимъ, невольный трепетъ объемлетъ меня. Я вижу, кажется, глаза его окровавлены, и только тогда воспріемлю мужество, когда Мономахъ удостоиваетъ меня своего общества.

Владиміръ Мономахъ. Какъ человѣки, мы имѣли на землѣ смѣшеніе пороковъ и добродѣтелей. Бренная жизнь есть непрестанная борьба. Но Высшее Существо судитъ способы и намѣренія. Оно полагаетъ и самое раскаяніе въ число добродѣтелей. Пагубное раздѣленіе Россіи препятствовало намъ слышать гласъ разума и природы. Сколько удѣльныхъ князей, столько различныхъ сторонъ. Не было общаго и твердаго уложенія, связующаго части владычества съ главою. Каждый князь относился въ требованіяхъ своихъ къ праву сильнаго. Такимъ образомъ война была безконечна. Ты первый созвалъ кня-

зей на сеймъ, гдѣ предъ лицомъ сродниковъ своихъ, духовныхъ пастырей и бояръ, предлагали мы распри свои. Но несправедливый Олегъ Святославичъ учинилъ намѣренія твои безполезными.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ И МСТИСЛАВЪ I.

Великій человѣкъ владычествуетъ надъ современниками своими превосходствомъ разума и живетъ еще въ потомствѣ воспоминаніемъ добра, которое онъ сдѣлалъ.

Владиміръ Мономахъ. Сіе мгновеніе, въ которое достойный сынъ, оставивъ на землѣ бренную одежду тѣла, заключается въ сіи отеческія объятія, присоединяется къ счастливымъ тѣнямъ толь многихъ прародителей, увеличиваетъ для меня и самыя небесныя радости. Чувствую нынѣ, что воздаяніе добродѣтели безконечно. Кто бы изъ смертныхъ захотѣлъ одно мгновеніе быть обладаемъ порокомъ, если бы просвѣщенныя очи его видѣли ненарушимое счастіе добродѣтели? Прошли опасности и труды, которые изнуряли тѣло наше; но не пройдетъ никогда заслуженная нами слава. Ни съ чѣмъ не можетъ сравниться сіе внутреннее чувствованіе достоинства, которое увѣряетъ насъ, что мы служили человѣческому роду, что мы способствовали къ умноженію сча-

стія цѣлаго государства. Приди! тебѣ позволено нынѣ видѣть собственными очами твоими величественныя души, которыя украшали Престолъ Россійскій. Се воинственный Рюрикъ, отецъ монарховъ, въ варяжскихъ доспѣхахъ; прозорливый Олегъ; чрезмѣрный любитель брани Святославъ. Какое человѣколюбивое величество сіяетъ на лицѣ сего почтеннаго старца, тезоименитаго мнѣ Владиміра, перваго и великаго? Здѣсь просвѣщенный Ярославъ; тамъ Изяславъ великодушный, благочестивый Всеволодъ. Приди! они узнаютъ своего внука.

Мстиславъ. Сердце мое, возвышенное и просвѣщенное, становится способно къ ощущенію блаженства. Я вижу нынѣ явственно, что одно счастіе есть добродѣтель, одно бѣдствіе — порокъ. Не могу взирать безъ внутренняго благоговѣнія на сихъ отцовъ народа, которые, будучи поставлены Провидѣніемъ на возвышеннѣйшемъ мѣстѣ, явили себя достойными онаго верховностію духа, неутомимостію, великимъ намѣреніемъ жертвовать собою общему благу. Но какія заслуги могу я принести съ моей стороны, чтобъ раздѣлять съ ними справедливо воздаяніе добродѣтели? Не многіе годы судило мнѣ Небо управлять Россіею. Какъ сынъ Владиміра Мономаха, я былъ увѣренъ въ любви подданныхъ. Память твоя любезна Россіи. Князья, привыкшіе почитать важность слова твоего, не отрицались повиноваться Мстиславу.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ. Ты былъ достоинъ повелѣвать. Правота сердца твоего и твердость давали тебѣ владычество надъ народами и князьями. Полоцкіе князья дерзаютъ ослушаться повелѣній твоихъ и не присоединяютъ полковъ своихъ къ общему вооруженію на Половцевъ. Ты призываешь ихъ на судъ князей, налагаешь на нихъ опредѣленное наказаніе и, отправленные въ Константинополь, они заслуживаютъ вину свою подвигами противъ Сарациновъ. Но болѣе всего характеръ твой отличается разительною чертою, которою показалъ ты искреннее уваженіе свое къ правосудію и человѣколюбію вмѣстѣ. Ты далъ слово Ярославу Святославичу защитить его отъ нападеній честолюбиваго Всеволода Ольговича, не внимавшаго увѣщаніямъ твоимъ. Оружіе твое готово покорить Черниговъ Но Всеволодъ проситъ пощады, унижается, возвращаетъ похищенное. Ты распускаешь воинство, уважая совѣтъ бояръ и духовныхъ, или, болѣе, жалѣя крови. Но въ самое то время благородное сердце твое страждетъ отъ мысли, что ты нарушилъ данное слово наказать оружіемъ Всеволода. Представляется разуму твоему, что государь, который наказываетъ неправду въ другихъ, самъ дѣлать ее не долженъ; что если бы истина отъ всей земли сокрылась, то и тогда бы должно было найти ее въ сердцѣ государей. Сіе одно дѣяніе замѣняетъ многочисленные подвиги.

ЯРОПОЛКЪ II ВСЕВОЛОДЪ II.

Государственный человѣкъ обязанъ жертвовать частными своими пристрастіями общему благу.

Ярополкъ. Наконецъ сія миролюбивая сѣнь покрываетъ вмѣстѣ Владиміровича и Ольговича. Какія смущенія, вражды, соперничества раздѣляли насъ въ жизни! Здѣсь стыдимся, что нѣкогда, обманываясь въ существѣ истинной славы, мы полагали ее въ единомъ первенствѣ, личной корысти, и благо общее подчиняли собственному желанію власти и сіянія. Безпокойный князь Черниговскій! нашелъ ли ты благополучіе на семъ завидуемомъ престолѣ кіевскомъ, отъ котораго сила твоя и дѣятельность удалили братьевъ моихъ, слабаго Вячеслава и роскошнаго Георгія? Честолюбивыя намѣренія твои уничтожились. Противный Кіевлянамъ, несчастный братъ твой, Игорь, заплатилъ кровію своею за утѣсненія ласкателей. Любезное Россіи потомство Владиміра Мономаха возпріяло опять верховное владычество, о которомъ дѣти Олеговы безполезно съ нимъ спорили.

Всеволодъ. Я чувствовалъ въ себѣ дарованія государя и старался доставить себѣ позорище, ихъ достойное. Дѣдъ мой, Святославъ Ярославичъ, лишенъ чреды своей въ потомствѣ. Онъ предалъ намъ честолюбіе свое. Олегъ Святославичъ, родитель мой, потерялъ столь много под-

виговъ и трудовъ противъ счастливѣйшаго Владиміра Мономаха, и оставилъ по себѣ печальную память. Черниговъ сталъ соперникомъ Кіева, и Ольговичи были снѣдаемы желаніемъ мести, которой не могли исполнить. Я имѣлъ мужество воспріять его на себя и унизить Владиміровичей.

Ярополкъ. Но, возбуждаемъ частнымъ пристрастіемъ, подумалъ ли ты о благѣ общемъ? Чѣмъ виновны были народы, ежели они почитали память Мономаха?

Всеволодъ. Не извиняю честолюбія своего. Великое памѣреніе, для коего еще не созрѣли обстоятельства государства, — соединеніе всѣхъ удѣльныхъ княженій, было мѣтою всѣхъ дѣяній моихъ. Счастливое исполненіе предпріятія сего оправдало бы меня передъ отечествомъ, и личное честолюбіе мое сдѣлалось бы орудіемъ блага общаго.

ИЗЯСЛАВЪ II МСТИСЛАВИЧЪ И ГЕОРГІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Наслѣдственное право послѣдованія государей есть спасительное средство, которымъ предупреждаются несчастія народовъ и замыслы честолюбивыхъ.

Изяславъ. Сколь непостоянны всѣ человѣческія вещи! Сей Кіевъ, величественный престолъ Россіи, о которомъ толь многіе князья, Влади-

міровичи, Ольговичи, мы двое, единаго и того же семейства Мономахова, толь яростно и неутомимо препирались въ жизни, нынѣ, какъ сказываютъ тѣни, преселяющіяся въ сіи счастливыя мѣста, пренебреженъ, близокъ къ паденію, видитъ древнюю честь свою въ забвеніи, и Владиміръ, сооружаемый рукою сына твоего, Андрея, пріуготовляется быть столицею Россіи. Скажи, заслуживало ли обладаніе симъ градомъ, чтобъ ты оставилъ изобильные брега Москвы и Оки, и утомилъ вѣрныхъ своихъ Суздальцовъ и Ростовцовъ безполезными походами подъ Кіевъ? Населитель пространнаго края, основатель толь многихъ городовъ, не могъ ли ты оставить меня, твоего племянника, сына Мстиславова, наслаждаться въ покоѣ плодами храбрости своей и правомъ наслѣдства?

Георгій. Сіе право было сомнительно и влагало мнѣ оружіе въ руки. Ты знаешь обыкновеніе, столѣтіями утвержденное въ потомствѣ Рюриковомъ, что владѣніе преходило не отъ родителя къ сыну, но отъ брата къ брату, или старѣйшему въ семействѣ. Вячеславъ былъ старшій братъ мой; но честолюбіе его не было сопровождаемо силою душевною. Повинуясь побужденію страстей моихъ и пріученный къ страшному позорищу войны, я мѣшалъ сраженія съ забавами. Столь же счастливъ въ пріобрѣтеніи, сколько несчастливъ въ сохраненіи завоеваній, я терялъ побѣды оплошностями мира. Кіевъ выходилъ изъ-подъ владычества моего недоброже-

лательствомъ гражданъ и твоею дѣятельностію, подкрѣпленною Венграми и Поляками. Блестящая храбрость сына моего, Андрея, и сила галицкаго князя Владимірка исправляли ошибки мои. Наконецъ, по кончинѣ твоей ни что не могло похитить у меня престола великокняжескаго. Несчастія междоусобія необходимы въ такомъ составленіи государства, каково было наше, гдѣ право верховнаго владѣнія колебалось, не установленное между многими равными и независимыми князьями. Одно страшное право сильнаго, одна война могла рѣшить несогласія наши.

Изяславъ. Что можетъ сравняться съ несчастіемъ народа, который былъ жертвою властолюбія нашего? Сколь счастливо государство единородное, составляющее единое нераздѣльное тѣло, гдѣ пользы всѣхъ и каждаго соединены въ особѣ государя, справедливаго и благотворительнаго! Можетъ быть, придетъ и для Россіи время, что превосходный умъ соберетъ раздробленныя ея части. Безъ соперниковъ, безъ родственныхъ распрей, приведетъ онъ за собою спокойствіе, просвѣщеніе, славу, и покажетъ вселенной силу и величество народа русскаго.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ И ВСЕВОЛОДЪ III ЮРЬЕВИЧЪ.

[illegible]

Андрей. Благодаренія мои недостаточны для воздаянія братней любви твоей и Михайловой, праведно казнившей недостойныхъ убійцъ моихъ, неблагодарныхъ Кучковичей. Въ собственной совѣсти своей нашли вы первое наслажденіе: и сіи чистыя радости, которыя здѣсь внушаетъ добродѣтель, не возмущаются для васъ ни какимъ смѣшеніемъ прискорбія. Что касается до меня, не могу забыть, что великія намѣренія мои преторгнуты злодѣйствомъ приближенныхъ моихъ, и я остановленъ среди поприща чести. Уже гордый Новгородъ низлагалъ предо мною своеволіе свое, опасаясь жребія равнаго съ Кіевомъ, котораго престолъ и могъ и не хотѣлъ себѣ присвоить. Замышляя единство Россіи, предпочелъ я раждающееся великолѣпіе Владиміра, памятникъ могущества моего. Провидѣніе долѣе сохранило тебя на престолѣ для счастія подданныхъ, и ты имѣлъ несравненное удовольствіе побѣдить и простить безпокойнаго врага своего, Глѣба, князя рязанскаго.

Всеволодъ. Симъ единымъ дѣломъ умѣренности я довольнѣе, нежели знаменитѣйшими успѣ-

хами брани. Какой россійскій князь имѣлъ болѣе случаевъ показать сіяющее геройство, какъ Андрей Боголюбскій? При жизни родителя нашего, рука твоя удерживала побѣду въ станѣ его. Твое присутствіе обращало толпы непріятелей въ бѣгство. Народы покорены мечемъ твоимъ; богатые Болгары погребены подъ развалинами стѣнъ своихъ. Твоей славы довольно было, чтобъ вознести любимый тобою Владиміръ выше древняго Кіева. Что я говорю? Ты не усомнился повергнуть въ прахъ златые храмы его, чтобъ устрашить обезсиленныхъ его владѣтелей. Поколебавъ Новгородъ, ты хотѣлъ покорить себѣ всю Россію. Но между тѣмъ сердца народныя были отдалены отъ тебя, и одна частная месть вооружила руку убійцы.

Андрей. Согласный съ тобою, нынѣ обвиняю излишество моего честолюбія. Счастіе ослѣпило очи мои. Столько славныхъ подвиговъ дѣлали мнѣ всякое сопротивленіе несноснымъ; а сіи самые подвиги утомляли отечество, хотя раздробленное, но общее. Ласкатели,—язва государей, питая слабости мои, пріуготовляли бѣдствіе народа. Напрасно именованіе Боголюбскаго и великолѣпіе священныхъ зданій свидѣтельствуютъ мое благочестіе. Государь, угоднѣйшій Высочайшему Существу, есть тотъ, который посвятилъ всѣ труды и желанія свои благополучію народа.

КОНСТАНТИНЪ И ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧИ.

Раздѣленіе и междоусобіе столь бѣдственны государству, что, отлучая выгоды одной части отъ пользы общественной, они предаютъ его безъ защиты въ жертву первому непріятелю, который захочетъ воработить его.

Константинъ. О, несчастіе! о, мой любезный братъ! раны твои еще каплютъ кровію! Твоя безсмертная душа не можетъ еще освободиться совершенно отъ ужаса и отчаянія, которыя омрачили послѣднее явленіе жизни твоей. Въ сихъ объятіяхъ воспріими спокойствіе. Нѣкогда непріятель твой, по несчастнымъ раздорамъ наслѣдства, но всегда чувствуя въ себѣ неизмѣняющуюся нѣжность брата, Константинъ вдвое чувствуетъ свое блаженство; срѣтая тебя въ семъ небесномъ жилищѣ, гдѣ ненависть и злоба позабываются безвозвратно и души воспоминаютъ единую любовь свою.

Георгій. Я имѣю нужду во всей силѣ ея, чтобъ утѣшиться и здѣсь въ претерпѣнныхъ мною потеряхъ. Супруга, дѣти, сродники, Владиміръ — и, что я говорю? Россія, Россія мною потеряна. Народъ ужасный, неизвѣстный (Татары имя ихъ), изліясь изъ странъ столько же дикихъ, какъ они, разбили воинства россійскія, порознь и безъ согласія враждующими князьями имъ противупоставленныя. Я ласкался — горестный обманъ! — избавить отъ свирѣпства ихъ частныя мои владѣнія, не содѣйствуя сильнымъ образомъ

Мстиславу Кіевскому и, другому, Мстиславу Галицкому, котораго пламенный духъ болѣе ускорилъ жребій Россіи, нежели остановилъ его, несчастнымъ сраженіемъ при Калкѣ. Я оставался между тѣмъ во Владимірѣ въ обманчивомъ спокойствіи. Думали, что сіе разлитіе варваровъ исчезло: они возвратились страшнѣе, предводительствуемые Батыемъ. Ослѣпленіе мое миновалось на краю бездны. Я поспѣшаю перейти Волгу и расположить станъ мой на брегахъ Сити. Они уже разорили столицу мою и ужасныя вѣсти приходятъ ко мнѣ вмѣстѣ со тмами силъ, которыми я и воинство мое низлагается.

Константинъ. Должно повиноваться съ благоговѣніемъ судьбамъ Всевышняго. Народы, такъ, какъ человѣки въ особенности, подвержены многимъ искушеніямъ несчастія, и преходятъ медлительно различныя степени отъ слабости и невѣжества къ силѣ и просвѣщенію. Но я не могу льстить тебѣ. Кончину свою ты не можешь причитать себѣ въ несчастіе. Ты удерживалъ паденіе отечества хотя единое мгновеніе, — и того довольно. Кто согласится пережить вольность и славу земли своей? Жизнь есть бремя и позоръ для того, кто ею могъ и не хотѣлъ спасти отечества. Греція была также угрожаема неволею Персовъ. Но она имѣла Леонида. Леонидъ шелъ на извѣстную смерть и вкусилъ ея славу. Что произвела бы ему долгая жизнь превосходнѣе и величественнѣе безсмертія, которымъ онъ наслаждается?

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И МИХАИЛЪ ТВЕРСКІЙ

[illegible]

Александръ. Все, что я ни слышу, все [illegible]-настъ меня ужасомъ и сожалѣніемъ. Любезное отечество! несчастная Россія! Твои грады [illegible] не-пространны Батыемъ, поля утучнены россійскою кровію и священное величество твое приняло, что [illegible] его чужого [illegible] чтобъ и въ бѣдствіи [illegible] ты сама на себя вооружила руки! Несчастные и [illegible]-бимые [illegible] Михаилъ, Георгій! [illegible] чтобъ препираться другъ съ другомъ о печальномъ первенствѣ и своими раздорами [illegible] оте-чества [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Я [illegible] ходилъ въ Орду [illegible] [illegible]. Но я ходилъ не для того, чтобъ клеветать на братій моихъ и [illegible]. Я ходилъ для [illegible] [illegible], для [illegible] руки [illegible] [illegible] Россіи [illegible] и въ рабствѣ [illegible] [illegible] Я [illegible] [illegible]

побѣды надъ Шведами, которыя пріобрѣли мнѣ наименованіе Невскаго, и въ общемъ несчастіи помнилъ только, что я сынъ отечества. Сей образъ мыслей, безкорыстный и возвышенный, принудилъ и варвара къ удивленію, и Батый долженствовалъ чтить меня въ самомъ моемъ уничиженіи.

Михаилъ. Честолюбіе наше, переживъ вольность отечества, сдѣлало насъ игралищемъ хановъ. Кровь наша, вмѣсто того, чтобъ литься на ратномъ полѣ, для низверженія позорнаго ихъ владычества, была проливаема въ Ордѣ слугами жестокости ихъ и самовластія, какъ кровь презрѣннаго преступника. Георгій Данилювичъ дѣйствовалъ противъ меня силою и хитростію. Подкрѣпленный супружествомъ Кончаки, сестры Узбековой, онъ осаждаетъ меня въ Твери. Я дерзаю устремиться на Татаръ, россійское мужество оживаетъ, Кавгадый бѣжитъ. Царевна Кончака плѣнница въ рукахъ моихъ.... Благородное сердце твое, Александръ, не можетъ участвовать въ обидномъ подозрѣніи, чтобы я былъ виновникомъ ея смерти. Отягчённый толь мрачнымъ злодѣйствомъ, имѣлъ ли бы я сію твердость, внушаемую невинностію, съ которою предсталъ я на судъ Узбековъ? Я не хочу оскорбить слуха твоего изображеніемъ всѣхъ мукъ, претерпѣнныхъ мною. Едва вѣроятно, чтобы человѣкъ могъ услаждаться терзаніями другихъ.

Александръ. Удалимъ отъ себя сіе ненавистное воображеніе; утѣшимся происшествіями

счастливѣйшими. Владычество толь дикаго народа не можетъ быть долговременно. Упадетъ сія нестройная громада подъ собственною своею тяготою, между тѣмъ какъ просвѣщеніе, законы и нравы, сооружая зданіе свое медлительно, возведутъ Россію на степень величія, нами еще незнаемую Россіяне, рожденные въ лучшія времена, будутъ искать и не найдутъ на берегахъ волжскихъ сего пышнаго становища ордынскаго, куда Александръ путешествовалъ, и гдѣ Михаилъ Тверской окончилъ несчастную жизнь свою.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ И ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

Для спасенія отечества мало государю воинскихъ добродѣтелей: тотъ, котораго мудрость руководствуется справедливостію, великодушіемъ, кротостію, трудолюбіемъ, тотъ одинъ оставляетъ правнукамъ своимъ много славы и благополучія народнаго.

Александръ. Вотъ первое мгновеніе, въ которое сердце мое сладостно успокоивается въ объятіяхъ государя-побѣдителя, доказавшаго отечеству, что оно можетъ низвергнуть недостойныя свои узы. Долго видѣлъ я ужасомъ князей потомковъ моихъ, иногда храбрыхъ, но унижающихся предъ Татарами, открывающихъ имъ постыдныя междоусобія свои, судимыхъ, изгоняс-

мыхъ, умерщвленныхъ.... Загладимъ, если можно, въ памяти нашей сіи отвратительныя происшествія. Струи донскія омыли позоръ нашъ. Изумленный Темникъ-Мамай, трупами татарскими покрытое поле Куликово и загражденная ими Непрядва утѣшаютъ героевъ нашихъ, отважившихся рѣшить судьбу отечества при Калкѣ. Какъ полководецъ благоразумнѣйшій и не менѣе храбрый воинъ, ты подвергалъ опасности драгоцѣнную жизнь свою, и долго участники побѣды твоей оплакивали тебя неотысканнаго между трупами убіенныхъ.

Димитрій. Провидѣніе, даровавшее Россіи побѣду, благоволило сохранить жизнь мою. Я не исключалъ ея изъ жертвъ, посвященныхъ мною съ первой минуты правленія отечеству. Я не искалъ славы, отдѣленной отъ славы онаго, ни другаго счастія, кромѣ общаго блага. Какъ глава князей россійскихъ, иногда я принужденъ былъ подкрѣплять право мое оружіемъ; но покорность полагала конецъ ополченію моему. Утѣснитель юности моей, Димитрій Константиновичъ Суздальскій, испыталъ благодѣянія мои и явилъ себя ревностнѣйшимъ другомъ моимъ. Князь Михаилъ Александровичъ Тверской, возбужденный наслѣдованною враждою къ Московскому Престолу, сильный союзомъ Литвы и дарованіями Ольгерда, впдѣлъ себя въ рукахъ моихъ и Тверь, угрожаемую приступомъ; но онъ зналъ, что защита его въ сердцѣ моемъ, и что кровопролитіе, самое справедливое, было мнѣ ненавистно.

[illegible]

[illegible]

хановъ. Сколь ты меня счастливѣе! Я принялъ государство только впадшее въ неволю; отъ тебя зачало оно воздымать главу свою и низвергать оковы.

ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ,

(СКОПИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВА).

Качества одного человѣка преимяютъ иногда судьбу народовъ, и государство, надъ которымъ великій человѣкъ владычествуетъ, возвышается.

Владиміръ. Сіи тѣни героевъ и князей россійскихъ, которые были честію поколѣній своихъ, удаляются, кажется, изъ почтенія къ намъ обоимъ, и оставляютъ насъ единыхъ. Какое наслажденіе для меня, занять бесѣдою моею первыя твои мгновенія въ жилищѣ блаженныхъ! Пять столѣтій, раздѣляющихъ бытіе наше на землѣ, не произвели ни какого различія между душами нашими. Тѣ же чувствованія славы, любви отечества, царскаго долга одушевляли насъ обоихъ. Я оставилъ Россію владычицею отъ моря Варяжскаго до горъ Венгерскихъ, приближающуюся скорымъ шествіемъ къ просвѣщенію. Ты изъ неволи вознесъ ее къ владычеству, дающую законы Татарамъ, приводящую въ трепетъ

Ливонію и Польшу. Ты хотѣлъ украсить искусствами Россію, толь долго томимую междоусобіемъ и неволею. Но я раздѣлилъ ее; ты соединилъ въ монархію сильную и исцѣлилъ язву, мною причиненную.

Іоаннъ. Должно чувствовать истинное величіе въ душѣ своей, чтобы не бояться уничиженія въ признаніи погрѣшностей. Сіе единое слово открываетъ мнѣ Владиміра, того, который, бывъ насыщенъ славою владычества и побѣдъ, чувствуетъ жажду истины. Верховный разумъ его оскорбляется признавать въ безсильномъ кумирѣ Создателя и Правителя вселенной. Побѣдитель толь многихъ народовъ, не стыдится просить ученія у другихъ. Въ Римъ, въ Царьградъ, въ Болгары отправляются послы его. Сердце его убѣждается свѣтомъ истины, и пространный край Сѣвера заимствуетъ возвышеннѣйшія понятія кротости, человѣколюбія, отъ примѣра монарха. Увлеченный нравами времени своего, ты хотѣлъ быть справедливымъ, раздѣляя между сынами своими владычество. Мудрый Ярославъ то же дѣлаетъ послѣ тебя. Рожденный въ такое время, когда бѣдственные опыты цѣлыхъ столѣтій свидѣтельствовали противъ сего вреднаго правила раздѣленія; когда многіе прежде меня покушались безполезно соединить раздробленныя части государства; пользуясь ежедневно возрастающею силою московскаго престола, ослабленіемъ княжескихъ родовъ и междоусобіемъ Татаръ, я отрѣшилъ систему удѣловъ,

и счастливымъ, но необходимымъ насиліемъ, соединилъ въ единой особѣ власть цѣлаго государства.

ВЛАДИМІРЪ. Слава твоя совершенна тѣмъ, что ты умѣлъ соединить пользу государственную съ человѣколюбіемъ. Увѣренный въ побѣдѣ, ты желалъ лучше быть обязанъ успѣхомъ благоразумію своему; нежели оружію. Ты созидалъ съ терпѣніемъ и наслаждался будущимъ. Съ какою кротостію обуздалъ ты своеволіе Новагорода! Съ какою осторожностію пріобрѣтеніемъ Твери совершилъ цѣлость государства! Но ты сіяешь славою мужества, когда, поправъ позорную Басму, наводишь ужасъ на Ахмета на берегахъ Оки и Угры, и въ самой Ордѣ полагаешь конецъ ея владычеству.

РОМАНЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЗАХАРЬИНЪ И ОКОЛЬНИЧІЙ АДАШЕВЪ.

Любовь народа есть превосходнѣйшее наслажденіе государей. Торжества, рукоплесканія, безмолвіе рабства повелѣваются страхомъ; любовь заслуживается одною добродѣтелью.

РОМАНЪ ЮРЬЕВИЧЪ. Какое уныніе омрачаетъ лицо твое, добродѣтельный Адашевъ? Сохранивъ непоколебимое спокойствіе духа въ самой тѣни-

ности, здѣсь ли будешь удрученъ горестію? Неспособный къ худому дѣлу, ты видѣлъ приближеніе кончины своей, какъ вечеръ прекраснаго дня. Долѣе оставленный на землѣ, ты могъ бы служить еще отечеству, подавая мудрые совѣты государю своему, опечаленному потерею моей любезной Анастасіи. Я чувствую всю его утрату. Но тотъ жилъ довольно, кто жилъ только для добродѣтели.

Адашевъ. Ни жизни не жалѣю, ни сей довѣренности, которой лишили меня подлые ласкатели. Но я не могу вспомнить безъ негодованія, что они окружаютъ навѣтами своими Іоанна. Духъ его, бодрый и дѣятельный, но пылкій и насильственный, былъ умѣряемъ кроткими пріятностями дщери твоей. Теперь страсти его не имѣютъ сего счастливаго обузданія: страхъ окружилъ престолъ его. Рожденный для вознесенія Россіи надъ сосѣдственными странами, онъ не украшаетъ славы сей любви достойными добродѣтелями родителя и дѣда. Ты помнишь, съ какимъ снисхожденіемъ Василій наказывалъ виновныхъ вельможъ своихъ, Бѣльскаго, Глинскаго, уступая одному правосудію, не увлекаясь мщеніемъ. Славный завоеватель Казани, предаваясь порывамъ запальчивости, забываетъ умягчать владычество свое любовію подданныхъ. Свободная истина не смѣетъ приблизиться къ престолу его. Подлыя души, которымъ уничиженія ничего не стоятъ, воздвигли кругомъ его непроницаемую преграду. Друзья отечества удалены ужасомъ. Отецъ на-

рода не оскорбляется именованіемъ Грознаго. Окруженный безполезною стражею опричниковъ, онъ самъ начинаетъ чувствовать тотъ ужасъ, который въ другихъ вселяетъ. Ты видишь меня падшаго жертвою клеветы, и весь родъ мой, подверженный той же опалѣ.

Романъ Юрьевичъ. Чувствительная Анастасія, какимъ ударомъ поразитъ тебя сіе измѣненіе супруга твоего! Казань, Астрахань, Сибирь преклоняютъ колѣна свои: онъ не можетъ воспретить бурямъ души своей! Потомство будетъ взирать съ удивленіемъ на великаго человѣка, который хотѣлъ и могъ дать новое существованіе народу своему. Первый изъ царей былъ бы первымъ изъ государей, ежели бы не восхотѣлъ править жестокостію, если бы ко властвованію надъ государствомъ присоединилъ другое владычество, не менѣе трудное,—надъ самимъ собою.

БОЯРИНЪ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ И ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ КОСЬМА МИНИЧЪ МИНИНЪ.

Для гражданина нѣтъ степени знаменитѣйшей, какъ неоцѣненное счастіе способствовать спасенію отечества жертвами личной корысти, имущества, спокойствія, здравія и жизни.

Мининъ. Мой другъ, мой герой вселяется въ жилищѣ добродѣтели и счастія. Бояринъ и князь

не гнушался еще и въ той жизни дружбою и сообществомъ великаго князя нижегородскаго. Моя ревность къ отечеству въ глазахъ твоихъ служила мнѣ вмѣсто благодѣтеля. Что я говорю? Общее наше достоинство гражданина поставило меня выше прелестей частнаго прибытка, а тебѣ дало силу, во избавленіи отечества, укланяться отъ престола. Скажи, величественный другъ мой, что дѣлаетъ юный царь нашъ, сынъ храбрыхъ Романовыхъ, котораго бояре и народъ возвели на тронъ потомковъ Рюрика и Владиміра? Отдыхаетъ ли Россія послѣ толь многихъ лѣтъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ благословеннымъ царствованіемъ, котораго я видѣлъ только начало?

Князь Пожарскій. Нѣтъ сомнѣнія, труды наши не пропали. Кроткій Михаилъ, рукоположенный опытностью родителя своего, Филарета Никитича, которому для уваженія не малобыло патріаршескаго сана, врачуетъ тишиною Россію утомленную. Неважныя уступки горькимъ врагамъ ея, которыя, можетъ быть, возвратятся съ лихвою, доставляютъ ей теперь драгоцѣннѣйшее благо — миръ. Земледѣліе и торговля цвѣтутъ въ тѣни его. Долгое безначаліе уступитъ порядку. Успѣхи военнаго искусства заимствуются отъ иностранныхъ и еще болѣе одушевляютъ неустрашимость Россіянъ. Скоро сіе огромное государство возвысится величественнѣе послѣ бѣдствій своихъ, и удивитъ кичливую Европу. Загладятся кровавые слѣды самозванцевъ, чудовищъ, которыя мстили злодѣйство Годунова. Не-

понятно будетъ счастливѣйшимъ потомкамъ, что Шведы были въ Новѣгородѣ и Поляки въ Москвѣ, и что оба народа сіи мечтали дать государя Россіи. Вспомнятъ, что между развалинъ государства Мининъ возсталъ на спасеніе его и великодушнымъ жертвованіемъ самого себя воспламенилъ Пожарскаго. Нѣтъ, мой другъ, пусть бы состояніе твое было еще ниже: какой Россіянинъ, какой гражданинъ произнесетъ имя твое безъ особливаго уваженія? Украсивъ тебя званіемъ думнаго дворянина, царь почтилъ самъ себя. Возвысить тебя было не можно.

Мининъ. Такимъ образомъ истинное геройство наслаждается похвалами, которыя расточаетъ! Какой полководецъ показалъ болѣе дарованій и въ лучшемъ дѣлѣ, какъ побѣдитель Ходкевича въ осадѣ Москвы? Кто снисходительнѣе раздѣлилъ славу свою съ соперникомъ, какъ ты съ Трубецкимъ? Съ какою прозорливостью обнялъ ты цѣлое государство, съ самаго того мгновенія, какъ гражданство нижегородское умолило тебя воспріять начальство надъ воинствомъ, которое въ нѣдрѣ его составилось! Съ одной стороны удерживалъ ты грабежи Заруцкаго, съ другой надзиралъ надъ хищеніемъ Понтуса де-ла-Гардія. Ты пропиталъ безчисленный народъ московскій въ самое то время, когда осаждалъ его. Но сего довольно. Рюрикъ, Владиміры, Димитрій, Іоанны нетерпѣливо желаютъ видѣть спасителя Россіи.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ И АРХІЕПИСКОПЪ НОВОГОРОДСКІЙ ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ, ПЕРВЕНСТВУЮЩІЙ ЧЛЕНЪ СѴНОДА.

Служители Всевышняго Существа, исполняя съ благоговѣніемъ торжественный долгъ свой, должны наслаждаться въ спокойствіи покровительствомъ законовъ и, не касаясь гражданственной власти, возвышать души ученіемъ и исправлять сердца кротостію.

Никонъ. Чувствованія мои будутъ конечно вразумительны тому, кто былъ послѣ меня знаменитѣйшимъ украшеніемъ Церкви россійской, кто къ священному ученію присовокупилъ мірскія дарованія учености, письменъ, обхожденія. Удивительный витія, дѣловой человѣкъ, царедворецъ, ты наслаждался такою же милостію у государя своего, Петра Алексѣевича, какою удостоивалъ меня родитель Его, Царь Алексѣй Михайловичъ. Но ты счастливѣе меня умѣлъ до конца сохранить довѣренность Его и сіять еще въ послѣдующія царствованія. Подобно какъ я, держалъ ты кормило Церкви, и тебѣ недоставало только имени патріарха.

Ѳеофанъ. Принадлежа болѣе къ великолѣпію, нежели къ святости богослуженія, оно отрѣшено навсегда въ Россіи. Введенное безполезнымъ соревнованіемъ съ Греками въ слабое царствованіе Ѳеодора Іоанновича, уваженное особою Филарета Никитича, патріаршеское достоинство ста-

новилось другою верховною властью въ государствѣ. Ты самъ испыталъ, что величайшія добродѣтели не защищаютъ насъ отъ честолюбія. Можетъ быть, зависть, которую возбудилъ ты сіяющими дарованіями, суевѣріе, оскорбленное просвѣщеніемъ твоимъ, приписали тебѣ замыслы, въ которыхъ ты не былъ виновенъ. Но ты не можешь отрицать, чтобы вліяніе въ государственныя дѣла не огорчило дней твоихъ. Побѣдитель Польши, присовокупитель Малороссіи и Смоленска, Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ снести терпѣливо отпора, который учинили Шведы подъ Ригою, и неудачи войны были возложены на того, кто присовѣтовалъ ее. Самовольное уединеніе твое было истолковано возмущеніемъ, и строгій соборъ низвелъ тебя съ патріаршескаго престола, который занималъ ты столь достойно.

Никонъ. Спокойствіе духа моего было порукою моей невинности. Удаляясь отъ величія и шума дѣлъ въ созидаемомъ мною Воскресенскомъ монастырѣ, хотѣлъ я напомнить прежніе дни мои, когда, будучи юнымъ отшельникомъ, исполнялъ я всѣ строгости иноческой жизни. Ревнуя сохранить отъ забвенія дѣянія россійскія, я употребилъ досугъ мой на снесеніе въ одинъ списокъ Нестора и послѣдовавшихъ ему лѣтописателей даже до моего времени. Злобные невѣжды возбудили гоненіе противъ меня. Но Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, столько же знаменитый истребленіемъ мѣстничества и учрежденіемъ московской академіи, какъ и тѣмъ, что назначилъ преемни-

комъ своимъ младшаго брата своего, Петра, облегчилъ жребій мой и возстановилъ память. Одно сожалѣніе остается незагладимо въ сердцѣ моемъ то, что мои церковныя исправленія служили невиннымъ поводомъ къ расколу: и я спѣшу узнать отъ тебя, приведены ли наконецъ сіи подлые суевѣры въ послушаніе Церкви?

Θеофанъ. Успѣхамъ просвѣщенія, кроткой силѣ слова оставлено снять съ очей ихъ мракъ заблужденія. Повелѣвать совѣсти есть дѣло мучителя. Долго темницы инквизиціи и гордое нетерпѣніе духовныхъ были безчестіемъ кроткой Вѣры. Творческій духъ Петра Великаго открылъ въ Россіи свободное пребываніе всѣмъ народамъ и исповѣданіямъ. Счастливѣе Лудовика XIV, онъ не былъ увлеченъ пустыми состязаніями духовныхъ и не жертвовалъ фанатизму благосостояніемъ государства. Въ глазахъ нашихъ совершилась перемѣна, которой вы не воображали. Внезапу Россія вступила на чреду просвѣщеннѣйшихъ народовъ европейскихъ и поколебала равновѣсіе ихъ. Превзойдены честолюбивѣйшія надежды Алексѣя. Побѣдоносное войско соединило устройство съ храбростью. Моря отверзты Россіянамъ. Въ самомъ рожденіи своемъ Санктпетербургъ сіяетъ войною, торговлею, искусствами, именемъ основателя своего. Новые нравы присвояются многочисленнымъ народомъ. Именованія Отца Отечества, Великаго Императора, приносятся народомъ Его и подтверждаются другими. Ежели онъ не издалъ Уложенія, такъ, какъ Царь

Алексѣй Михайловичъ, то частныя учрежденія Его, любовь правосудія и введеніе новыхъ правовъ не менѣе заслуживаютъ имя Законодателя.

ГОРАЦІЙ И КНЯЗЬ АНТІОХЪ ДИМИТРІЕВИЧЪ КАНТЕМИРЪ.

Народы достигаютъ истинной славы единственно тогда, какъ могущество ихъ украсится письменами и просвѣщеніемъ.

Горацій. Наслажденія, которыя скромный другъ мой, Виргилій, обѣщалъ въ величественныхъ пѣсняхъ своихъ героямъ, благодѣтелямъ человѣчества и душамъ чувствительнымъ къ прекрасному, мы вкушаемъ нынѣ совершенно въ сихъ рощахъ спокойныхъ и счастливыхъ. Стихотворцы перемѣшаны съ героями, которыхъ они воспламеняли мужество или воспѣвали славу. Пріуготовленные обхожденіемъ Музъ къ чувствованію истиннаго блаженства, и на землѣ еще будучи, мы не полагали счастія такъ, какъ невѣжды, въ пріобрѣтеніи тлѣнныхъ удовольствій роскоши и богатства. Мы искали, что̀ истинно и прилично, и сообщали соотечественникамъ своимъ сей вкусъ прекраснаго и любовь мудрости, которыя составляютъ отличіе просвѣщеннаго народа. Услаждая слухъ Августовъ звуками лиры

моей, я влилъ въ душу его кротость и любовь славы. Послѣдуя стопамъ моимъ, ты забавилъ Россіянъ, и сказывалъ истину смѣясь. Ты открылъ имъ поприще письменъ, и останешься болѣе извѣстенъ тѣмъ, что ты былъ первый стихотворецъ своего народа, нежели тѣмъ, что ты представилъ величество его въ Англіи и Франціи.

Князь Кантемиръ. Лестнѣйшія мои желанія исполнены: бесѣдую съ Горацiемъ. Я могу сказать тебѣ изустно, сколько плѣняли меня стихи твои, снисходительная мудрость, тонкое остроуміе придворнаго и величественный духъ стихотворца, соревнователя греческой лиры. Въ столѣтіи, столько же просвѣщенномъ, сколь развратномъ, ты умѣлъ возобновить легкія игры Анакреоновы, пламенное выраженіе Сафы и смѣлыя парѳнія Пиндара. Творецъ новаго рода стихотворства, ты далъ намъ полную систему нравоученія самаго здраваго въ посланіяхъ остроумныхъ и естественныхъ. Какъ порицатель беззлобный, въ сатирахъ своихъ осмѣивалъ ты пороки и щадилъ порочныхъ. Законодатель вкуса, ты останешься вождемъ стихотворцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Чувствовать красоты твои было мое достоинство: перенести ихъ въ мой отечественный языкъ,—покушеніе раннее и ожидающее успѣха отъ позднѣйшихъ писателей. При мнѣ стихосложеніе не имѣло правилъ своихъ: языку не доставало избранности и благородства. Въ нѣдрахъ прекраснаго языка лежали сокровища его не открыты. Уроженецъ крайняго Сѣ-

вера (кто бы подумалъ?), сынъ земледѣльца — видишь сію величественную тѣнь, бесѣдующую съ Цицерономъ и Галилеемъ — Ломоносовъ даровалъ согласіе и величество Слову россійскому. Сія другая тѣнь, послѣдующая издали Расину, Сумароковъ, испыталъ языкъ трагедіи и сотворилъ множество пріятностей, заимствованныхъ изъ общества. Ихъ слава возбудила удачныхъ соревнователей. На брегахъ Невы и Волги повторяются пѣсни, слышанныя прежде при источникахъ Аретузы. Россіянинъ умѣетъ побѣждать и воспѣвать свои побѣды. Письмена воспитываютъ чувствительное юношество и обѣщаютъ народу просвѣщеніе, добродѣтели и счастіе.

ОПЫТЫ ИСТОРІИ.

ОПЫТЫ ИСТОРІИ.

—

УЧЕНІЕ ИСТОРІИ.

Исторія не есть безполезное знаніе маловажныхъ приключеній, которыя случились съ какимъ нибудь частнымъ человѣкомъ, или обществомъ, и которыхъ вліяніе не простираясь далѣе тѣсныхъ предѣловъ его дѣятельности. Исторія, заслуживающая сіе названіе, представляетъ народы, сіи великія семейства человѣческаго рода, проходящія постепенно различные возрасты и состоянія, которыя находятся между грубости дикаго, состоящаго въ непосредственномъ покровительствѣ природы, и между просвѣщеннаго гражданина, который силенъ соединеніемъ своимъ съ тысячами, наслаждается въ спокойномъ обществѣ возвышеннѣйшимъ состояніемъ благополучія, какое только суждено человѣчеству. Отдаленная отъ предразсужденій, отъ ненависти, отъ ласкательства, ревностная для единой добродѣтели, страшная для порока, Исторія обязана истиною человѣческому роду. Она представляетъ будущимъ поколѣніямъ примѣры прошедшаго. Подобно какъ зажигаютъ огни на островахъ и

возвышеніяхъ посреди моря, усыпаннаго каменьями, для избавленія мореплавателя отъ неминуемаго кораблекрушенія: такъ Исторія возноситъ свѣтильникъ свой надъ преткновеніями, которыя угрожаютъ государствамъ бѣдствіями и разрушеніемъ. Она служитъ вмѣсто опытности государственному человѣку. Ни какая опытность не можетъ замѣнить помощи, доставляемой Исторіею. Правители были бы сожалѣнія достойны и болѣе еще несчастливы народы, ежели бы каждое новое поколѣніе, лишенное свѣдѣнія о предшествовавшихъ дѣлахъ, должно было запасать само для себя трудную и опасную опытность. Исторія дѣлаетъ насъ современниками отдаленнѣйшей древности. Можно сказать, что мы лучше знаемъ составленіе, пособія и несовершенства сихъ древнихъ правленій, нежели тѣ самые, которые были дѣйствователями: не для того, чтобъ имъ не доставало проницанія, но затѣмъ, что ни какіе предразсудки времени и народнаго пристрастія не измѣняютъ въ глазахъ нашихъ настоящаго свойства дѣйствій, и потому, что мы имѣемъ выгоду видѣть всѣ происшествія, приведенныя къ заключенію ихъ и составляющія одно цѣлое. Всѣ причины имѣли полное дѣйствіе и ничего не оставлено дополнить догадкамъ.

Такимъ образомъ можемъ судить справедливо о Римѣ и Карѳагенѣ; и хотя знаемъ происшествія сіи по однимъ римскимъ историкамъ, до насъ дошедшимъ, мы умѣемъ исправлять пристрастныя повѣствованія побѣдоноснаго народа

уваженіемъ множества побочныхъ обстоятельствъ, памятью дѣлъ и предпріятій сей враждебной республики, которой бытіе и гибель имѣли столь великое вліяніе на безопасность и твердость Рима, и предположеніемъ сей общей слабости всѣмъ враждующимъ между собою народамъ, которою они побуждаются скрывать погрѣшности свои и увеличивать подвиги. Такимъ образомъ мы чувствуемъ теперь, какимъ ударомъ поразили республику вельможи римскіе, когда, противясь всѣми силами предпріятіямъ Гракховъ, они показали явственно народу, что они движимы страстію владычества и раздѣляютъ пользы свои съ пользами народа. Съ тѣхъ поръ чернь римская, безъ пропитанія, безъ пристанища и именемъ однимъ владычица вселенной, видѣла себя рабствующею вельможамъ, которые были сильнѣе царей. Безпрестанные заговоры честолюбивыхъ, увѣренныхъ, что дерзость ихъ будетъ подкрѣплена скудною чернью; собранія народа, превращенныя въ явленія междоусобія и убійства; новыя чиноначальства подъ предлогомъ возстановленія республики; легіоны въ полномъ шествіи противъ Рима; консулы противъ консуловъ и орлы враждебные орламъ,—таковы были ужасныя ступени, по коимъ республика римская, потерявшая нравы свои, низвержена была съ верху сіянія и величія своего. Великіе люди, участвовавшіе въ приготовленіи или совершеніи сихъ дѣйствій, увлекаемые стремленіемъ вещей и собственными страстями, не могли исчислить вреда, который

наносили они отечеству. Полезные зрители сего великаго и минувшаго позорища, мы не имѣемъ нужды въ дарованіяхъ Катона и Цицерона, чтобъ опредѣлить настоящія причины несчастій, коихъ они не могли предупредить, и чтобы порицать съ основаніемъ умрямство одного и ослѣпленіе другого. Погрѣшности великихъ людей становятся разительнымъ наставленіемъ для насъ. Ихъ добродѣтели, безкорыстная преданность отечеству, отверженіе частныхъ выгодъ, строгая справедливость, возжигая въ сердцахъ нашихъ искру соревнованія, возвышаютъ насъ къ сообществу сихъ величественныхъ образцовъ. Ихъ чувствованія становятся нашими посредствомъ удивленія, которое они внушаютъ, и добродѣтель въ дѣйствіи принимаетъ для насъ живой образъ и знакомыя черты.

Благородно то сердце, которое удостоиваетъ сладостными слезами несчастную добродѣтель и прахъ героевъ каждаго вѣка и каждой страны! Оно достойно само пріобрѣсти безсмертіе дѣлами великими и полезными, и снискать въ потомствѣ то же состраданіе и почтеніе, которыя оно воздавало предшественникамъ своимъ. Какія выгоды настоящей жизни могутъ войти въ сравненіе съ безподобною честію служить великимъ примѣромъ и жить въ Исторіи! Чины и внѣшнія отличія могутъ быть снискиваемы происками и привлекаютъ одно вниманіе современниковъ. Слава, истинная слава, вписываетъ имена любимцевъ своихъ въ лѣтописи вселенной. Какой на-

родъ, какое столѣтіе будутъ столь несчастливы, чтобъ до нихъ не дошли имена Аристида и Эпаминонда, Сципіона и Марка Аврелія, Генриха IV и Сюлли. Тюреня и Густавовъ, и того, которымъ Россія приняла новое бытіе, Петра Великаго? Неравные обыкновеннымъ людямъ, они зачинаютъ по смерти другое долгое существованіе въ памяти людей, и смерть лишаетъ ихъ только слабостей человѣка. Всѣ роды знаменитости исчезаютъ предъ славою; и мало быть владѣтелемъ вселенной, ежели владычество сіе не снискано достоинствомъ и заслугами. Тѣ, которые не были полезны на престолѣ, Сарданаполы, Калигулы, живутъ только для того въ Исторіи, чтобъ устрашать примѣромъ своихъ послѣдователей. Вотъ для чего ученіе Исторіи принадлежитъ преимущественно къ главнѣйшимъ ученіямъ государственнаго человѣка! Онъ долженъ неотмѣнно занять въ ней мѣсто свое; и ежели не заслужитъ быть примѣромъ подражанія, то осужденъ быть примѣромъ отвращенія. Онъ можетъ выбрать въ ней по изволенію достойный образецъ, съ которымъ душа его имѣетъ болѣе сродства и съ которымъ болѣе другихъ желалъ бы онъ сходствовать. Такъ какъ обхожденіе людей, съ коими каждый день обращаемся, непримѣтно сообщаетъ намъ нравы ихъ и обыкновенія, такъ равно Исторія, доставляя намъ обхожденіе великихъ людей, которые дѣлали честь вѣкамъ своимъ, возвышаетъ души наши къ подражанію ихъ дѣламъ. Такимъ образомъ

Александръ Великій имѣлъ при себѣ неотлучно Иліаду, которой чтеніе воспламеняло его новымъ мужествомъ. Просвѣщенные и знаменитые Римляне дѣлили время свое между службою республики и ученіемъ. Юлій Цесарь писалъ походы свои съ неподражаемою красотою слога (великій Конде по нихъ учился). Лукуллъ, современникъ Цесаревъ, побѣдитель Митридата, одного изъ царей, страшныхъ Риму, одолженъ по большей части успѣхами своими великимъ свѣдѣніямъ своимъ и ученію Исторіи.

Но ежели великіе люди всѣхъ народовъ служатъ намъ примѣрами, коль несравненно болѣе должны насъ возбуждать къ похвальнымъ дѣяніямъ предки наши, которые имѣли одно съ нами отечество? Какому герою древности уступаетъ сей Пожарскій, который, презрѣвъ раны свои и силу непріятелей, повинуется призванію отечества и возстановляетъ его изъ развалинъ, вездѣ присутственъ, все предвидя и все преодолѣвая своимъ благоразуміемъ? Какой гражданинъ знаменитѣе Косьмы Минина, который изъ неизвѣстнаго мѣщанина становится спасителемъ отечества? Какой государственный человѣкъ былъ великодушнѣе въ общемъ несчастіи, благоразумнѣе въ правленіи, какъ Филаретъ Никитичъ, котораго добродѣтели заслужили роду его царство Россійское? Государство, спасенное твердостію и мужествомъ, возникло и увеличилось при бодромъ правленіи Алексѣя Михайловича. Но силѣ нашей не доставало сіянія искусствъ

и вѣковости нравовъ, которыя сдѣлались отличіемъ Европы. Можно ли одному человѣку переродить цѣлый безчисленный народъ? Вотъ что сдѣлалъ Петръ Великій! Цѣлыми столѣтіями подвинулъ Онъ Россію впередъ, и что стоило долговременныхъ опытовъ другимъ народамъ, то даровалъ Онъ, такъ сказать, въ одно мгновеніе своему. Россіянамъ запрещало обыкновеніе переходить предѣлы своего отечества: Онъ былъ первый государь, который оставилъ престолъ, чтобъ путешествовать и принести своею особою искусства и нравы. Россія не входила въ равновѣсіе Европы: царствованіе Его заняло всѣ ея дѣянія. Нелюбопытные предки наши полагали невѣжество въ числѣ преимуществъ знатности: Петръ Великій засѣдаетъ въ Парижѣ между академиками и вводитъ науки въ Новую Землю. Онъ сотворилъ у насъ военное искусство, политику, купечество, рукодѣлія, мореходцевъ, предводителей, государственныхъ людей. Изображеніе такого царства, противоположеніе древнихъ нравовъ съ новыми, исчисленіе того, что сдѣлалъ Петръ Великій и что послѣ себя дѣлать оставилъ, заслуживаетъ ли вниманіе? Послѣдовать стопамъ Его по пространству Россіи представляетъ ли разуму пріятную и полезную пищу?

Сіи разсужденія подаютъ намъ поводъ заключить не безъ основанія, что ежели ученіе Исторіи вообще посвящаетъ насъ въ тайности сердца человѣческаго, представляя намъ страсти воз-

престанно воюющія противъ началъ строгихъ и постоянныхъ истины и благоразумія, то особенная Исторія отечества привязываетъ насъ къ нему неразрывными узами собственной нашей пользы, общественной славы, домашнихъ примѣровъ, которые толь часто превращаются въ правила поведенія и составляютъ духъ народный.

О ИСТОРІИ И ИСТОРИКАХЪ.

(ОТРЫВОКЪ).

Въ наши дни чувствительнѣе, нежели когда нибудь прежде, Философія низлагаетъ наблюденія свои въ нѣдро письменъ. Исторія перестаетъ быть простымъ исчисленіемъ дѣлъ сухихъ и безплодныхъ. За картиною, по которой скользятъ быстрыя происшествія человѣческаго рода, скрывается наблюденіе точное и проницательное, открывающее въ порядкѣ дѣйствій порядокъ началъ и правилъ умственныхъ, сливающее дѣла единородныя въ одну послѣдовательную нить и означающее каждому изъ оныхъ свою причину. Какъ прежде Картезій и Галилей и столько мужей, послѣдовавшихъ стезямъ ихъ, обратили Философію на ученіе происшествій природы: такъ славные историки, современники наши, предше-

ствуемы Махіавелемъ, освѣщаемы Болингброкомъ, Гюмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, Фергюсонъ, Гиллисъ, обезоруживающій критику волшебствомъ слога, превозносимый ими Монтескю, Мабли и сходствующій съ нимъ одинаковостію вкусовъ, другъ его и Жанъ-Жаковъ, Кондильякъ, люди верховнаго достоинства, обратили Философію на изученіе человѣка въ обществѣ. Ихъ сочиненія, какъ простыя и величественныя драмы, имѣютъ единство намѣренія, одно какое нибудь великое преображеніе человѣческаго рода, которое представляютъ они въ полномъ свѣтѣ, изъятое, такъ сказать, изъ средины тумана омрачающихъ его приключеній, недостойныхъ уваженія философа. Гиббонъ предложилъ себѣ описать постепенный упадокъ и разрушеніе Римской Имперіи на Западѣ и Востокѣ и довести человѣческій родъ до послѣдней черты уничиженія. Робертсонъ, открывая себѣ отраднѣйшее поле, зачинаетъ ежели не тамъ, гдѣ тотъ перестаетъ, по крайней мѣрѣ съ ощутительной точки сіянія и новаго величества, къ которому начинаютъ устремляться народы европейскіе съ знаменитой эпохи царствованія Карла V. Такимъ образомъ Исторія, совершая торжественный расколъ съ лѣтописью, не удостоиваетъ послѣдовать боязливо наслѣдственному порядку государей, не оставившихъ ей ничего, кромѣ имени, и смѣшавъ ихъ съ толпою толь многихъ тѣней государскаго достоинства, переходитъ съ поспѣшностію къ происшествіямъ, сдѣлавшимъ эпоху во нравахъ и благо-

состоянiи человѣчества. Изысканiя хронологiи, предметъ всегда драгоцѣнный для учености безъ уничиженiя, оставляютъ мѣсто Исторiи, которая между Нравоученiя и Политики передаетъ безсмертiю честь и позоръ человѣчества. Ея проницаніе долженствуетъ изобразить безпрестанное колебаніе добродѣтелей и пороковъ, съ которыми восходитъ или унижается благополучіе народное; первое исхожденіе слабыхъ и разсѣянныхъ письменъ въ гражданскія общества; положеніе законовъ, столь близко отъ рожденія обществъ начало свое имѣющихъ, полезное и вредное ихъ вліяніе; замѣняющіе ихъ обряды и обычаи; нравы которыхъ потеря есть знакъ погибели народной. Исторія есть наука по превосходству государя и гражданина. Какой философъ не удостоитъ унизиться къ воспріятію на себя послѣдняго имени! Довольно быть человѣкомъ, чтобъ узнать себя во всѣхъ дѣяніяхъ человѣческаго рода и трепетать поперемѣнно объ опасностяхъ Рима и Карѳагена. Въ противность нравовъ непросвѣщенныхъ, Исторія самихъ непріятелей нашихъ намъ полезна, и предпріятія ихъ противъ насъ самихъ подаютъ намъ тысячи разныхъ наставленій. Отъ сихъ различія народныя; неизгладимыя черты человѣка останутся. Насъ отличаютъ, такъ же какъ и одѣянія, помѣстные обычаи, предразсужденія, различныя степени просвѣщенія; но основаніе сего, разумъ и воля остаются тѣ жъ самыя. И сквозь покрывало свойствъ придаточныхъ, характера пріобрѣтен-

наго, удобно назначить рисунокъ наготы, состояніе человѣка вообще. Времена отдаленнѣйшія въ человѣческой памяти подаютъ самоудобнѣйшій поводъ для упражненія мечтательности философа въ изображеніи естественнаго состоянія. Чѣмъ менѣе осталось свидѣтельствъ подробныхъ и письменныхъ, тѣмъ болѣе заемлется она предположеніями и вѣроподобіями. И позднее потомство любитъ находить патріархальные нравы въ стихахъ Мильтоновыхъ и вымыслахъ Геснеровыхъ. Съ торжественнымъ удивленіемъ воспоминаемъ мы начатки искусствъ: стѣны Вавилонскія и колыбель вселенныя, родину перваго человѣка, мѣста, орошаемыя Евфратомъ. Древнія времена и происшествія производятъ отъ самаго отдаленія своего неудобовыразимое уваженіе. Тамъ срѣтается величество съ простотою и самый вымыселъ занимаетъ нѣчто отъ истины. Счастливыя басни Грековъ передаются изъ вѣка въ вѣкъ и забавляютъ старость міра. Происшествія, покрытыя завѣсою древности, не могутъ быть приневолены къ составленію одной непрерывной цѣпи съ дѣяніями послѣдовавшими, перешедшими изъ преданій въ письменные памятники Исторіи. Она болѣе принадлежитъ къ области вдохновеннаго и величественнаго стихотворства, какое было первымъ языкомъ мудрецовъ, законодателей, основавшихъ общества между человѣковъ, Орфея, Амфіона, Лина. Сіи времена, составляющія средину между басни и Исторіи, отличающіяся именемъ героическихъ,

имѣютъ единую достойную себя Исторію — творенія Гомеровы. Въ нихъ видны впечатлѣнія свѣжія природы великой и прекрасной и выраженіе страстей, еще непритупленныя искусствомъ обхожденія. Цари, украшающіеся жезломъ и именемъ пастырей народовъ, бесѣдуютъ со старцами, какъ равные имъ, и не почитаютъ оскорбительнымъ ихъ сану заниматься въ семействѣ своемъ упражненіями самыми обыкновенными. Таково долженствовало быть царство въ началѣ своемъ, когда образовалось съ примѣра отца семейства. Политическіе законы проистекали изъ первыхъ внушеній естественныхъ. Состояніе царское и пастырское сливались воедино. Народъ, упражненный пасеніемъ стадъ, обязанный необходимо перемѣнять мѣстопребыванія и держаться направленія рѣкъ, не могъ быть многолюденъ. Простота нравовъ и правленія всегда въ соразмѣрности съ многочисленностію. Понятія о силѣ царствъ и народовъ, нынѣшнимъ временамъ свойственныя, неправо прилагаются къ происхожденію первыхъ обществъ. Побѣда надъ звѣрями сдѣлала перваго героя. Она пріуготовила прекрасное поле искусствъ и основанія городовъ.

ИСТОРИКИ ДРЕВНОСТИ.

Первые писатели въ Греціи были стихотворцы. Согласіе стиховъ удобнѣе впечатлѣвало въ памяти преданія славныхъ дѣлъ, украшенныя прелестями воображенія. Гомеръ неподражательнымъ превосходствомъ твореній своихъ помрачилъ всѣхъ предшественниковъ. Послѣ него явился первый писатель большаго сочиненія въ прозѣ. Геродотъ есть древнѣйшій творецъ, котораго исторія дошла до потомства. Въ прозѣ пользовался онъ многими преимуществами стихотворца, не различая довольно строго пріятныхъ вымысловъ отъ истины. Съ первыми дѣяніями соотечественниковъ своихъ соединилъ онъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Египтянахъ и Персахъ. Образъ писанія его есть средина между эпическаго стихотворства и исторіи, естественъ, пріятенъ, иногда высокъ. Славное отраженіе Персовъ Греками заключаетъ достойнымъ образомъ сочиненіе его, раздѣленное на 9 книгъ, названныхъ именами Музъ, изъ уваженія къ онымъ. Свидѣтелемъ восторга, произведеннаго чтеніемъ Геродотовыхъ твореній на Олимпійскихъ Играхъ, былъ юный Аѳинянинъ Ѳукидидъ, и слезы соревнованія ознаменовали въ немъ преемника и соперника Геродотова. Въ лѣтахъ зрѣлой мудрости, полнъ опытности, и послѣ трудовъ гражданской

жизни, Ѳукидидъ приступилъ къ писанію Исторіи. Несчастливый въ выборѣ предмета — ибо онъ описывалъ Пелопоннезскую войну, которая, воспламенена будучи честолюбіемъ Спарты и Аѳинъ, погубила Грецію, — Ѳукидидъ воспретилъ себѣ все то, что могло служить къ украшенію, и описывалъ бѣдствія строгою кистью Исторіи. Въ заточеніи, подобно ему, любви достойный ученикъ Сократовъ, Ксенофонтъ, продолжалъ исторію Ѳукидида до Мантинейской Битвы. Послѣдующіе вѣки Греціи, утѣсненной и рабствующей, не произвели историковъ, которые могли бы съ ними войти въ сравненіе. Полибій, другъ Сципіоновъ и спутникъ его при разореніи Карѳагена, избралъ въ предметъ сочиненій своихъ градоправительство и подвиги Рима. Въ немъ не столько удивляются краснорѣчію, какъ поучаются знанію дѣлъ и гражданской мудрости. Діонисій Галикарнасскій посвятилъ также Риму труды свои. Сей славный народъ соревновалъ наконецъ въ другомъ превосходствѣ, кромѣ воинскаго, въ успѣхахъ письменъ. Первый Саллюстій избралъ примѣромъ себѣ Ѳукидида, и съ тою же точностію и важностію описалъ смутныя времена республики. Но изъ исторіи его имѣемъ мы только два повѣствованія: о войнѣ Югуртовой и заговорѣ Катилининомъ. Титъ Ливій приложилъ все величество краснорѣчія къ дѣламъ царствующаго народа. Тацитъ, рожденный во времена Тирановъ, которые другъ за другомъ посрамляли престолъ Августовъ, предалъ зло-

дѣйства ихъ безсмертію рачительнымъ и важнымъ слогомъ. Краткость выраженія его полна смысла. Все возвѣщаетъ въ немъ глубокое знаніе человѣческаго сердца. Безъ страха, безъ ненависти, въ счастливыя времена Нервы и Траяна, изображалъ онъ хитрую жестокость Тиберія, слабоуміе Клавдія и сумѣшества Нероновы. Тою же кистью, которою писалъ развращеніе просвѣщеннаго народа, украсилъ онъ простые нравы и происшествія Германцевъ, которые въ лѣсахъ своихъ сохранили неповрежденные нравы естественнаго человѣка. Далекъ отъ Тацита, въ разсужденіи ненависти къ лести, былъ Велей Патеркулъ, который обезобразилъ прекрасное сокращеніе Исторіи похвалами Сеяна и Тиберія. Юстинъ, сокративъ пространное сочиненіе Помпея Трога, писателя вѣка Августова, былъ причиною, что подлинникъ не дошелъ до нашего времени. Флоръ изобразилъ въ краткой картинѣ происшествія республики, писатель болѣе красивый, нежели важный. Почитатель Александра Великаго, болѣе нежели историкъ, Квинтъ-Курцій собиралъ отовсюду цвѣты для сплетенія вѣнца своему герою. Описатели житія славныхъ людей занимаютъ въ поприщѣ письменъ менѣе сіяющее мѣсто, нежели дѣописатели; но могутъ быть весьма полезны, если умѣютъ привлекать вниманіе къ особеннымъ качествамъ великихъ мужей. Таково было достоинство Плутарха, который, будучи одушевленъ безпрестанно скромною мудростью и любовью добродѣтели, исправляетъ серд-

це наставительными своими повѣствованіями. Римляне имѣютъ въ семъ родѣ превосходнаго писателя, знакомца Цицеронова и Аттикова, Корнелія Непота, который сдѣлалъ краткость выраженія своего драгоцѣнною слогомъ чистымъ и классическимъ. Записки Юлія Кесаря, сія учебная книга полководцевъ, не могутъ назваться Исторіею; но, по замѣчанію Цицеронову, онѣ приведутъ въ отчаяніе того, кто вздумаетъ писать изъ нихъ Исторію.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ ДИКОСТИ И ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Періодъ, въ который письмена процвѣтаютъ, означаетъ высокую степень просвѣщенія, которой какой либо народъ достигнулъ. Отъ обитателя Огненной Земли до Европейца разстояніе безмѣрно; однако отъ сей точки устремился и послѣдній. Первые шаги сокрыты непроницаемою темнотою: ближайшіе къ намъ переходы изъ дикости въ гражданскую жизнь сохранены преданіемъ и Исторіею. Мы видимъ Грековъ, еще разсѣянныхъ въ лѣсахъ и питающихся жолудьми. Мы знаемъ имена тѣхъ, которые изобрѣли земледѣліе и простѣйшія заведенія. Какая разность между сими Греками и Греками Перикла вре-

[illegible]

Примѣтно нравы публики становились чище и строже. Корнель выгналъ изъ комедіи подлыя шутки и подавалъ уроки величества души въ своихъ римскихъ трагедіяхъ. Мольеръ, тѣмъ болѣе философъ, чѣмъ болѣе скрывалъ нравоученіе подъ покровомъ смѣшнаго, произвелъ неподражаемые образцы въ знаніи людей. Строгій Буало наказывалъ бичемъ сатиры посредственныхъ писателей, которые имѣли, вмѣсто дарованія, одну только охоту писать. Но никто не соединилъ столько чистоты вкуса съ волшебствомъ слога, столько знанія сердца съ искусствомъ расположенія, какъ нѣжный другъ его, Расинъ. Пораженъ съ младенчества красотами древнихъ, онъ сообщилъ языку своему все ихъ величіе и пріятность. При началѣ своемъ не осмѣлился онъ ввѣриться своему дарованію и послѣдовалъ стопамъ Корнелевымъ въ двухъ первыхъ своихъ трагедіяхъ, Оиваидѣ и Александрѣ. Свергнувъ сіе принужденіе, явился онъ во всей полнотѣ духа своего въ Андромахѣ. Соперникъ Еврипидовъ, показалъ онъ въ первый разъ страсти, достойныя трагедіи, характеры, особливо женщинъ; приличныя и живыя чувствованія на мѣсто умствованій и надутости. Въ ней можно было предвидѣть неподражаемаго творца Ифигеніи и Федры.

ГЕРОИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

Медлительно человѣческій родъ преходилъ степени, которыми дикій возвышается къ просвѣщенію гражданскаго общества. Повѣсти всѣхъ народовъ начинаются временемъ слабости и невѣжества. Первыя дѣла героевъ были побѣды, одержанныя надъ звѣрьми. Геркулесъ носилъ кожу льва, котораго онъ растерзалъ въ лѣсу немейскомъ. Греки сохранили имена тѣхъ, которые были ихъ учителями въ первыхъ и необходимыхъ искусствахъ общежитія, — доказательство, что было такое время, въ которое не имѣли они ни малѣйшаго понятія объ оныхъ.

Преданія сего народа, навсегда достопамятнаго, извѣщаютъ насъ, что предки ихъ, разсѣянные въ лѣсахъ, не знали употребленія хлѣба и питались плодами древесными. Въ какомъ величественномъ образѣ долженъ былъ предстать имъ благодѣтельный человѣкъ, который доставилъ имъ способы вѣрнаго и здраваго пропитанія! Отсюда начались божественныя чести, опредѣленныя всеобщею благодарностью, наставнику земледѣлія Триптолему, сообщнику Цереры.

И дѣйствительно, земледѣліе во всѣхъ народахъ есть важный шагъ къ просвѣщенію. Оно дѣлаетъ человѣка постояннымъ жителемъ извѣстнаго пространства земли; оно даетъ болѣе точности понятію владѣнія и собственность: поле, орошенное потомъ земледѣльца, становится

наслѣдствомъ дѣтей его. Нечувствительно стѣсняются пріятные союзы общества. Должности родителей, супруговъ, согражданъ начинаютъ владычествовать. Приходитъ время, когда законы являются въ обществѣ для сохраненія спокойства и безопасности его. Послѣ множества перемѣнъ, нравы, мнѣнія, правила освящаются временемъ и прелесть искусствъ встрѣчается со славою и благоденствіемъ государствъ.

Исторія Грековъ, болѣе нежели какая либо другая, сохранила свѣдѣнія о томъ, какими степенями установилось раждающееся общество между ними. Счастливые разумы, которымъ дала рожденіе Греція, украсили чертами чудеснаго первыя предпріятія племенъ своихъ и героевъ. Сплетенное ими баснословіе столь нѣжно, что оно не возбраняетъ видѣть истину сквозь тонкій покровъ вымысловъ. Удивленіе, съ которымъ дикіе обитатели Греціи взирали на первыхъ пришельцевъ изъ Египта и Финикіи, было столь велико, что они почли вождей ихъ, Инаха, Кекропса, Кадма, существами выше человѣка и подъ именемъ героевъ включили ихъ въ число безсмертныхъ. Сіи знаменитые иноплеменники принесли начальныя понятія искусствъ и общежитія на берега, которые имъ дали убѣжище.

Простота нравовъ не защищала ихъ однако отъ прельщеній честолюбія и отъ волненія страстей, которымъ тѣмъ болѣе предавались, чѣмъ менѣе были въ состояніи размышлять о пагубныхъ ихъ слѣдствіяхъ. Часто личныя ссоры и

отношенія распространялись на цѣлыя общества. Лапиѳы и Кентавры превращаютъ торжественные обряды брака, къ которому они приглашены были, въ позорище брани. Люди, которыхъ чувственныя силы дѣлало свирѣпыми, укрывались въ лѣса и пещеры, чтобъ производить оттуда внезапныя нападенія на неосторожныхъ путешественниковъ. Знаменитые юноши, которыхъ храбрость управляема была великодушіемъ, взяли на себя искорененіе сихъ изверговъ и защищеніе безсильныхъ. Геркулесъ сражался повсюду съ возражающимися чудовищами, или когда мгновенія слабости перерывало полезные труды его. Тезей очищалъ дороги Аттики и разилъ исполиновъ свирѣпыхъ. Безпокойство, которое одушевляло сильное юношество греческое, выискивало для нихъ безпрестанно новые подвиги и предпріятія. Собраніе витязей соединяется въ Ѳессаліи и умышляетъ, подъ предводительствомъ Язона, проникнуть во внутренность Евксинскаго Понта, для похищенія златаго руна, стрегомаго царемъ колхидскимъ. Они сооружаютъ сей славный корабль, отъ котораго они получили названіе Аргонавтовъ и который теперь еще даетъ имя свое одному изъ созвѣздій. Тифисъ, образецъ кормчихъ, управлялъ мореплаваніемъ ихъ, между тѣмъ какъ полкъ героевъ: Пелей, Тидей, Телаонъ, безсмертные сыновья Леды, божественный Орфей и толь многіе другіе — сражался съ окружающими племенами, или исполнялъ повелѣнія его на морѣ; несчастная волшебствами Медея облег-

чила побѣду Язону и была заплачена неблагодарностью.

Воображеніе, отверзтое всѣмъ вліяніямъ чудеснаго, не находило ничего невѣроятнаго во мнимой силѣ волшебства и въ предсказаніяхъ будущаго. Не начинали дѣла нѣкоторой важности, не вопросивъ прорицалища. Установилось безпосредственное сообщеніе между неба и человѣковъ. Но бѣдствія, которыя отвратить желали, часто привлекаемы были сею нетерпѣливостью любопытства. Оивы были тому несчастнымъ примѣромъ. Эдипъ, сынъ царя Лаія и супруги его, Іокасты, отвергается съ самаго младенчества отъ дома родительскаго, затѣмъ что боги предсказываютъ ему ужаснѣйшія злодѣйства. Самыя старанія, которыя употребляютъ для отвращенія оныхъ, преобращаются въ средства для совершенія предсказанныхъ злополучій. Преступникъ безъ вины, Эдипъ изгоняется вторично изъ отечества и находитъ убѣжище и конецъ несчастій своихъ въ покровительствѣ Тезеевомъ. Между тѣмъ два сына его, Этеоклъ и Полиникъ, остаются на шаткомъ престолѣ. Ненасытное честолюбіе возжигаетъ между ими пламенникъ ненависти и междоусобія. Этеоклъ не хочетъ подвергнуться закону, который предписывалъ каждому изъ братьевъ царствовать погодно, Полиникъ, подкрѣпленный оружіемъ Адраста, царя аргосскаго, котораго дщерь взялъ онъ въ супружество, приноситъ войну къ стѣнамъ оивскимъ.

ГРЕЧЕСКІЯ УСТАНОВЛЕНІЯ.

Какимъ чуднымъ образомъ соединялись въ Греціи суевѣріе, мудрость, искусства, тѣлесныя упражненія, игры и государственныя учрежденія! Чувствительное и нѣжное воображеніе Грековъ украшало все, къ чему ни прикасалось. Законодатели заимствовали прелесть стихотворства, чтобъ впечатлѣть въ сердцахъ согражданъ строгія свои наставленія. Музыка употребляема была средствомъ воспитанія и правленія страстей въ пріятное согласіе. Прибавка или убавка струнъ на лирѣ Тимоѳеевой обратили на себя вниманіе людей законоискусныхъ стараніе. Они боялись, чтобъ новое введеніе въ музыкѣ не произвело за собою вредной перемѣны нравовъ. Греки обитатели Малой Азіи и роскошной Іоніи, сносили терпѣливо работу, покоряясь неизбѣжности и утѣшались необузданною любовію искусствъ. Вольные Греки боялись, чтобъ сія излишняя сладость роскоши, перешедъ къ нимъ отъ ихъ сосѣдей, не ослабила подобно имъ въ нихъ мужества и не погубила бы нравовъ, славы и политическаго существованія. Различныя учрежденія сводили во едины независимыя области, республики греческія соединялись въ одинъ неразрывный союзъ противъ окружающихъ варваровъ, средствомъ нравовъ, любовію отечества и просвѣщеніемъ. Онѣ чувствовали нужду вспомоществовать другъ другу

общее происхожденіе и обязанности оборонять себя отъ нападенія варваровъ. Для сего-то установлены были у нихъ сіи торжественныя собранія, освященныя именемъ цѣлаго народа, или союза народовъ, черезъ нѣсколько времени отправляемыя со всѣми обрядами благочестиваго празднества, при храмѣ покровительствующаго божества. Изящныя дарованія могли являться тамъ во всемъ своемъ сіяніи и наслаждаться плесками великаго стеченія народа. Такимъ образомъ Пиндаръ, увѣнчевая побѣдителей на Играхъ Олимпійскихъ, упивался самъ похвалами собранной Греціи. Геродотъ, отецъ Исторіи, читалъ творенія, которыхъ сладость заслужила носить на себѣ имена Музъ, и будущій его послѣдователь и соперникъ, младой Ѳукидидъ, въ безчисленной толпѣ слушателей проливалъ слезы соревнованія. Апеллесъ и Зевксисъ странствовали по градамъ греческимъ, представляя повсюду образцы красоты и принимая должную имъ дань удивленія; между тѣмъ какъ люди краснорѣчивые остановляли толпы народа, открывая имъ сокровище размышленій своихъ о важныхъ таинствахъ естества, о свойствѣ правленій и нравовъ. Философія была для Грековъ одно изъ увеселеній. Великолѣпные амфитеатры вмѣщали народъ чувствительный и просвѣщенный, который судилъ, часто безъ пристрастія, Софокла и Еврипида, и опредѣлялъ дарованію пальму побѣды. Сіи забавы входили въ число священныхъ обрядовъ, и похвальныя пѣсни боговъ-защитниковъ возгла-

шаемы были хорами, которые никогда не оставляли театра. Начальствовать въ общихъ праздненствахъ почиталось отличіемъ знаменитаго гражданина, и благородныя дѣвы аѳинскія блистали лучшими украшеніями своими, неся на головахъ корзины съ приношеніями Церерѣ. Сія благотворная богиня даровала смертнымъ сокровища земли и законы. Она установила сіи величественныя тайны елевзинскія, которыя представляли посвященнымъ отрадное изображеніе безсмертія и будущей жизни. Многіе храмы въ Греціи открыты были для убѣжища несчастныхъ и слабыхъ, гдѣ они могли покаяніемъ очищать совѣсть свою отъ невольныхъ преступленій и ласкать себя прощеніемъ Божества. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ уединеніи, постѣ и моленіи, приготовляли кающагося къ совершенію очистительныхъ жертвъ. Такимъ образомъ человѣколюбивое суевѣріе примиряло несчастныхъ самихъ съ собою, и дѣлало ихъ менѣе порочными въ глазахъ множества.

ПРЕДПРІЯТІЕ АННИБАЛА ПРОТИВЪ РИМА.

Едва вѣроятно, чтобъ одинъ человѣкъ могъ столько приключить опасности народу сильному и торжествующему, сколько умѣлъ нанести Риму пораженій и бѣдствій славный полководецъ кар-

ѳагенскій, Аннибалъ. Введя отечество своею личною дерзостью въ войну трудную и опасную, онъ извлекалъ изъ собственныхъ дарованій, хитрости, дѣятельности и постоянства, безпрестанно возраждающіеся способы. Долгое время счастливый ужасомъ имени своего, онъ былъ остановленъ въ успѣхахъ медленіями Фабія, счастливыми дерзостями Марцелла, и наконецъ долженъ былъ уступить превосходнѣйшему уму Сципіона Африканскаго, который его же хитростями побѣдилъ его, приблизивъ войну къ стѣнамъ карѳагенскимъ, такъ какъ Аннибалъ ласкался побѣдить Римлянъ въ Италіи.

Превосходство, которое пріобрѣлъ народъ римскій надъ Карѳагеномъ въ первой Пунической Войнѣ, и которое простеръ онъ, можетъ быть, далѣе предѣловъ справедливости, заставивъ уступить себѣ Сардинію и прибавивъ новыя денежныя требованія послѣ мирныхъ постановленій, оскорбляло знаменитыхъ людей и любителей отечества, которые оставались еще въ Карѳагенѣ. Изъ таковыхъ былъ Амилькаръ, отецъ Аннибаловъ, вождь искусный и предпріимчивый, который, начальствуя надъ войсками въ Испаніи, старался возвратить тамъ потери отечества и, приготовляя издали войну Риму, воспиталъ дѣтей своихъ въ той же ненависти, которою самъ былъ наполненъ къ сему враждебному граду. Аннибала, еще отрока, заставилъ онъ клясться при жертвенникѣ боговъ, быть во всю жизнь свою непримиримымъ сопостатомъ Римлянъ. Блестящія

дарованія Аннибаловы сдѣлали клятву сію важною. Мало было полководцевъ, которые соединяли бы въ такой высокой степени огонь предпріимчивости съ хладнокровіемъ въ дѣйствіи, неистощимымъ изобиліемъ способовъ и хитростей, и болѣе всего съ непреодолимою твердостью въ неудачахъ и превратностяхъ счастія. Онъ умѣлъ равно пользоваться мѣстами и свойствами людей, противъ которыхъ сражался. Шестнадцать лѣтъ колебалъ онъ силы и совѣты Рима, господствуя при вратахъ его, устремляя на него собственныхъ его союзниковъ и доставляя самъ себѣ войска и способы существованія. Съ сожалѣніемъ принужденъ онъ былъ повиноваться повелѣніямъ карѳагенскаго сената, позвавшаго его изъ Италіи, чтобъ защитить отечество дома противъ оружія Сципіонова, и Римляне боялись Аннибала, уже изгнанника, странствующаго изъ одной земли въ другую, пока сыскался малодушный Прузій, который согласился нарушить святость гостепріимства и выдать великаго человѣка въ несчастія. Самовольная смерть была тогда убѣжищемъ Аннибаловымъ.

Избранный войскомъ и республикою въ предводители, въ цвѣтущемъ возрастѣ, двадцати четырехъ лѣтъ, послѣ сродника своего, Асдрубала, два года испытывалъ онъ силы свои въ покореніи окружныхъ народовъ испанскихъ; въ третье лѣто перешелъ рѣку Иберъ,— крайнюю черту подвиговъ карѳагенскихъ, и осадилъ Сагунтъ, союзный городъ римской республики. Плачевный

жребій Сагунта былъ знакомъ войны между двухъ сильныхъ народовъ. Старшій изъ пословъ римскихъ, введенныхъ въ сенатъ карѳагенскій, Фабій, сложивъ полу одежды своей, сказалъ: «Приношу вамъ миръ и войну; возьмите, что вамъ угодно.» — «Дай, что ты хочешь,» воскликнули старѣйшины карѳагенскіе. — «И такъ, даю вамъ войну,» сказалъ Фабій, потрясая на нихъ опущенный край своей тоги.

Тогда два консульскія воинства назначены противъ Карѳагена. Сципіонъ долженъ былъ остановить успѣхи Аннибаловы въ Испаніи. Семпроній посланъ въ Сицилію, дабы оттуда перенести войну въ Африку. Но едва Сципіонъ успѣлъ высадить войско изъ кораблей у Марселіи, уже слухъ о Аннибалѣ, перешедшемъ Пиринейскія Горы, срѣтаетъ консула. Оба полководца удивлены взаимною дѣятельностью, и отряды конницы, посланные для открытія непріятеля, по кровопролитномъ сраженіи, приносятъ каждый въ станъ свой извѣстіе о приближеніи противнаго войска. Но между тѣмъ какъ Сципіонъ поспѣшаетъ на встрѣчу къ Аннибалу, чтобъ рѣшить дѣло битвою, Аннибалъ столько же поспѣшно удаляется отъ стана своего вверхъ по Ронѣ и переходитъ рѣку сію противъ многочисленнаго войска Галловъ, которые хотѣли заградить ему переходъ и которые, обойдены будучи съ тыла отрядомъ Аннибаловымъ, разсѣялись стремительно. Сколько трудностей долженствовалъ онъ преодолѣть въ походѣ своемъ между дикихъ и враждебныхъ

народовъ, имѣя войско, составленное изъ людей разноплеменныхъ! Трудности увеличились несравненно, когда теченіе рѣкъ привело его къ верхамъ Альпійскихъ Горъ, вѣчно покрытыхъ снѣгами, гдѣ люди, тягости и сіи огромныя животныя, которыхъ онъ влекъ съ собою — слоны, безпрестанно подвержены были опасности низринуться въ глубокія бездны: гдѣ многочисленные обитатели, занимая высоты и проходы, угрожали подавить войско низвергаемыми каменьями. Изо ста тысячъ, съ которыми онъ вышелъ изъ Новаго Карѳагена, двадцать пять только пришли съ нимъ на берега Пада. Но искусство и прозорливость предводителя умѣли приготовить имъ благосклонное пріятіе между Галловъ, обитающихъ у подошвы Альпійскихъ Горъ. Они ожидали ихъ такъ, какъ избавителей отъ ига римскаго. Сіе расположеніе Галловъ много способствовало къ доставленію Аннибалу первыхъ успѣховъ, которыми онъ открылъ толь счастливо войну въ Италіи, и которыхъ бѣдственнаго впечатлѣнія Римъ не могъ загладить столь долго.

Сципіонъ заслуживалъ быть противникомъ Аннибалу рѣшительностью, съ которою возвратился онъ немедленно въ Италію и представился Аннибалу, нисходящему съ Альпъ. Но онъ долженъ былъ оставить часть войска своего съ братомъ въ Испаніи и дополнить недостатокъ новонабранными людьми.

На берегахъ Тицина была первая битва, въ которой римскій духъ уступилъ превосходству

Аннибала и не могъ одолѣть его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ Аннибалъ шествовалъ безпрепятственно чрезъ блаты Этруріи, утесы Апеннина, между бурь и громовъ, уважая только судьбу Рима и не дерзнувъ осадить его. Тогда получили печальную для Римлянъ знаменитость урочища, прославленныя пораженіями ихъ и превосходнымъ искусствомъ Аннибала, Требія, Тразименъ и болѣе всего Канны, гдѣ погибли легіоны,— надежда Рима, и съ ними обрекшійся року консулъ Эмилій, который не могъ обуздать буйности товарища своего, Варрона, и желалъ умереть, велѣвъ сказать Фабію, что онъ былъ вѣренъ наставленіямъ его и старался безполезно удержать надъ стремниною плачевный рокъ отечества: Фабій, великій человѣкъ, великій предводитель, который одинъ возстановилъ было отечество медленностью, но котораго осторожный способъ войны не угоденъ былъ тщеславію народному.

Къ Аннибалу обратились селенія и грады великой Греціи, и дерзкій царь македонскій Филиппъ хотѣлъ, соединясь съ нимъ, раздѣлить его побѣды. Тогда Магонъ, вѣстникъ побѣды при Каннахъ, разсыпалъ въ храминѣ карѳагенскаго сената кольцы убіенныхъ всадниковъ римскихъ, требуя свѣжихъ войскъ Аннибалу. Но ежели въ самомъ дѣлѣ столь велика побѣда его — говорили противники Аннибаловы — пускай воспользуется онъ ею къ заключенію славнаго мира.

Карѳагенскіе старѣйшины не знали общественнаго духа Римлянъ. Слѣдуя неизмѣняемому правилу отцевъ, сіи гордые республиканцы славились непреклонностью въ несчастіяхъ, такъ же, какъ въ счастіи умѣренностью. При несказанномъ бѣдствіи, постигшемъ республику при Каннахъ, при ужасѣ, при изумленіи первой вѣсти, когда не кому было стать на стѣны Рима, дабы защитить ихъ отъ Аннибала, ежеминутно ожидаемаго, счастіе и слава Аннибалова достигли высочайшей степени. Фабій велитъ запереть врата градскія, велитъ быть общему молчанію и тишинѣ, женамъ и дѣтямъ остаться въ домахъ своихъ и ожидать спокойно извѣстія о частныхъ уронахъ въ общемъ бѣдствіи, между тѣмъ какъ сенатъ, не расходясь, слушалъ вводимыхъ вѣстниковъ, приходящихъ съ мѣста пораженія. Когда наконецъ извѣстно стало, что консулъ Варронъ, виновникъ толикаго бѣдствія, собралъ около десяти тысячъ воиновъ,— печальный остатокъ битвы, тогда сенатъ, повелѣвъ ему приблизиться къ граду, встрѣтилъ его торжественно, благодаря, что онъ не отчаялся о республикѣ.

Столь великодушный, сколь политическій поступокъ могъ служить Аннибалу отвѣтомъ на упрекъ одного изъ вождей его, Магарбала, который, видя отвергаемый совѣтъ свой идти къ Риму отъ Каннъ, сказалъ ему: «Боги даровали тебѣ, Аннибалъ, искусство побѣждать; но они не открыли тебѣ таинства пользоваться побѣдою.» Какъ бы то ни было, роскошь Капуи, отворив-

шей врата свои Аннибалу, и плѣнительный воздухъ Кампаніи умягчили свирѣпое мужество карѳагенскаго воина. Самыя побѣды сдѣлали его, можетъ быть, болѣе надменнымъ и менѣе терпѣливымъ къ наблюденію подчиненности и къ трудамъ военнымъ, между тѣмъ какъ Римляне, подстрекаемые стыдомъ уступить въ силѣ народу, прежде уничиженному, видя сильнаго непріятеля посреди своихъ собственныхъ владѣній, напрягали послѣднія силы къ защитѣ отечества. Къ строгой важности и благоразумію Фабія присоединилось тогда пылкое мужество Маркелла, который первый возбудилъ надежду Римлянъ послѣ бѣдствія при Каннахъ, отразивъ Аннибала отъ стѣнъ колеблющейся Нолы и разсѣявъ ужасъ между виновныхъ союзниковъ Рима. Провождаемый восторгомъ согражданъ своихъ, явился онъ въ Сициліи, возставшей по смерти Іероновой и готовой предаться Карѳагену. Блистая неутомимою дѣятельностью, по долговременной осадѣ моремъ и землею, Маркеллъ входитъ въ Сиракузы, богатыя и безпокойныя, не смотря на чудесное искусство Архимеда.

Нимало не устрашаемый близостію предпріимчиваго Аннибала, Римъ обращаетъ повсюду силы свои и возвышается съ опасностями. Между тѣмъ какъ консулы, великіе мужи, не пристрастіемъ народа или вельможъ избираемые, противополагаются Аннибалу въ Италіи: проконсулы, преторы предводительствуютъ войсками въ Испаніи, въ Сициліи, въ Сардиніи, въ Греціи, и флоты

разоряютъ берега Африки. Фульвій беретъ Капую; Валерій Левинъ поражаетъ Филиппа: Сципіоны, долго счастливые въ Испаніи, воспящаютъ Аздрубалу походъ въ Италію для соединенія съ Аннибаломъ; но раздѣливъ войска свои, гибнутъ одинъ послѣ другого, и смертію своею производятъ въ Римѣ величайшее безпокойство.

Никто изъ полководцевъ не представляется для замѣненія Сципіоновъ. Тогда молодой человѣкъ, двадцати четырехъ лѣтъ, коего истинныя добродѣтели возвышены были нѣкоторымъ сіяніемъ чудеснаго. Сципіонъ,— роковой вождь сей войны славной, сынъ Публія, убіеннаго въ Испаніи, тотъ самый, который спасъ жизнь родителя своего въ битвѣ тицинской, который соединилъ остатокъ разбитыхъ войскъ при Каннахъ, — предлагаетъ себя въ начальники для Испаніи, не бывъ еще въ чинахъ, приносящихъ съ собою предводительство: и всѣ отдѣленія народа, по мгновенному движенію, нарицаютъ его проконсуломъ. Провождаемый другомъ своимъ Леліемъ, открываетъ онъ подвиги взятіемъ Новаго Карѳагена, главнаго пуническаго города въ Испаніи, искусствомъ и природою укрѣпленнаго, и дѣяніями геройства, снисхожденія, умѣренности, привлекаетъ къ себѣ сердца князей и народовъ испанскихъ.

Но посреди сіяющихъ успѣховъ Рима, въ отдаленности отъ предѣловъ его, онъ самъ не былъ чуждъ опасности. Не успѣвъ выручить Капуи, Аннибалъ повелъ войско прямо на Римъ, и по-

ставивъ станъ свой за три поприща отъ города, самъ съ двумя тысящами всадниковъ доѣзжалъ до градскихъ вратъ и храма Геркулесова, и доставивъ себѣ удовольствіе обозрѣть сей великій градъ, которымъ овладѣть, по его собственному выраженію, боги не дали ему или счастія, или разума: между тѣмъ какъ весь Римъ возсталъ для отраженія ударовъ его, и бодрые старцы, украшенные побѣдами и тріумфами, вызванные опасностію служить республикѣ, раздѣляли между собою труды и стражу. Два раза Аннибалъ и консулы выводили войска для сраженія, котораго Римъ былъ цѣною; два раза буря и громы разлучали ихъ.

Потеря Капуи нанесла важный ударъ надеждамъ Аннибаловымъ. Она доказала союзникамъ безсиліе его покровительства. Скоро Тарентъ послѣдовалъ жребію Капуи, взятый хитростію осторожнаго Фабія. Аннибалъ заключилъ себя нѣкоторымъ образомъ въ Бруттійской землѣ, откуда дѣлалъ покушенія на вождей римскихъ, между тѣмъ какъ, ненасытимый трудами и опасностями военными, Маркелъ шелъ упрямо по стезямъ его, и будучи побѣдителемъ или побѣжденнымъ, представлялъ ему битву съ равнымъ мужествомъ. Отваживъ себя единожды неосторожно, съ малымъ числомъ воиновъ, впадаетъ онъ въ засаду Аннибалову и принимаетъ честь погребенія отъ руки непріятеля, котораго заставилъ бояться неустрашимой своей дѣятельности.

Жребій Маркелла былъ бы гибеленъ для Рима, наипаче въ такое время, когда онъ пораженъ былъ извѣстіемъ, что Асдрубалъ, братъ Аннибаловъ, перешелъ неожидаемо Альпы съ многочисленною силою и приближается къ соединенію съ Аннибаломъ, ежели бы Клавдій Неронъ не далъ отрады отечеству отважнымъ и счастливымъ движеніемъ: удерживая передъ оставленнымъ станомъ своимъ Аннибала, въ шесть дней онъ перешелъ Италію, для соединенія съ товарищемъ своимъ, суровымъ Ливіемъ, и разбилъ совершенно Асдрубала. Когда плѣнные Нумидійцы были посланы отъ Клавдія въ станъ Аннибаловъ, и когда онъ увидѣлъ кровавую голову Асдрубала, тогда воскликнулъ, что познаетъ судьбу Карѳагена, и съ тѣхъ поръ уже отчаялся видѣть исполненіе гордыхъ своихъ намѣреній.

Сколь ни велики были дарованія и дѣятельность одного человѣка, рано или поздно, они долженствовали уступить постоянству римскому. Аннибалъ же, вмѣсто ревностнаго содѣйствія, находилъ въ отечествѣ своемъ коварство и вражду. Сіяющія добродѣтели Сципіоновы, напротивъ того, явились въ такое время, когда великіе люди, состарѣвшіеся въ подвигахъ военныхъ, спорили другъ съ другомъ въ любви къ отечеству. Ему суждено было рѣшить долгую прю Рима и Карѳагена. Наполнивъ Испанію славою побѣдъ своихъ, истребивъ войска и предводителей непріятельскихъ, представляется онъ удивленію согражданъ въ Римѣ, гдѣ общимъ возгла-

шеніемъ народа, возводится на степень консула; заставляетъ дать себѣ въ область Сицилію и повелѣніе перейти въ Африку, не смотря на страхъ и сопротивленіе Фабія и знаменитѣйшихъ сенаторовъ, которыхъ честолюбіе предпріимчиваго полководца или оскорбляло, или приводило въ ужасъ. Провождая годъ консульства своего въ Сициліи, въ приготовленіяхъ къ великому дѣлу, имѣетъ онъ время разбить Аннибала при Локрахъ на матерой землѣ и выслать Лелія на берега Африки, устрашенные слухомъ прибытія его.

Карѳагенъ видитъ наконецъ страшное ополченіе Спиціоново и чувствуетъ свое безсиліе. Частная корысть и несогласіе колебали ненадежное основаніе сей республики. Войска, въ скорости собранныя, подъ предводительствомъ Асдрубала, сына Гисгонова и Сифакса, царя нумидійскаго, не могутъ устоять противъ силы легіоновъ и римскаго предводителя. Онъ входитъ ночью въ станы ихъ, прежде рукою его зажженные; какъ покровитель Масиниссы, другаго царя нумидійскаго, разбитаго, изгнаннаго, употребляетъ его орудіемъ для низверженія Сифакса, и сей царь, плѣнникъ Сципіоновъ, главная надежда Карѳагенцевъ, отсылается съ Леліемъ въ Римъ. Сципіонъ, вторично побѣдитель Асдрубаловъ, входитъ въ Утику. Карѳагенъ проситъ у него мира; и Сципіонъ, имѣя побѣду въ рукахъ своихъ, позволяетъ ему отправить въ Римъ пословъ съ прошеніемъ мира.

Но между тѣмъ, какъ коварное посольство карѳагенское представлялось сенату римскому, Аннибалъ имѣлъ уже повелѣніе оставить Италію, и отцы римскіе не были обмануты пуническою вѣрностію. Жалуясь на судьбу свою и козни Ганнона, Аннибалъ обращалъ съ горестію послѣдніе взоры на Италію, которую принужденъ былъ оставить, чтобъ защитить Карѳагенъ. Приставъ у Адрумета, пошелъ онъ по берегамъ Баграды на встрѣчу къ Сципіону. Близъ Замы сошлись оба полководца. Но прежде нежели испытать силу оружія, Аннибалъ хотѣлъ имѣлъ свиданіе съ Сципіономъ, и счастливой юности его представляетъ бѣдственную свою опытность. Сципіонъ отвергаетъ предложенія мира. Тогда послѣдовала сія славная битва при Замѣ, гдѣ оба полководца истощили всѣ способы искусства, гдѣ шло дѣло о верховности двухъ сильныхъ народовъ, и гдѣ Аннибалъ, видя разрушеніе послѣднія надежды, заставилъ Карѳагенъ подвергнуться изволенію Рима безусловно.

Тогда совершилось настоящее паденіе Карѳагена, ибо третья Пуническая Война разрушила только стѣны его. Сципіонъ наложилъ на него необъятную дань, сжегъ выданные корабли, запретилъ вести войну и заключать договоры съ другими народами. Аннибалъ былъ зрителемъ бѣдствія отечества своего и чувствовалъ все его пространство. Когда одинъ изъ вельможъ карѳагенскихъ попрекалъ ему, что онъ еще можетъ смѣяться посреди общаго плача: «Сей смѣхъ есть горесть, отвѣтствовалъ Аннибалъ, и болѣе до-

стоинъ нашего несчастія, нежели лицемѣрныя слезы, которыя вы проливаете не объ отечествѣ, но о сокровищахъ, съ которыми вамъ должно разстаться.»

АВГУСТОВЪ ВѢКЪ.

Счастливое похищеніе верховной власти въ Римѣ, освященное въ особѣ Августа голосами сената и народа, даровало большей части знаемаго свѣта необыкновенное спокойство и праздность. Рѣшилась тогда столь долго продолжавшаяся распря между гордаго властолюбія сената и строгой свободы народной, которая, будучи водима и заблуждаема честолюбивыми трибунами, готова была поступить на всевозможныя излишества, чтобъ исторгнуть изъ рукъ сената страшное и утѣсняющее могущество. Великія возмущенія и междоусобныя брани, которыми Марій, Сулла и Катилина восколебали предѣлы и установленія Республики, пріуготовили римскій народъ къ воспріятію единоначалія. Наконецъ Юлій Кесарь, соединявшій въ себѣ знаменитѣйшія дарованія полководца и государственнаго человѣка, принадлежавшій, по остроумію и вѣжливости, къ образованнѣйшимъ изъ Римлянъ, и потомокъ боговъ — основателей и защитниковъ Рима, болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ способностей и искусства соединить частное честолюбіе, которое терзало

сердце его, съ владычествующимъ духомъ своего времени и съ быстрою наклонностію нравовъ къ роскоши и къ рабству. Безсильны были всѣ оплоты, которые полагали его стремительному теченію, мудрость сената, древняя слава Помпея и неодолимый духъ Катона. Побѣдитель общихъ силъ республики въ Греціи, Египтѣ, Африки, онъ торжествовалъ въ Римѣ милосердіемъ подъ извѣстнымъ именемъ диктатора и имѣлъ удовольствіе быть умоляемъ на судилищѣ краснорѣчіемъ Цицерона, нѣкогда спасшаго Римъ. Держа все въ рукѣ своей и повелѣвая тѣми, которые недавно были ему равны, онъ имѣлъ слабость чувствовать, что ему не достаетъ еще тщетнаго имени царя. Антоній, второй въ чиноначальствѣ по Цесарѣ, презрительный льстецъ его изъ честолюбія, погубленный пороками безславной юности, краснорѣчивый, предпріимчивый и не совсѣмъ лишенный сіяющихъ чувствованій, хотя съ душей, ослабленной роскошью, Антоній пріемлетъ на себя испытать терпѣливость народа римскаго, воспользовавшись своеволіемъ народныхъ игрищъ, чтобъ возложить вѣнецъ царскій на диктатора. Сіе покушеніе лести, отверженное съ негодованіемъ отъ народа и Цесаря, разглашало напередъ содержаніе совѣтованій, которыя должны были происходить въ славномъ засѣданіи сената, созванномъ въ день Идъ Марта. Безпокойное честолюбіе Цесаря составляло новые замыслы завоеваній. Онъ хотѣлъ открыть намѣреніе свое идти войною на Пароянъ, для отмщенія бѣдствія,

претерпѣннаго отъ нихъ Крассомъ и легіонами римскими. Унизивъ гордость ихъ, долженствовалъ онъ берегами Каспійскаго Моря проникнуть въ Виѳинію и Сармацію, и возвратясь Галліею въ Римъ, ничего не оставить недостаточнаго для сравненія своего съ Александромъ Великимъ. Столь гордые замыслы ниспровержены въ самомъ началѣ заговоромъ знатныхъ и молодыхъ Римлянъ, которые сносили нетерпѣливо униженіе отечества и уменьшеніе собственнаго ихъ вліянія на правленіе. Ненавистное дѣяніе убійства умягчено было въ воображеніи ихъ древнимъ образомъ мыслей и извѣстною добродѣтелью Брута, который вмѣстѣ съ Кассіемъ былъ главою заговора. Восторженный послѣдователь родственника своего, Катона, онъ обманутъ былъ непросвѣщенною любовію къ отечеству, когда льстился возвратить ему древнее, со всѣхъ сторонъ разрушающееся установленіе. Предпріятія его, сначала удачныя, ниспровержены были совершенно бѣдственнымъ пораженіемъ при Филиппахъ, которое оставляло республику въ рукахъ ненавистнаго тріумвирата. Столь же смѣлъ и хладнокровенъ въ совѣтѣ, сколько робокъ въ день сраженія, Октавій отъ училища, изъ котораго вышелъ онъ при смерти усыновившаго его диктатора, проложилъ себѣ путь къ верховной власти проворствомъ, лестію, происками, хладною жестокостью и подвигами друзей, которые согласились, кажется, быть орудіями его величія. Такимъ образомъ Антоній торжествовалъ за него при Фи-

лишахъ надъ Кассіемъ и Брутомъ, и Агриппа побѣдилъ Антонія на славной битвѣ, чтобъ подвергнуть вселенную владычеству Октавія.

РАЗДРОБЛЕНІЕ И СОЕДИНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЪ.

Почти всѣ государства европейскія чувствовали вредное дѣйствіе раздѣленія. Пространныя области, соединенныя нѣкоторое время превышающею силою завоевателя, разрушаютъ со временемъ союзъ свой, когда къ сохраненію ихъ прилагается менѣе попеченій, нежели употреблено было силы къ завоеванію. Такимъ образомъ раздѣлилось древнее владычество Александра Великаго и сдѣлалось наслѣдствомъ честолюбивыхъ полководцевъ его. Такимъ образомъ, по возобновленіи Римской Имперіи на Западѣ, огромное государство Карла Великаго, которое соединяло Францію, Италію и Германію, раздроблено было на части неблагодарными дѣтьми Лудовика Кроткаго. Послѣдуя древнимъ обычаямъ германскимъ, государи старались привлекать къ особѣ своей вельможъ и благородныхъ, жалуя имъ помѣстья, и основали защищеніе земли противъ нашествія непріятелей на правѣ владѣнія, которое сообщили они знатнѣйшимъ своимъ подданнымъ. По сему праву, извѣстному подъ

именемъ феодальнаго, большіе владѣльцы должны были предстать передъ государемъ самолично, чтобъ принять отъ рукъ его облеченіе помѣстья. Но чувствованіе силы скоро вложило оружіе въ руки сихъ подданныхъ, тщетный обрядъ признанія подданства не могъ защитить государей отъ предпріятій вельможъ, слишкомъ сильныхъ, чтобъ быть послушными. Большіе васалы, пользуясь всѣми правами государей, вели войну между собою и часто объявляли ее государю, отъ котораго по наружности зависѣли. Цѣлыя области выходили по наслѣдству изъ соединенія съ государствомъ во владѣніе другихъ государей. Такимъ образомъ наслѣдница герцоговъ Бургонскихъ перенесла въ приданое съ собою владѣніе Фландріи изъ Франціи въ домъ австрійскій. Лудовикъ XI, государь хитрый и жестокій, презиралъ выгоды, которыя сами собою представлялись, и хотѣлъ лучше быть всѣмъ обязанъ пронырствамъ мрачной своей политики. Способы его были насильственны и подлы; но предметъ, до котораго достигъ онъ, были сила и сіяніе Франціи. Непріятелъ знатныхъ, онъ первый нанесъ невозвратимые удары ихъ могуществу. Обманами, оружіемъ, переговорами присоединилъ онъ ко Франціи великія области, которыя имѣли собственныхъ князей своихъ, Руссильонъ, Провансъ, Бургонію и Артуа по смерти Карла Смѣлаго, который замышлялъ учреждить новое королевство и былъ страшный соперникъ короля своего. Лудовикъ XI окружилъ престолъ первымъ воинствомъ, взятымъ на

жалованье, и налагалъ подати безъ согласія генеральныхъ штатовъ. Столько силы далъ онъ государству соединеніемъ, что преемникъ его, Карлъ VIII, вышедъ съ оружіемъ изъ предѣловъ Франціи, поколебалъ Италію слабую и несогласную. Другіе государи европейскіе послѣдовали примѣру Лудовика XI и на униженіе вельможъ и князей воздвигли силу монархій.

Около того же времени счастливый герцогъ ричмондскій, низвергшій съ престола англійскаго тирана Рихарда III, положилъ конецъ бѣдственнымъ войнамъ между домовъ іоркскаго и ланкастерскаго, и подъ именемъ Генриха VII соединилъ въ себѣ права обоихъ. Онъ началъ ту же великую перемѣну въ Англіи, которую произвелъ Лудовикъ XI во Франціи. Оба унизили власть вельможъ; но во Франціи воспользовалась ею сила королевская, въ Англіи народъ пріобрѣлъ еще новыя права. Политическое установленіе приблизилось къ тому образу, въ которомъ нынѣ его видимъ.

СЛАБОСТЬ УДѢЛЬНАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Происхожденіе народовъ покрыто по большей части непроницаемою завѣсою, а съ нимъ и внутреннее составленіе ихъ, распредѣленіе власти и подчиненности. Лишенные письменъ и просвѣщенія, варвары занимаются единственно насильственными нуждами настоящаго дня, и не имѣютъ ни досуга, ни способовъ наблюдать порядокъ происшествій, ни желанія сообщить вѣрное ихъ изображеніе потомству. Въ позднѣйшія времена внимательный философъ извлекаетъ изъ нѣкоторыхъ наблюденій главныя начала, которыми управляются раждающіяся общества. Онъ умѣетъ пользоваться преданіями, пѣснями и баснями дикихъ: ибо воображеніе пробуждается прежде прочихъ способностей разума, какъ въ юности человѣка, такъ и во младенчествѣ народовъ. Оно возвышаетъ самыя обыкновенныя дѣйствія сіяніемъ чуднаго. Такимъ образомъ мы видимъ Грековъ, пріемлющихъ непосредственно отъ руки боговъ первыя установленія и искусства общественной жизни, или лучше сказать, отъ сихъ благодѣтелей человѣчества, которые изобрѣли искусства. Въ сплетеніи языческаго баснословія скрываются историческія лица первыхъ государей и законодателей греческихъ: сего Зевса, побѣдителя Титановъ, котораго гробница показывали въ Критѣ, Иракла и Тезея, которые оба родились въ Ѳивахъ. Сіи

времена чудесъ и геройства принадлежатъ болѣе стихотворцамъ и любителямъ древности, нежели историкамъ: и важный Ѳукидидъ, оставивъ картины, угождающія воображенію, видитъ въ начальныхъ явленіяхъ греческой исторіи одни волненія и междоусобія безпокойнаго народа, который безпрестанно перемѣнялъ жилища свои и странствовалъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Какое неизмѣримое разстояніе, еще болѣе въ просвѣщеніи нежели во времени, отдѣляетъ періодъ Инаха и Пелопса отъ сіяющихъ дней Перикла и Алкивіада! Оно, конечно, не менѣе того, которое отдѣляетъ нынѣшнихъ обитателей Нѣмецкой Земли отъ Германцевъ Тацитова времени, или Россіянъ XVIII вѣка отъ предковъ ихъ, погибающихъ жертвою безначалія въ XII-мъ. Народы, находящіеся на одной степени грубости, или просвѣщенія, должны имѣть многія черты сходства между собою: тѣ же склонности и понятія, тѣ же недостатки и способы и тѣ же или подобныя приключенія. Мѣстныя обстоятельства или случайныя учрежденія благопріятствуютъ или возбраняютъ къ достиженію совершенства.

Такимъ образомъ во всѣхъ странахъ свѣта видимъ цѣлыя племена, преселяющіяся, изгоняющія древнихъ жителей, или съ ними единый народъ составляющія. Какъ египетскіе выходцы, нападающіе моремъ на берега Эллады, полагаютъ въ Греціи основанія монархій, такъ Славяне

призываютъ добровольно правителя изъ Варяговъ, которые обезпокоиваютъ ихъ торговлю. Походы славянскіе подъ Царьградъ воспоминаютъ ополченіе Грековъ на Трою. Но сіе происшествіе въ Греціи послѣдовано было перемѣною правленія: Россія заимствовала отъ просвѣщеннѣйшихъ непріятелей Вѣру и нравы. Греція истощила силы свои испроверженіемъ древняго азійскаго царства: Россія удовольствовалась испытать способы свои и могущество. Греція была всегда раздѣлена на особыя общества и правленія, такъ, какъ Россія послѣ Вадиміра. Но раздѣленіе Греціи было для нея менѣе пагубно. Города греческіе могли имѣть особенныя частныя пользы; но почитая общія узы родства, они соединяли пользы свои въ общемъ благѣ, когда вся Греція угрожаема была опаспостію. Торжественныя учрежденія, общія игры и празднества воспоминали имъ единство происхожденія. Обряды богослуженія, просвѣщеніе и словесность, которыми они гордились, имѣя право гордиться, и гражданскія ихъ права отдѣляли ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ, унижаемыхъ ими презрительнымъ именованіемъ варваровъ. Многіе города, кромѣ внутренняго своего управленія, составляли между собою политическій союзъ и повиновались уставамъ онаго. Амфиктіонъ сдѣлалъ имя свое безсмертнымъ, учредивъ общій судъ между независимыми гражданами. Возставали по городамъ мудрые законодатели, которые, пользуясь успѣхами греческихъ письменъ, освятили обществен-

[illegible] чистѣйшаго [illegible]нія. [illegible] въ Греціи любовь отечества и [illegible] Аѳинянъ къ [illegible] — быть [illegible] всей Греціи. [illegible] если бы не [illegible] мѣру благоразумными [illegible] своего отечества, и [illegible] предметы [illegible] надъ всею Греціею. На[illegible] войны [illegible] греческой общей республики [illegible] правленія, которое [illegible] частное и общественное, и облегчило Филиппу способы завоеванія.

Мы видимъ въ наши дни существующія союзныя правленія въ Голландіи и Швейцаріи, и особливо въ Германской Имперіи. Сіе великое политическое тѣло состоитъ изъ народовъ единаго происхожденія, независимыхъ другъ отъ друга и иногда враждебныхъ между собою, содержащихъ однако неразрывный общій союзъ, подъ властью одного начальника, удостоеннаго извѣстными избирателями, который можетъ приводить все государство въ движеніе, но съ согласія чиновъ его. Особливый съѣздъ князей и непосредственныхъ чиновъ имперскихъ рѣшитъ дѣла отмѣнной важности и тяжбы членовъ имперіи. Сія удивительная система, не взирая на свои существенныя погрѣшности составнаго государства, есть древняя система феодальнаго правленія, исправленная обстоятельствами, случаями и возрастающимъ просвѣщеніемъ.

Раздѣленіе Россіи не сопровождалось такими же полезными и осторожными мѣрами. Народы разныхъ удѣловъ слѣпо послѣдовали честолюбію князей, которые, вмѣсто того, чтобъ удовольствоваться благосостояніемъ управляемыхъ земель, старались только о пріобрѣтеніи новыхъ. Было время, что хотѣли прибѣгнуть къ спасительному установленію съѣздовъ, или сеймовъ, по предложенію Владиміра Мономаха; но Олегъ Святославичъ, чувствуя себя виновнымъ, отринулъ средство сіе, — и право войны было съ тѣхъ поръ единственное. Какъ греческія республики призывали иногда Персовъ и другихъ варваровъ въ участіе междоусобныхъ браней своихъ, такимъ же образомъ россійскіе князья прибѣгали иногда къ бѣдственному оружію Варяговъ, Печенѣговъ и Половцевъ. Но вмѣсто того, что Греція была покровительницею Персіи въ лицѣ Александра Великаго, Россія, ослабленная раздѣленіемъ, стала добычею Батыя. Испроверженіе татарскаго владычества есть столь же счастливое, сколь и славное происшествіе для Россіи. Сіяющее имя великаго князя Іоанна Васильевича украшаетъ сословіе государей, спасителей отечества. Но освобожденіе отъ ига иноплеменниковъ не было бы еще спасеніемъ Россіи, ежели бы политическій разумъ государя сего не отрѣшилъ навсегда удѣльнаго правленія и не соединилъ княжествъ и областей россійскихъ въ единое государство. Съ тѣхъ поръ исчезли сіи безполезныя вражды и соперничества князей, кото-

раме дѣлали вѣчную междоусобную войну, и занимая всѣ силы Россіи внутри собственныхъ ея предѣловъ, не позволяли ей дѣйствовать на заграничныхъ ея сосѣдей. Возстановленное единство Россіи основало будущее ея величіе.

Всѣ монархи европейскіе болѣе или менѣе терпѣли отъ неудобностей феодальнаго правленія, которое введено сѣверными народами и, кажется, приноровлено для утвержденія новаго завоеванія. Согласно съ учрежденіями онаго, большіе владѣльцы, пользуясь сами государскими правами, зависѣли однако отъ верховнаго государя, отъ коего получали области, и должны были вооружаться по востребованію противъ его непріятелей. Но ставшіе столько же сильными, какъ глава ихъ, честолюбивые вассалы обращали сіе самое оружіе на того, котораго защищать присягали, не смотря на то, что судебные приговоры государственной думы объявляли ихъ лишенными владѣній за вѣроломство. Повсюду ослабленные своими междоусобіями, они были стѣснены политикою верховныхъ государей, и вошедъ въ ничтожество, послужили основаніемъ сильныхъ монархій.

Такимъ образомъ пала гордость испанскихъ вельможъ, когда счастливыя происшествія соединили Кастилію и Аррагонъ супружествомъ Изабеллы и Фердинанда, и когда превосходный разумъ Карла V многоразличностію замысловъ и успѣховъ изумилъ своихъ противоборствующихъ кортесовъ. Путями болѣе сокрытыми пребли-

жался прежде къ той же цѣли Лудовикъ XI: дѣло, котораго совершеніе ожидало сильной руки кардинала Ришльё. Въ Англіи нормандскія учрежденія отрѣшены такъ называемою великою хартіею, и государство усилилось присоединеніемъ нѣкогда враждебныхъ королевствъ, Шотландіи и Ирландіи. Вездѣ малыя и раздѣленныя пользы удѣльныхъ владѣтелей уступили одной общей государственной пользѣ. Правила основательнѣйшія, сходственныя съ просвѣщеніемъ временъ, замѣнили сіе безначаліе, междоусобіе и утѣсненіе, которыя неминуемо проистекаютъ изъ свойства удѣльнаго правленія.

ОТКРЫТІЕ ВОСТОЧНОЙ ИНДІИ.

Каждый народъ имѣетъ свои сіяющія мгновенія, въ которыя онъ привлекаетъ на себя вниманіе свѣта отмѣнными подвигами и предпріятіями. Сколь ни мало пространство, занимаемое Португаліею на западномъ краю Европы, и сколь ни маловажно вліяніе ея въ общія происшествія государствъ, однако тѣмъ не менѣе она можетъ похвалиться навсегда достопамятною заслугою которою она обязала человѣческій родъ открытіемъ Индіи. Изъ нѣдра ея вышли герои, открытели новыхъ странъ, которые отважились

пустившися въ неизмѣримость Океана, прошли два раза равноденственную линію, въ близости которой дуютъ постоянные вѣтры нѣсколько мѣсяцевъ въ одну сторону и нѣсколько въ другую, и первые имѣли счастіе и искусство обойти страшный Мысъ Бурь, переименованный ими Мысомъ Доброй Надежды. Славный Гама, котораго флагъ вѣялъ надъ кормою слабаго флота, имѣлъ сей обширный и просвѣщенный разумъ, вмѣстѣ твердый и снисходительный, который вездѣ находится какъ бы въ отечествѣ своемъ. Онъ умѣлъ владычествовать надъ варварами и дикими превосходствомъ просвѣщенія, и приготовилъ соотечественникамъ своимъ входъ удобный и благопріятный. Счастливы были бы Португальцы, если бы, не ослѣпленные честолюбіемъ и жестокосердою корыстію, никогда не унижали народа своего въ глазахъ Индѣйцовъ отвратительными явленіями ненависти, клеветы и междоусобія! Сила Португальцевъ исчезла: другіе народы вошли въ завоеванія ихъ. Но никогда незагладимы подвиги первыхъ мореплавателей: Алвареса Кабрала, который заставилъ почитать флагъ народа своего отъ Персіи до Китая, и дальновиднаго Альфонса Албукерки, который основалъ въ Гоѣ столицу торговли и завоеваній португальскихъ, и въ Персидскомъ Заливѣ остановилъ всѣ предпріятія египетскихъ султановъ. Сіе важное происшествіе, которое открыло Европейцамъ дорогу въ Индію, перемѣнило все, произвело новый порядокъ вещей, спасло Европу отъ ига Турокъ,

которые, воспаленные свирѣпою ревностію къ вѣрѣ, неся мечъ въ одной рукѣ и алкоранъ въ другой, ласкались педвергнуть суевѣрію своему всѣ народы вселенной. Оно служило къ возбужденію завистниковъ Португальцамъ и ко внушенію духа откровеній во всѣ купечествующіе народы Европы. Слѣдствіемъ его можно почесть открытіе Америки, которое доставилъ Испанцамъ отважный Генуэзецъ Христофоръ Колумбъ; ибо въ предпріятіи семъ онъ предполагалъ себѣ единственно открыть новую дорогу въ ту же самую Индію, и вмѣсто того награжденъ былъ отъ судьбы открытіемъ Новаго Свѣта. Тогдашнее незнаніе о положеніи земли было столь велико, что Американцевъ почелъ онъ Индѣйцами, и теперь еще имя Западной Индіи осталось островамъ, открытымъ Колумбомъ. Папа, который располагалъ землею по своему соизволенію, взятый въ посредники отъ обоихъ народовъ, провелъ черту разграничиванія между владѣніями оныхъ и раздѣлилъ между Испанцевъ и Португальцевъ. Но сіи мнимые предѣлы исчезли съ обстоятельствами, и Португалія, потерявшая храбраго и безразсуднаго государя въ поляхъ африканскихъ, стала сама добычею корыстолюбія хитраго и жестокосердаго Филиппа II, короля испанскаго. Храбрость Португальцевъ уступила нѣгѣ и вредному вліянію климата Индіи, и другіе народы, болѣе терпѣливые, Голландцы и Англичане, отняли у нихъ завоеванія ихъ предковъ.

КОНЕЦЪ XV И НАЧАЛО XVI ВѢКА.

Конецъ XV-го и начало XVI-го вѣка составляютъ періодъ важнѣйшихъ происшествій, сохраняющихся въ лѣтописяхъ человѣческаго рода. Каждое изъ нихъ могло бы прославить столѣтіе свое: тогда случились они вмѣстѣ. Великіе умы во всѣхъ родахъ явились почти въ одно время въ различныхъ странахъ и настали внезапныя, хотя давно приготовляемыя, перемѣны въ разумѣ, въ законодательствѣ, въ политикѣ, въ торговлѣ и нравахъ. Сіяющій періодъ сей ознаменованъ великими предпріятіями, открытіями, изобрѣтеніями, чувствительнымъ пробужденіемъ человѣческаго разума послѣ тысячи лѣтъ варварства. Европа приняла на себя новый образъ. Предѣлы знаемаго міра распространились. Новыя правила, мнѣнія, образы богослуженія, знакомство съ отдаленными народами и племенами, которыхъ самое существованіе было не извѣстно, и которые вдругъ представили поражающее зрѣлище новыхъ обществъ просвѣщенныхъ людей, варваровъ и дикихъ. Тогда видимъ впервыя учрежденія постоянныхъ воинствъ, европейскія государства, соединенныя взаимными союзами и сходствомъ обыкновеній, поселенія въ отдаленныхъ краяхъ, новые способы знаній, новыя выгоды и опасности жизни.

Въ то время, когда Бертольдъ Шварцъ изобрѣтеніемъ пороха давалъ новый видъ военному искусству, Колумбъ открывалъ Новый Свѣтъ, и Гама достигалъ въ Индію по морямъ, до него никому неизвѣстнымъ: Фавстъ изобрѣталъ книгопечатаніе, и Лютеръ потрясалъ въ основаніи страшную власть первосвященниковъ римскихъ. Новыя произведенія природы стали необходимы для вкуса Европейцевъ и составили новыя отрасли торговли и роскоши, между тѣмъ какъ необычайное количество серебра и золота возбудило жажду корыстолюбія. Компасъ, недавно передъ тѣмъ изобрѣтенный, сдѣлалъ мореплавателя смѣлѣе и безопаснѣе и облегчилъ сообщеніе народовъ, но въ то же время и умножилъ опасности незлобныхъ племенъ, которымъ неизмѣримость морей служила прежде защитою противъ нападенія сильнѣйшихъ завоевателей, поселенныхъ природою въ другой гемисферѣ. Португальцы въ Азіи даютъ первый примѣръ Европейцамъ производить торгъ вооруженною рукою и основывать селенія, между тѣмъ какъ Испанцы въ Америкѣ помрачаютъ сіяніе подвиговъ своихъ жестокостью и разрушаютъ древнія царства Мексики и Перу. Англичане раздираютъ отечество свое междоусобными войнами; Нѣмцы сражаются за богословскія мнѣнія; Турки продолжаютъ завоеванія свои подъ знаменами Солимана; Италіянцы приводятъ въ совершенство искусства, перенесенныя изъ Греціи.

Повсюду достопамятныя происшествія: Восточная Имперія Грековъ, въ совершенномъ изнемо-

женія и старости, упадаетъ подъ сильными ударами Оттомановъ, и варвары владычествуютъ въ Аѳинахъ. На стѣнахъ Константиновыхъ возвышаютъ они знамя Магомета въ то самое время, когда единовѣрцы ихъ изгоняются изъ Запада Европы. Мавры, учители европейскихъ народовъ въ наукахъ, художествахъ и нравахъ, обладавъ восемьсотъ лѣтъ Испаніею, принуждены оставить цвѣтущія свои земли. Они убѣгаютъ въ Африку; но съ того мгновенія исчезаетъ духъ рыцарства, свойственный сему остроумному народу, который любилъ науки, соединялъ благородныя чувствованія съ храбростію и давалъ намъ первыя наставленія вѣжливости. Во Франціи видимъ молодого короля, прельщеннаго славою завоеваній, которому стоитъ только явиться въ Италіи, чтобъ привесть ее въ трепетъ и покорить Неаполь. Гордая Венеція, владычица морей и торговли, которая 1000 лѣтъ стояла неколебима, поставляется на край погибели союзомъ камбрейскимъ. Скоро послѣ того другой воинственный король испытываетъ непостоянство военнаго счастія и становится плѣнникомъ гордаго соперника. На престолѣ Нѣмецкой Имперіи владычествуетъ сильнѣйшій государь, который когда нибудь восходилъ на оный. Счастіе служитъ, кажется, гордымъ замысламъ его: столица первосвященника римскаго претерпѣваетъ отъ него осаду и великими шагами устремляется онъ къ похищенію всеобщей монархіи. Но утомленъ своею собственною властію, Карлъ низлагаетъ

высшій санъ и во тмѣ монастыря ищетъ убѣгающаго спокойствія. Въ Англіи своенравный тиранъ изъ защитника папской власти становится сильнѣйшимъ ея противникомъ и безъ успѣха старается пріобщить имя свое къ славнымъ именамъ современниковъ своихъ, Франциска I и Карла V. Сѣверъ выходитъ изъ неизвѣстности. Утѣсненія Христіерна, короля датскаго, равно ненавистнаго въ Даніи и Швеціи, привлекаютъ ему безчестное изгнаніе и освобожденіе Швеціи изъ-подъ ига датскаго. Густавъ Ваза, убѣжавъ изъ темницы тирана и странствуя по лѣсамъ Далекарліи, приготовляетъ славу своего отечества. Въ то же время мужество и мудрость Іоанновъ свергаютъ съ Россіи оковы Татаръ,—первый шагъ къ будущему ея величію. Гоненія за Вѣру лишаютъ Испанію богатыхъ и трудолюбивыхъ областей фламандскихъ, которыя кровію своею полагаютъ основаніе независимой республики. Родосскіе кавалеры изгоняются Турками изъ своего острова. Сіи варвары угрожаютъ захватить Европу и подавить успѣхи раждающагося просвѣщенія. Уже они готовы проникнуть въ Италію; Венгрія ими завоевана и Вѣна осаждена Солиманомъ. Съ сего времени Исторія становится отмѣнно привлекательною для человѣчества. Мало по малу уменьшаются причины раздѣленія между народами европейскими и всѣ приближаются единствомъ нравовъ другъ къ другу, всѣ составляютъ одну политическую цѣпь. Какъ нѣкогда разные греческіе народы составляли одну соединенную рес-

публику, такъ и Европа представляетъ союзъ отдѣленныхъ народовъ, движимыхъ одною и общею пользою, и принадлежащихъ къ одному большому обществу. Великія намѣренія, достойныя сильныхъ монархій, составившихся на разрушеніи феодальнаго правленія, одушевляютъ совѣты государей. Перестаютъ внутренніе раздоры въ государствахъ и обращается вниманіе на пользы народовъ. Верховная власть утверждаетъ силу свою на вліяніи разума и просвѣщенія. Наконецъ раждается первое понятіе равновѣсія между большихъ державъ, которымъ онѣ доставляютъ себѣ взаимную безопасность и обуздываютъ честолюбіе. Политика, вышедъ изъ предѣловъ Италіи, которая была ея колыбелью, основываетъ жилище свое при дворахъ государей и призываетъ войну къ себѣ на помощь; переговорами, союзами, происками перемѣняетъ она по произволенію видъ Европы. Искусство правленія дѣлается несравненно сложнѣе присоединеніемъ къ его владычеству иностранныхъ сношеній, торговли и роскоши, необходимостью большихъ воинствъ и налоговъ. Между тѣмъ повсюду являются великіе разумы, которые вопрошаютъ природу и осмѣливаются быть соревнователями древнихъ въ искусствахъ и свободныхъ наукахъ.

XVIII вѣкъ.

Важныя политическія происшествія, великіе шаги къ просвѣщенію, сіяющія заблужденія, огромныя преобразованія составляютъ отличіе XVIII-го вѣка. Слава Россіи во всѣхъ родахъ разливаетъ на него блескъ свой. Два великіе соперника: Петръ Великій и Карлъ XII-й, отзывая вниманіе отъ старѣющаго Лудовика XIV, открываютъ знаменитымъ образомъ явленіе. Невтонъ и Лейбницъ владычествуютъ въ необозримомъ царствѣ наукъ. Лавъ преобращаетъ имущества и нравы цѣлаго народа. Вольтеръ превышающимъ остроуміемъ, едва вѣроятнымъ собраніемъ всѣхъ дарованій словесника и философа, напояетъ сомнѣніемъ разумы цѣлаго поколѣнія. Сражаясь съ цѣлою Европою, Фридрихъ II укрѣпляетъ основанія большой монархіи. На берега Двины и Волги Ломоносовъ приноситъ краснорѣчіе Цицерона и наблюдательный духъ Плинія. На берегахъ Невы Сумароковъ открываетъ праздники Мельпомены. Евгеній и Мальборугъ имѣютъ наслѣдника въ Румянцовѣ. Екатерина II управляетъ государствомъ, соразмѣрнымъ Ея дарованіямъ. Іосифъ II Ей удивляется, Густавъ III безсильно завидуетъ. Внукъ Лудовика XV приноситъ безполезно добрыя намѣренія, безъ силы къ ихъ исполненію. Лордъ Нортъ разрываетъ узы селеній съ страною-матерью и Америка получаетъ

отдѣльное политическое установленіе, подъ руководствомъ Франклина и Вашингтона. Неизвѣстное дотолѣ Отаити въ лонѣ Южнаго Океана пріемлетъ посѣщенія Бугенвиля и Кука. Три раза сей послѣдній мореходецъ обозрѣваетъ Шаръ Земной и оставляетъ прахъ свой въ сварѣномъ Онга-ги. Линней открываетъ природу; Бюффонъ живописуетъ ее безсмертными красками; Палласъ путешествуетъ по слѣдамъ Монголовъ. Польша исчезаетъ изъ среды независимыхъ государствъ. Решимъ миротворствуетъ между Іосифомъ и Фридрихомъ. Моря пріемлютъ отъ Московскаго Орла безопасность торговли и покровительствующее право неутралитета. Россіяне побѣждаютъ на тѣхъ же моряхъ, гдѣ прежде Аѳиняне. Суворовъ наступаетъ на развалины Праги. Нѣтъ болѣе стѣны крымской, и враждебный полуостровъ, подъ классическимъ именемъ Тавриды, напоминаетъ близость Греціи и просвѣщеніе Владиміра Великаго. Государства европейскія, связанныя между собою превосходствомъ учрежденій, искусствъ, просвѣщенія, взаимнымъ страхомъ, пользами купечества, мореплаванія, равновѣсіемъ политики, одинакими нравами, пріучаются почитать себя большими отдѣленіями одного политическаго сообщества. Но упованіе общаго мира, общаго благополучія,— сіи добродушныя сновидѣнія аббата Сентъ-Піера, вѣроятно, никогда не сбудутся. Уже сгустились тучи.... Но Провидѣніе, устрояющее все во благо, не позволяетъ гаданіямъ нашимъ предупреждать неисповѣди-

мыхъ опредѣленій своихъ. Пристрастіе къ тому вѣку, въ которомъ существуемъ, представляетъ намъ лестное искушеніе подумать, что онъ привлечетъ на себя любопытство послѣдующихъ. Воспользовавшись успѣхами въ просвѣщеніи вѣковъ семнадцатаго, шестнадцатаго, пятнадцатаго, конечно, намъ осьмнадцатый долженъ былъ представить любопытнѣйшую картину, которую, можетъ быть, превзойдетъ послѣдующій: дай Богъ, чтобъ сіи успѣхи соединены были съ истинными пользами человѣчества и добродѣтелей!

ЭПОХЫ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ЭПОХИ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

УЧРЕЖДЕНІЕ ЕДИНОНАЧАЛІЯ.

Человѣческій родъ есть одно и то же великое семейство, на тысячи отраслей раздѣленное. Отъ кратчайшихъ климатовъ Востока распространилось оно по лицу земли, по мѣрѣ размноженія своего, способовъ пропитанія и успѣховъ общественной жизни.

Обитаніе поздно достигло Сѣвера. Древніе имѣли весьма недостаточныя понятія о народахъ онаго. Густые лѣса, жестокость климата, неукротимые нравы обитателей полагали преграды любопытству.

Греки знали великія рѣки россійскія, Борисѳенъ или Днѣпръ, Танаисъ или Донъ, великій каменный хребетъ, ими называемый Рифейскими Горами. Балтійское Море или заливъ Кодатской сдѣлался имъ извѣстенъ драгоцѣннымъ янтаремъ своимъ.

Они упоминали о скандинавскихъ островахъ и Неригонѣ: такъ въ древности именовались Данія, Швеція и Норвегія.

Пространство Россіи наполняли они Скиѳами и Савроматами. Сіе послѣднее имя, означающее сѣверныхъ Мидянъ, являетъ, кажется, что населеніе Россіи произошло отъ Востока—сея сокровищницы народовъ.

Даже отъ греческихъ столѣтій прославлялись Скиоы непорочностію жизни и гордостью независимости. Незнаніе нѣги, ихъ острыя стрѣлы и неизмѣримыя степи, по которымъ странствовали они со стадами своими, укрывали ихъ отъ ига завоевателя, доколѣ, чувствуя силу свою и прельщенные роскошью Запада, не вышли на поискъ новыхъ земель и незнаемыхъ сокровищъ. Тогда нѣкое общее движеніе, отъ предѣловъ Хины, побуждало народы, одинъ другимъ, на упадающій Римъ.

Варвары разныхъ именованій, или природные Россіи, или чрезъ нее преходившіе, стекаясь долговременно на предѣлахъ просвѣщеннаго свѣта, преодолѣли внезапу оплотъ, и разлившись на Западъ, произвели достопамятное преображеніе во нравахъ и разумѣ человѣческаго рода.

Такимъ образомъ Готоы, прежде нежели ниспровергнули Имперію Римскую, имѣли пребываніе свое въ Россіи. Тучныя пажити волжскія служили отдохновеніемъ звѣрообразнымъ Гуннамъ, которыхъ царь Атилла услаждался именованіемъ бича Божія.

Многіе народы, пастырскіе и безпокойные, изливались изъ Азіи въ предѣлы россійскіе и съ тѣмъ же стремленіемъ простирались далѣе: свирѣпые Авары, Алане, Козары, Печенѣги.

Къ славѣ и дѣламъ, ее заслуживающимъ, относятъ имя Славянъ, воспріятое народомъ, одержавшимъ господство въ Россіи.

Всѣ страны приморскія, начиная отъ Пруссіи, между морей Балтійскаго и Бѣлаго, и далеко внутрь Сибири, имѣли постоянными обитателями народы Чудскіе или Финскіе, принужденные по большой части покориться верховности Славянъ.

Не менѣе простираясь на Западъ и на Югъ до моря Адріатическаго, многочисленныя племена сего народа основали политическія общества въ срединѣ Германіи, въ Польшѣ, Богеміи, Даніи, Паннопіи, Иллиріи.

Главнѣйшее поселеніе Славянъ на сѣверѣ было при озерѣ Мойскѣ, или Ильменѣ, извѣстное подъ народнымъ именемъ Славенска. Безполезно разрушили его Гунны и вытѣснили обитателей за Дунай. Любовь отечества возвратила ихъ опять въ сей суровой климатъ, и созданіе Новагорода засвидѣтельствовало прежнее существованіе Славенска.

Но между тѣмъ, какъ Новгородъ приготовлялся быть важнымъ торжищемъ, смежные съ нимъ Нордманы, или Варяги, становятся знамениты опасными и дальними предпріятіями по восточному морю. Обезпокоивая набѣгами Англію и Францію, рѣками россійскими проникаютъ въ Кон-

стантинополь. Часто приводятъ они въ трепетъ Норгородъ, которой и безъ того, не повинуясь важности законовъ, раздирался противными крамолами вельможъ и черни.

Мудрый градоправитель, Гостомыслъ, преклоняетъ соединенное общество народовъ Славенскихъ и Чудскихъ послать въ страну Варяговъ-Руссовъ, для признанія отъ нихъ властелина, котораго верховной санъ произвелъ бы между ими порядокъ и благоустройство.

Въ 862 году отъ Р. Х. три брата нордманскихъ изъ племени Варяго-Руссовъ, Рурикъ, Синеусъ и Труворъ, учреждаютъ единоначаліе въ Новѣгородѣ и сообщаютъ землѣ Славенской имя племени своего, Руссовъ.

Столица южныхъ Славянъ, Кіевъ, сохраняющая имя основателя своего князя Кія, освободясь изъ-подъ власти Козарской, послѣдовала жребію Новагорода.

РАЗДѢЛЕНІЕ РОССІИ.

(862—1224).

Мудрость и дѣятельность Рюрика отъ Новаграда распространились на области, которымъ онъ далъ образованіе монархіи, управляемой вельможами. Предпріимчивый духъ витязя одушевляетъ

единаго изъ оныхъ, Оскольда. Предводительствуя морскимъ ополченіемъ, пролагаетъ онъ блестящій и бѣдственный путь ко стѣнамъ Цареградскимъ. Сіе стремленіе, Варягамъ свойственное, долго обращаетъ подвиги народа россійскаго на Константинополь. Олегъ, мужъ превосходный добродѣтельми мирными и воинскими, сооружая на твердомъ основаніи зданіе государства, заключаетъ торговый договоръ въ Константинополѣ (въ лѣто 906). Кіевъ, столица великихъ князей, приближаетъ Россію къ древнему отечеству просвѣщенія. Новгородъ оставляется и нечувствительно воспріемлетъ прежній образъ гражданскаго правленія, между тѣмъ какъ воинственныя дарованія Игоря, Святослава, распростираютъ въ Греціи славу русскаго имени. Мечтательный завоеватель новыхъ странъ, Святославъ, приготовляетъ несчастіе своей, раздѣляя оную между тремя сынами своими, — бѣдственный примѣръ, около пяти столѣтій повторяемый. Безполезно являются между раздѣленіями счастливые промежутки единоначалія княженія Владиміра Великаго и мудраго Ярослава; чадолюбивые родители, увлекаемые обычаями времени своего, почитаютъ себя обязанными раздроблять отечество. Властолюбивые сыны не гнушаются обагрять рукъ своихъ въ крови единоутробныхъ. Не могутъ остановить свирѣпства ихъ наставленія кроткой и божественной Вѣры, которую просвѣтитель Россіи, Владиміръ принесъ изъ Греціи, въ возмездіе побѣдъ своихъ (лѣто 988). Тщетны старанія

Ярослава о введеніи искусствъ, просвѣщенія, законовъ. Средній сынъ его, Святославъ, изгоняетъ старшаго, Изяслава, и оставляетъ по себѣ враждебное потомство князей Ольговичей, которые изъ столицы своей, Чернигова, препирались безпрестанно съ счастливѣйшими сынами Владиміра Мономаха. Безчисленные походы, побѣды, никакой пользы не приносящія, утомляютъ Россію. Часто Ольговичи, болѣе другихъ виновные, заемлютъ помощь дикихъ Половцевъ. Благоразумный Мономахъ старался ввести единое спасительное средство—установленіе княжескаго сейма; но гордый Олегъ Святославичъ не хотѣлъ, чувствуя вину свою, согласиться на сіи мудрыя мѣры. Такимъ образомъ счастіе народовъ ввѣрено было незапности междоусобныхъ браней. Добродѣтели Мономаховы оживаютъ въ сынахъ его, Мстиславѣ, Ярополкѣ; но хитрый Всеволодъ Ольговичъ, счастливѣе родителя своего, наконецъ возвращаетъ роду своему великое княжество и старается утѣснить удѣльныя. Безполезно: ибо потомство Мономаха превозмогаетъ; но несогласное во мнѣніи о правахъ наслѣдства, оно изъ собственнаго нѣдра своего производитъ противоборниковъ: Изяслава Мстиславича, Вячеслава, Георгія Долгорукаго, честолюбиваго и роскошнаго князя Суздальскаго, основателя Москвы и многихъ Низовыхъ городовъ. Сего послѣдняго сынъ, сіяющій храбростію, Андрей Боголюбскій, оставивъ упадающій Кіевъ честолюбію слабѣйшихъ князей, преноситъ во Владиміръ величество го-

сударства 1155. Онъ побѣждаетъ Болгаровъ: насильственная смерть воспрепятствовала ему покорить Кіевъ и Новгородъ. Братъ его, Всеволодъ Юрьевичъ, ограничиваетъ честолюбіе свое предѣлами справедливости и собственной защиты, между тѣмъ какъ Галичъ и Волынія становятся позорищемъ подвиговъ Венгровъ и Россіянъ. Изъ сыновъ его, Константинъ умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ; Георгій Всеволодовичъ осужденъ видѣть несчастіе отечества, порабощеніе игу татарскому. Въ 1224 году было несчастливое сраженіе на рѣкѣ Калкѣ, потерянное запальчивостью Мстислава Галицкаго и несогласіемъ вождей.

Въ странахъ, незнаемыхъ Россіи, возсталъ страшный завоеватель Темуджинъ, отъ пространства владычества своего именованіе Чингисъ-Хана восприявшій. Владѣтель Малой Орды на берегахъ Онона, оставленный по кончинѣ отца сиротою, превозмогаетъ онъ утѣснявшихъ сиротство его сосѣдей, и скоро, какъ побѣдитель всѣхъ племенъ монгольскихъ, отторгаетъ цѣлыя области отъ древней и спокойной Хины. Сей основатель новаго владычества, законодатель, счастливый, но свирѣпый воинъ, посылаетъ сыновъ своихъ со тмами силъ на опроверженіе престоловъ. Тушп-Ханъ отъ подошвы Кавказа проникъ въ долины кипчакскія и къ предѣламъ Россіи. Онъ преслѣдовалъ Аланъ и Половцевъ, которые требовали покровительства князей русскихъ. Отсюда поводъ брани. Великій князь Владимірскій, Георгій Всеволодовичъ, мыслилъ спасти частныя владѣнія

свои, не хотѣвъ участвовать въ общемъ подвигѣ и способствовалъ тѣмъ къ погибели государства. Онъ не избѣжалъ бѣдствія умедленіемъ. Столица его, семейство, народъ погребены подъ развалинами. Онъ самъ убіенъ въ битвѣ, имъ потерянной. Столь спасительно не уклоняться отъ опасности и противополагать бѣдствію превозвышающее его мужество!

Татары воевали, какъ прилично варварамъ, распростирая ужасъ и разореніе. Кровавые слѣды ознаменовали походъ ихъ. Несчетныя сокровища принесли они въ основанное ими на берегахъ Волги становище, отъ богатства Золотою Ордою проименованное.

Такимъ образомъ безумная воля единаго варвара можетъ низринуть цѣлый народъ на столѣтія въ невѣжество и уничиженіе, и замедлить шествіе человѣческаго рода къ просвѣщенію и благополучію.

ПОКОРЕНІЕ РОССІИ.

(1224—1462).

Непредвидѣнные и неотраженные удары, потоки крови, которыми ознаменовали Татары первое свое нашествіе, и наконецъ явленіе Батыя въ 1236 году, и безполезная, горестная смерть

Георгія Всеволодовича, совершили страшное для Россіи преобразованіе — низведеніе въ политическое рабство. Народъ, отличившійся самою твердою храбростію, побѣдитель другихъ, находившійся уже на нѣкоторой степени просвѣщенія, но ослабленный раздѣленіемъ своимъ и жаркими междоусобія, принялъ иго дикихъ варваровъ, которые восстали только для того, чтобъ разорить вселенную. Пылали расхищаемые грады, народъ нисходилъ въ разверзтую бездну. Нѣкоторые подвиги геройства князей и частныхъ людей не могли уменьшить всеобщаго отчаянія. Одинъ Новгородъ, защищенный непроходимыми болотами своими, не видалъ въ стѣнахъ своихъ свирѣпыхъ разорителей. Управлявшій имъ братъ Георгіевъ, Ярославъ, поспѣшаетъ на дымящіяся развалины Владиміра. Сей несчастный государь первый уклоняетъ выю свою предъ властелиномъ Золотой Орды: между тѣмъ какъ сіяющій мужествомъ сынъ его, Александръ, притупляя наглость сѣверныхъ враговъ Россіи, Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей (1240), пріобрѣтаетъ Невѣ побѣдою своею первую ея знаменитость. Не единою только войною превосходный, онъ умѣлъ согласовать мужество свое съ трудными временами, въ которыя поставленъ былъ Провидѣніемъ. Посредникъ между честолюбивыхъ сродниковъ своихъ, искателей великокняжескаго престола, предупреждаетъ междоусобія. Предстатель народовъ своихъ, пріобрѣтаетъ почтеніе хановъ въ самомъ униженіи передъ ними. Семейство его удаляется отъ толь похваль-

наго примѣра. Братъ его, Ярославъ, угнетаетъ вольность Новагорода: тѣмъ виновнѣе, что, для исполненія сего съ вящшимъ успѣхомъ, призываетъ Татаръ, которые отвергаютъ сіе предложеніе. Разумѣя лучше пользы свои, они питаютъ междоусобія князей. Послѣдователя и брата Ярославова, Василія, низвергаютъ для возведенія Димитрія, сына Александрова, которому въ то же время противополагаютъ брата его, Андрея. Такимъ образомъ разрываются священные союзы родства и другіе, не менѣе священные, которые связуютъ насъ съ отечествомъ. Но что̀ можетъ сравняться съ жалостью, съ негодованіемъ, которое возбуждается въ насъ, и въ отдаленное время, отвратительнымъ соперничествомъ Михаила Ярославича Тверскаго съ Георгіемъ Даніиловичемъ Московскимъ? Сей послѣдній, не почитая ни какого способа низкимъ для достиженія верховнаго сана, зять ордынскаго хана Узбека, (перваго, который принялъ ученіе Магомета), не довольствуясь удручать сродника своего и отечество оружіемъ татарскимъ, влачитъ несчастнаго Михаила на судъ Узбековъ, въ подложной винѣ умерщвленія дщери его, Кончаки. Судебное убіеніе Михаила упадаетъ на главу Георгія, котораго въ самой Ордѣ поражаетъ дерзкій мститель родителя, Димитрій. Не уходитъ отъ меча татарскаго любви достойный Александръ Михайловичъ, изгоняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ страхомъ Узбека и виновнымъ угожденіемъ Іоанна Даніиловича Калиты. По крайней мѣрѣ при

семъ великомъ князѣ, Москва, становясь столицею государства, открываетъ болѣе благопріятные виды будущаго. Тверскіе князья помышляютъ подкрѣпить изнеможеніе свое союзомъ съ Литвою, народомъ новымъ, которому князья его Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ даютъ подвигами своими блестящее существованіе. Они владычествуютъ въ Чермной Россіи, отторгаютъ Кіевъ и имѣютъ вліяніе въ дѣла новогородскія. Угнетенные зависимостью татарскою, Симеонъ Іоанновичъ Гордый и послѣдователь его, Іоаннъ Іоанновичъ, не могутъ въ краткое правленіе свое возставить силу Россіи. Димитрію Донскому суждено было первому извлечь ее изъ уничиженія. Побѣдитель, оружіемъ и великодушіемъ, состязателя своего въ правахъ на великокняжескій престолъ, Димитрія Константиновича Суздальскаго, достойнѣйшій обладатель Россіею, онъ разсѣваетъ безчисленныя силы, которыми Темникъ Мамай подавить его мыслитъ (1380). Но другой варваръ, Тохтамышъ, подъ видомъ мира, находитъ на Москву нечаянно и предаетъ ее мечу и огню. Завоеватель болѣе страшный, Тимуръ-Ленгъ, или Тамерланъ, котораго оружіе покоряетъ Азію, уничижаетъ кичливость Тохтамышеву и явленіемъ своимъ ужасаетъ Россію, во владѣніе великаго князя Василія Димитріевича. Но онъ нанесъ Ордѣ гибельный ударъ, и владычество татарское, раздѣленное на многія племена враждебныя, стремилось къ своему паденію. Василій Васильевичъ Темный, проведя всю жизнь свою въ безполез-

ныхъ и горестныхъ междоусобіяхъ, лишенный зрѣнія виновнымъ сродникомъ своимъ, княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, не имѣлъ времени воспользоваться слабостью Орды. При немъ, на предѣлахъ россійскихъ созидалось царство Казанское. Почитаемый удѣльными князьями, но болѣе любимый подданными, оставляетъ онъ престолъ счастливѣйшему себя государю, сыну своему, Іоанну Васильевичу, котораго княженіе есть эпоха вольности россійской.

ПИСЬМА

КЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ

О ПРЕДМЕТАХЪ, КАСАЮЩИХСЯ ИСТОРІИ И ОПИСАНІЯ РОССІИ.

ПИСЬМА

КЪ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

—

I.

Нѣтъ ничего похвальнѣе въ молодомъ человѣкѣ, какъ сія благородная склонность, которая побуждаетъ его пріобрѣтать новыя знанія и, совершенствуя размышленіе, упреждать тотъ возрастъ, который сдѣлаетъ его участникомъ въ важныхъ упражненіяхъ гражданской жизни. Вы даете хорошій примѣръ сверстникамъ своимъ и лестный знакъ вниманія вашего ко мнѣ особенно, приглашая меня къ пріятной перепискѣ о предметахъ, касающихся Исторіи и описанія отечества нашего, составлявшихъ содержаніе разговоровъ нашихъ въ столицѣ. Какъ древніе Римляне, вы хотите, чтобъ ученіе послѣдовало за вами и въ подгородныя ваши путешествія, дабы, возвращаясь съ гулянья, послѣ пріятнаго пѣшествія по лугамъ и долинамъ, или сходя съ лошади, имѣть еще забавы для разума и пищу для размышленія.

Вы, конечно, взяли съ собою въ деревню рукописанія наши, въ которыхъ заключается краткое начертаніе Россійской Исторіи, мною для васъ сдѣланное. Мы дошли съ вами до того любопытнаго періода, когда Россія стала входить въ ближайшее сообщеніе съ европейскими державами и гдѣ славный историографъ нашъ Миллеръ полагаетъ переходъ ея отъ древней Исторіи къ новой.

Ежели вы захотите пробѣжать ихъ снова, вы увидите, что мы изобразили быстрыми чертами первые успѣхи, которыми ознаменовалъ себя на позорищѣ вселенной народъ Славянскій, одержавшій исключительную верховность надъ всѣми племенами, населявшими Сѣверъ. Будучи, по свидѣтельству Исторіи, просвѣщеннѣе окружавшихъ его пастырскихъ народовъ, онъ имѣлъ уже гражданскія установленія и угрожалъ войною, или соревновалъ въ сіяніи упадающей державѣ Константина. Въ періодѣ безотрадномъ и темномъ, въ которомъ томилась Европа, Новгородъ привлекалъ сокровища Сѣвера и Востока, поражалъ славою своею отдаленные народы и полагалъ основанія буйственной вольности своей, между тѣмъ какъ Кіевъ, возвеличенный Олегомъ, Святославомъ, Владиміромъ, служилъ къ просвѣщенію Россіи присвоеніемъ святой и кроткой Вѣры. Бодрая юность Россійскаго Народа, побѣждая внѣ предѣловъ своихъ, испытала внутри себя несчастія раздѣленія и междоусобія. Иго варваровъ не могло уничижить вын его и онъ возникъ ве-

личественнѣе подъ мудрымъ правленіемъ Іоанновъ. Съ тѣхъ поръ составляя одно и не раздѣленное политическое тѣло, и уже владыка народовъ, которые поработить его мечтали, народъ россійскій долженъ былъ только явиться въ Европѣ, чтобъ стать наравнѣ съ другими просвѣщенными ея націями, какъ вдругъ пресѣченіе царствующаго рода едва не подвергло его паки опасности разрушенія и алчности завистствующихъ сосѣдей. Любовь отечества, которая возбудила всѣ состоянія государства къ благородному соревнованію, вооружила войско героевъ по слѣдамъ Пожарскаго и Минина и утвердила общее спокойствіе возведеніемъ на престолъ Романовыхъ. Подъ счастливымъ управленіемъ ихъ Россія воспріяла не только прежнія силы свои, но и предваривъ обыкновенное теченіе вещей удивительною дѣятельностью, положила новую тяжесть въ равновѣсіи Европы и съ удобностью присвоивъ новые нравы и искусства, по слову Петра Великаго, разліяла просвѣщеніе по неизмѣримому пространству земель, соединенныхъ подъ сильными ея законами.

Въ шествіи Исторіи не должно останавливаться надъ происшествіями безплодными и уединенными, которыхъ дѣйствіе было мгновенно, или тѣсными предѣлами ограничено, надъ сею утомляющею картиною брани и сраженій, давно позабытыхъ съ маловажными причинами, ихъ внушившими. Тѣ токмо происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или

препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Начертаніе ихъ, освобожденное отъ побочныхъ обстоятельствъ, впечатлѣваетъ въ разумѣ неизгладимое воспоминаніе.

Особливо достойны вниманія наблюдателя нравы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Такимъ образомъ Исторія какого либо народа есть лучшее истолкованіе умоначертанія его.

Примѣняясь къ симъ правиламъ, я буду сообщать вамъ разсѣянные опыты о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся Россіи, ея политическаго положенія, ея географіи, исторіи и прочаго, безъ плана, безъ условія, такъ, какъ внушеніе минуты или обстоятельства почты мнѣ позволятъ. Я есмь....

II.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ.

Не было никогда столь обширнаго пространства земли, подверженнаго безпрерывно владычеству единаго народа, какъ настоящіе предѣлы Россійской Имперіи. Занимая знатную часть Европы, простирается она по всему сѣверу Азіи, и Беринговымъ Проливомъ раздѣляется отъ Аме-

рики. Сто восемьдесятъ степеней долготы отъ острова Эзеля до Чукотскаго Носа и тридцать пять широты отъ Колы на Сѣверномъ Океанѣ до Севастополя на Черномъ Морѣ опредѣляютъ пространство ея. Сѣверный и Восточный океаны омываютъ ея предѣлы, великія моря: Балтійское, Бѣлое, Каспійское, Черное, пріемлютъ въ нѣдро свое великія ея рѣки и отверзаютъ торговлю съ отдаленнѣйшими странами вселенной. Европейская часть ея есть неизмѣримая равнина, нечувствительно возвышенная между Москвы, Тулы, Смоленска, которой Валдайскія Горы суть нѣкоторыя ступени. Сія плоская возвышенность склоняется во всѣ стороны и съ нея бѣгутъ великія рѣки: Двина Западная, Днѣпръ, Волга, въ Балтійское, Черное, Каспійское моря поспѣшающія. Отъ юго-востока примыкаютъ къ ней Кавказскія Горы, у подошвы которыхъ Донъ уклоняется отъ Волги и втекаетъ въ Азовское Море. Отъ Печоры возвышается великій хребетъ горъ и проходя до верховья Урала, заслуживаетъ имя земного пояса. Югъ Сибири возвышается великою грядою горъ, подъ именемъ Алтайскихъ извѣстною, которою не допускаются благотворные вѣтры юга, и рѣки Иртышъ, Обь, Енисей, Лена и прочія теченіемъ своимъ показываютъ наклонность къ сѣверу. Хребты Яблоновой и Становой обращаются на сѣверъ и отдѣляя отрасли въ Камчатку, составляютъ острова Курильскіе и Алеутскіе. Поблизости къ полюсу, большая часть Россіи подвержена ужасному холоду.

Но умѣренная полоса ея награждена плодородіемъ, лѣсами, скотоводствомъ, всѣми выгодами жизни. Лѣса потеряли непроходимую свою мрачность и степи, прежде кочующими народами посѣщаемыя, обогащаютъ земледѣльцевъ. Сладкіе плоды юга приходятъ въ зрѣлость свою въ Астрахани, Кіевѣ и Тавридѣ. Славяно-Россы, владычествующій народъ, живутъ между племенами чудскими, татарскими и монгольскими. Населеніе до 26 милліоновъ простирается. Послѣ Москвы и Санктпетербурга, многолюднѣйшихъ городовъ, знатнѣйшіе суть: Казань, Астрахань, Архангельскъ, Рига, Кіевъ, Тобольскъ, Иркутскъ. Нѣдро земли не менѣе богато минералами, какъ и поверхность ея прозябеніями. Особливо знаменито желѣзо россійское. Въ Сибири Колыванскіе заводы въ Алтайскихъ Горахъ и Нерчинскіе даютъ серебро и золото. Олонецкія Горы снабжаютъ своими мраморами. Водяныя сообщенія связываютъ отдаленнѣйшія области государства и подаютъ величайшее пособіе внутренней торговлѣ. Одною Волгою соединяется Каспійское Море съ Балтійскимъ, и Санктпетербургъ наслаждается изобиліемъ Низовыхъ странъ. Ежели Донъ соединится съ нею каналомъ, то и Черное Море вступитъ въ сообщество съ двумя первыми. Мореплаваніе Алеутскихъ Острововъ есть средство сообщенія съ Америкою, такъ, какъ Камчатка и Курильскіе Острова могутъ когда нибудь служить связью торговли съ Японіею и Китаемъ.

III.

О ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РОССІИ.

Многоразличность климатовъ, которые содержитъ въ себѣ Россія, производитъ и великое различіе въ естественныхъ произведеніяхъ. Между тѣмъ какъ намѣстничества Выборгское, Олонецкое и Архангельское занимаютъ иногда обыкновенные овощи огородные, Таврида и Астрахань производятъ виноградъ и шелковичное дерево. Сливы, груши, яблоки и самые нѣжные плоды возвращаются благорастворѐніемъ намѣстничествъ Екатеринославскаго, Кіевскаго и Харьковскаго по берегамъ Днѣпра и Дона. Но то, что̀ служитъ основаніемъ народнаго существованія, питательныя растенія и разныя жита, каковы рожь, овесъ, ячмень, пшеница, просо, горохъ и проч., принадлежатъ безъ исключенія каждому климату государства, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ удобреніемъ и урожаемъ. Краткость лѣта въ сѣверныхъ краяхъ замѣняется силою солнечнаго жара, которая сокращаетъ обыкновенное время растенія, и хлѣбъ поспѣваетъ скорѣе къ жатвѣ. Но не всѣ роды онаго могутъ быть съ успѣхомъ переселены къ сѣверу и нѣжнѣйшіе остаются въ умѣреннѣйшихъ странахъ. Въ Украйнѣ нивы не требуютъ унавоживанія, обильны будучи черноземомъ, между тѣмъ какъ безсочныя земли

Новагорода, Твери, Вологды и проч. ничего не производятъ безъ удобренія. Въ Украйнѣ урожай возвращаетъ земледѣльцу въ восемь разъ, или болѣе, сѣмяна его; въ Новѣгородѣ родится самъ-другъ или самъ-третей.

Населеніе необходимо послѣдуетъ удобности пропитанія. Но въ цѣломъ государствѣ избыточество одной области награждаетъ недостатокъ другой обращеніемъ внутренней торговли и способами существованія. Знатная пристань, важное торжище соединяетъ иногда огромное населеніе въ странѣ, менѣе изобильной земледѣліемъ. Прилежность купца и работника снабжаетъ ихъ пропитаніемъ и сама награждается прибавкою цѣны. Такимъ образомъ мѣра хлѣба въ Петербургѣ впятеро дороже того, что она стоитъ на мѣстѣ. Плодороднѣйшія области наши суть умѣреннѣйшія, ниже 55°, намѣстничества Орловское, Курское, Тульское, Калужское, Тамбовское, Пензенское, Симбирское, Казанское и проч. Недостатокъ населенія въ нѣкоторыхъ происходитъ отъ новости онаго, по причинѣ татарскаго страха. Но есть земли безводныя, безлѣсныя, болотистыя или песчаныя, которыя, кажется, сама природа къ пустотѣ осудила. Таковы берега Сѣвернаго Океана, едва доставляющіе нужное пропитаніе скуднымъ рыболовамъ, и степи, солончаками покрытыя, которыя занимаютъ все пространство между Дона и Волги.

Не менѣе важны растенія, которыми изобилуетъ Россія, на употребленія въ рукодѣліяхъ.

Великіе лѣса дубовые въ югѣ, лиственичные въ сѣверѣ служатъ не только своему, но и чужихъ народовъ кораблестроенію. Липовые, употребляемые на дѣланіе рогожъ, на домостроительныя издѣлія и на обувь народа; сосновые, еловые, изъ коры которыхъ сидятъ смолу и деготь. Особеннаго примѣчанія достойны ленъ и пенька,— произведенія сѣверныхъ областей, составляющія одну изъ важнѣйшихъ статей иностраннаго вывоза. Въ Малороссіи табакъ разводится съ успѣхомъ. Изъ винограда приготовляютъ вино въ Астрахани и Тавридѣ, такъ, какъ есть и заведенія шелковыхъ червей.

Скотоводствомъ отмѣнно изобилуетъ Малороссія. Кочующіе народы пригоняютъ ежегодно для мѣны къ Оренбургу безчисленное множество овецъ. Рыбная ловля на Волгѣ и Уралѣ заслуживаетъ особливое вниманіе; и вообще озера и рѣки россійскія изобилуютъ рыбою.

Опустѣніе Сибири, конечно, произошло отъ движенія народовъ и переселеній, затѣмъ что умѣренныя страны ея представляютъ всевозможныя выгоды для обитанія и слѣды древнихъ рудокоповъ, въ разработаніи рудниковъ находимыя, свидѣтельствуютъ жительство народа сильнаго и искуснаго.

Съ началомъ нынѣшняго столѣтія началось заводское дѣло въ Уральскихъ Горахъ, изобильныхъ мѣдью и желѣзомъ. Въ Колывановоскресенскихъ и Нерчинскихъ заводахъ достается серебро, такъ

же, какъ и въ Екатеринбургскихъ Березовскихъ золото.

Желѣзо россійское не только-что довольствуетъ государство, но и въ великомъ числѣ выходитъ въ иностранныя земли.

Другое ископаемое, не менѣе нужное, потому что служитъ въ пищу — соль, добывается близъ Оренбурга, каменная въ Илецкой Горѣ, изъ озеръ бузунъ въ Астраханской области и въ Уфимскомъ намѣстничествѣ; кромѣ того, производится въ соловарняхъ пермскихъ въ Соликамскѣ и старорусскихъ соляныхъ заводахъ. Соль находится также и въ Тавридѣ.

IV.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Первые вѣки Россійскаго Народа имѣли мѣстомъ-дѣйствія своего тѣ страны, которыя простираются прямою чертою отъ Чернаго Моря къ Финскому Заливу и прилежатъ къ берегамъ Днѣпра, Западной Двины и Волхова. Сіе пространство получило первѣйшее населеніе и въ немъ находятся древнѣйшіе города Россіи: Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Тмутаракань, котораго положеніе недовольно извѣстно. Къ Волгѣ отлучались только города: Суздаль, Муромъ,

Ростовъ. Впрочемъ, востокъ Россіи покрывался, должно думать, глубокими лѣсами. Кіевъ, сдѣлавшись средоточіемъ правленія, привлекъ въ зависимость свою знатную часть Польши, до венгерскихъ границъ, извѣстную подъ именами Волыни и Чермной Россіи. Россійскими князьями сооружаемы и обладаемы были нынѣшніе польскіе города: Владиміръ-Волынскій, Луцкъ, Минскъ, Перемышль, Теребовль, Галичъ, котораго государи великими князьями вмѣстѣ съ кіевскими и владимірскими именовались. Честолюбивый князь суздальскій, Георгій Долгорукій, подстрекаемъ желаніемъ овладѣть кіевскимъ престоломъ, строилъ города подобныхъ наименованій въ своемъ менѣе уважаемомъ удѣлѣ и способствовалъ къ населенію сей пустой и большей части Россіи, куда наконецъ сынъ его, Андрей Боголюбскій, перенесъ и престолъ великокняжескій. Кіевъ, оставленный менѣе сильнымъ князьямъ, пришелъ въ небреженіе, разоренъ Татарами, отторгнутъ Польшею отъ Россіи и сдѣлался изъ столицы государства областью непріятелей. Съ того времени похищенный съ нимъ удѣлъ получилъ несвойственное имя Малой Россіи. Правленіе, нравы и языкъ польскій оставили въ ней и донынѣ еще неизглаженные слѣды свои. Земля важнаго пространства и чрезвычайнаго плодородія, пересѣчена судоходными рѣками, которыя съ обѣихъ сторонъ изливаются въ Днѣпръ и усѣяна пространными и высокими дубовыми рощами. Изобилія птицъ и рыбъ, безчисленные рои пчелъ,

въ пещерахъ и дуплахъ гнѣздящіеся, огромность рогатаго скота, благорастворе́ніе воздуха, доброта земли для всякаго жита и роскошь произрастенія, все изъявляетъ щедрость природы и возбуждаетъ трудолюбіе человѣка. Жители отличаются праводушіемъ, гостепріимствомъ и склонностью къ ученію. Они составляли нѣкоторый видъ воинства, подъ именемъ казаковъ, и управлялись полководцемъ или гетманомъ. Утѣсняемые правленіемъ польскимъ въ исповѣданіи Вѣры, свергнули оное совѣтомъ гетмана своего Хмѣльницкаго и въ лѣто 1654, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, самопроизвольно присоединились къ Россіи. Одинъ изъ гетмановъ ихъ, Мазепа, извѣстенъ измѣною своею Петру I-му. Послѣднимъ былъ графъ Разумовскій, по отреченіи котораго напередъ учреждена была Малороссійская Коллегія, а потомъ введено общее гражданское правленіе Россіи и учреждены намѣстничества: Кіевское, Черниговское, Харьковское и Новгородско-Сѣверское. Отмѣннаго примѣчанія достойны: Кіевъ, своею древнею славою, пещерами и академіею; Черниговъ на Деснѣ, два столѣтія бывшій удѣломъ особливаго княжескаго рода; Нѣжинъ, при рѣкѣ Острѣ, городъ славный купечествомъ и селеніями Грековъ и Армянъ; Харьковъ, основанный выходцами изъ польскаго владѣнія; Глуховъ, красивый городъ, бывшій мѣстомъ пребыванія Малороссійской Коллегіи; Полтава, славная побѣдою Петра I.

V.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Отъ предѣловъ древняго княжества Полоцкаго распростираются къ сѣверу и по берегамъ Варяжскаго или Балтійскаго Моря области Чудскаго народа, котораго соединеніе со Славянскимъ въ самомъ началѣ россійскихъ лѣтописей предполагается. Разнородность однако не могла загладиться, и языкъ, несходственный со всѣми окрестными, но особливою полосою даже за Уральскія Горы проникшій, назначаетъ особливое племя человѣческаго рода, нигдѣ до знаменитости и просвѣщенія недостигшее. По разности нарѣчій, обитатели дали разныя наименованія областямъ, особливо по занятіи Нѣмцовъ. Отсюду названія Лифляндіи и Эстляндіи и отъ нихъ отдѣленной Курляндіи. Двѣ первыя извѣстны въ составленіи Россіи подъ именами Рижскаго и Ревельскаго намѣстничествъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ страны сей есть Юрьевъ, или Дерптъ, по имени основателя своего Ярослава или Юрья именующійся, созданный имъ для управленія Чуди и собиранія податей. Въ XII вѣкѣ нѣсколько купцовъ бременскихъ занесены были бурею съ моря въ устья Западной Двины. Они обратили несчастіе свое въ выгодный случай торговли. Нѣкоторые чудскіе жители при-

няли христіанскую вѣру. Тогда, согласно съ нравами временемъ тѣхъ, особливое военное общество, принявшее именованіе рыцарей меченосцевъ, отправились въ Чудь для приведенія народовъ въ Вѣру завоеваніемъ. Россія, опечаленная въ то же время ужаснымъ нашествіемъ Батыевымъ, не могла воспротивиться сему похищенію областей, на которыя она имѣла толь древнія права. Рыцари покорили народъ, который обращать предпріяли, и естественные жители земли стали рабами пришельцовъ. Дерзость рыцарей была столь велика, что, соединясь съ Даніею и усилившись помощію Шведовъ, они прислали требовать сдачи Новагорода. Но Александръ Невскій отразилъ достойнымъ образомъ нападеніе сіе. Между тѣмъ Рига, важная положеніемъ своимъ, достигла великой знаменитости въ торговлѣ. Ревель, или Колывань, построенный Датчанами, сталъ главою Эстляндіи. Многіе города, Едемпо, Ракоборъ и прочіе, потеряли знаменитость свою и превратились въ деревни. Послѣ множества безплодныхъ походовъ великій князь Иванъ Васильевичъ, властелинъ Новагорода, начерталъ, кажется, Россіи путь къ пріобрѣтенію Лифляндіи построеніемъ противъ Нарвы огромной крѣпости Иванъ-Города, иногда называвшагося Русскою Нарвою. Долго желаніе государей россійскихъ ограничивалось владѣніемъ Нарвы, такъ какъ средствомъ соединенія съ Европою. Царь Іоаннъ Васильевичъ употребилъ всѣ свои усилія на исполненіе предпріятія сего.

Но грубость времени и собственная склонность къ насильственнымъ дѣяніямъ воспрепятствовали оному. Подъ Нарвою испыталъ Петръ I, въ 1700 году, что множество уступаетъ военному благоустройству, и въ слѣдующій годъ, послѣ взятія Шлиссельбурга, пріобрѣлъ ее Россіи. Впрочемъ, въ Рижскомъ намѣстничествѣ заслуживаетъ примѣчаніе Перновъ и Аренсбургъ на островѣ Эзелѣ.

VI.

ВОЙНЫ, КОТОРЫЯ ИМѢЛА РОССІЯ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ШВЕЦІЕЮ.

Неизмѣримое пространство земли, которое присвоилъ себѣ народъ россійскій, храбрость и внутренняя сила его, мужество государей, управляемое мудростью — столько преимуществъ поставили его выше боязни непріятелей. Во времена невѣжества и раздѣленія подпалъ онъ неволи варваровъ. Но владычество ихъ воздвигнуто было силою дикою и непросвѣщенною, и пало подъ своею собственною тягостью. Россія испытала счастливое вліяніе гражданскихъ установленій и государственной мудрости. Въ XV вѣкѣ возсіяла она новымъ свѣтомъ, заимствованнымъ отъ верховнаго духа великаго князя

Іоанна Васильевича. Сила татарская уже изды-хала. Владычица въ собственныхъ предѣлахъ своихъ, Россія изнесла оружія свои изъ оныхъ. Ей должно было возвратить отъ Польши богатыя области, которыя похитила у ней сія послѣдняя держава, воспользовавшись порабощеніемъ ея. Войны, около двухъ столѣтій съ различными успѣхами продолжавшіяся, рѣшились наконецъ въ пользу Россіи. Кіевъ, Смоленскъ позабыли позоръ чуждыя власти, и Польша, изнемогая подъ утѣсненіемъ несогласной аристократіи, уступила навсегда превосходству россійскаго народа. Государи онаго, со временъ ПЕТРА I, не воевали Польшу, но покровительствовали ей. Другой народъ сосѣдственный, Шведы, показали болѣе силы въ борьбѣ съ Россіею и служили по неволѣ къ возвеличенію оной. Вѣроятно, что и въ тѣ времена, до коихъ не достигаютъ письменные памятники, предки обоихъ народовъ имѣли много сообщенія и браней между собою, особливо Новгородъ, сопредѣльный Швеціи. Изъ ней взялъ себѣ супругу Ярославъ и выдалъ дочь свою за Гаральда Храбраго. Чудскія области, лежащія между обоихъ государствъ, пріуготовляли причину вражды. Александръ Невскій пріобрѣлъ себѣ славное имя въ XIII столѣтіи побѣдою надъ Ерикомъ Косноязычнымъ. Сынъ его, Андрей, взялъ Ніеншанцъ, на устьѣ Невы. Князь Георгій Даниловичъ осаждалъ Выборгъ и построилъ Орѣховецъ, который отразилъ потомъ нападенія славнаго Густава Вазы;

Іоаннъ Васильевичъ, простирая взоры свои къ Ливоніи, поставилъ Иванъ-Городъ соперникомъ Нарвѣ. Успѣія царя Іоанна Васильевича Грознаго были еще несравненно болѣе, и храбрый воевода его князь Палецкой многократно торжествовалъ надъ Густавомъ Вазою. Счастливѣе былъ вождя сего Понтусъ де ла Гардіе, который въ несчастное междуцарствіе послѣ Димитрія самозванца завладѣлъ Новымъ-Городомъ. Предпріятія царя Алексѣя Михайловича превзойдены безсмертными подвигами Петра Великаго, низведшаго Швецію двадцатилѣтнею войною со степени величія, которую она занимала въ Европѣ, и учинившаго Россію морскою державою присоединеніемъ Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи. Обезсиленная Швеція помышляетъ возвратить уронъ свой, зачавъ войну въ 1740 году. Но счастливый Лёсси однимъ появленіемъ своимъ обращаетъ въ бѣгство воинства шведскія. Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ умножаютъ Россійскую Финляндію. И наконецъ въ наши дни видѣли мы безуспѣшное покушеніе Швеціи возвратить незагладимый ударъ, нанесенный ею подъ Полтавою.

VII.

ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ.

Мы видѣли, что Россія, вышедъ счастливымъ образомъ почти въ одно время изъ междоусобной борьбы съ собою и изъ покоренія татарскаго, дала сама почувствовать силу свою окружающимъ ее народамъ. Мы начертали легкое изображеніе браней ея съ Польшею и Швеціею. Не менѣе важно дѣйствіе ея къ югу на страшное владычество, которое поглотило Восточную Имперію и, внушаемо суевѣріемъ кровожаждущаго закона, грозило завоевать Европу. Сношенія наши съ Константинополемъ были прерваны ослабленіемъ Кіева и нашествіемъ татарскимъ. Но уже нѣсколько столѣтій сила Константинополя подрываема была племенемъ ужаснымъ, сошедшимъ съ Алтайскихъ Горъ и отъ береговъ Иртыша и приведшимъ въ трепетъ Европу подъ именемъ Турокъ. Наслѣдовавъ завоеваніямъ Аравитянъ и принявъ вѣру пророка ихъ, раздробляли они по частямъ Грецію, покуда наконецъ взятіемъ Константинополя, 1453 года мая 29-го дня, подъ предводительствомъ Магомета II, положили конецъ Греческой Имперіи. Оттуда распространили они завоеванія свои на окрестныя европейскія земли. Съ ужасомъ смотрѣли на успѣхи ихъ: и поочередно Венеція,

Польша, Венгрія, Германія испытали счастіе ихъ оружія. Подверженіе Крыма покровительству оттоманскому приблизило Россію къ Турціи и приуготовило причины брани. Безпокойные жители онаго разливались по изволенію на села и города россійскіе и были отражаемы мужествомъ подобнаго имъ воинства казаковъ, составлявшихъ какъ будто бы первую ограду Россіи. Первое предпріятіе, которое произвели Турки сами на Россію, было въ царство Іоанна Васильевича Грознаго, 1569 года. Селимъ II, султанъ турецкій, послалъ янычаръ и спаговъ отъ Азова Дономъ для возвращенія завоеваннаго тогда Россіею Царства Астраханскаго. Усилія Турокъ соединить Донъ съ Волгою были тщетны, и Астрахань спасена воеводою княземъ Серебрянымъ. Около половины прошедшаго вѣка общество казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, во владѣніе царя Михаила Ѳеодоровича, прославило себя взятіемъ Азова и показало Россіи стезю къ выгодному распространенію своего могущества на Черномъ Морѣ. Ихъ храбрость отразила на другой годъ многочисленное воинство морское и сухопутное, предводительствуемое капитаномъ-пашею, и одна невозможность защищать городъ принудила ихъ оставить его подорванной. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1677 году, былъ походъ подъ Чигиринъ, казацкій городъ, который Турки принуждены были уступить Россіи. Въ малолѣтство царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, въ то время, когда

Евгеній прославлялъ имя свое знаменитыми побѣдами надъ Турками, Россія, приглашенная императоромъ нѣмецкимъ, приняла участіе въ войнѣ. Въ 1687 году воинство ея, подъ предводительствомъ намѣстника новгородскаго и оберегателя государственной печати, князя Голицына, который имѣлъ тогда величайшую силу въ правленіи, одержало нѣкоторую поверхность надъ передовыми отрядами Татаръ. Но пожары степей воспрепятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ. Таковы были первые опыты Россіи противъ Турокъ! Они превзойдены въ послѣдствіи творческимъ духомъ Петра Великаго. Первое оружіе свое испыталъ Онъ надъ Турками взятіемъ Азова, 1696 рода. Подъ Нимъ начальствовали Шереметевъ и Шеинъ. Флотъ, построенный на Воронежѣ, вспомоществовалъ движеніямъ сухопутнаго воинства. Побѣдитель Карла XII подъ Полтавою, Государь не имѣлъ того же счастія противъ Порты, которая дала убѣжище сопернику его въ Бендерахъ. Обманутъ господаремъ Волошскимъ, который обѣщалъ Ему доставленіе съѣстныхъ припасовъ, окруженъ на рѣкѣ Прутѣ многочисленными силами Турокъ, Государь принужденъ былъ заключить несчастливый походъ свой, въ 1711 году, прошеніемъ мира. Сіе униженіе было заглажено съ лихвою сіяющею войною, 1736 года, при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Минихъ взялъ Хотинъ, Очаковъ, занялъ Молдавію; Лесси проникъ въ середину Крыма неожидаемымъ путемъ. Императоръ Карлъ

VI былъ далекъ отъ такового счастія и позорнымъ миромъ принудилъ и Россію, въ 1740 году, оставить завоеванія свои. Безпокойства Польши ввели Порту, въ 1767 году, въ несчастную войну съ Россіею. Ею воспелъ Румянцевъ на чреду великихъ людей. За Дунаемъ принудилъ онъ визиря, окруженнаго отовсюду, заключить славный для Россіи миръ, при Кучукъ-Кайнарджи, въ 1774 году. Присоединеніе Крыма къ Россіи было наконецъ причиною, въ 1787 году, нынѣ продолжающейся войны Турецкой.

VIII.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ НѢМЕЦКОЮ ЗЕМЛЕЮ.

Мы видѣли положеніе Россіи въ разсужденіи окрестныхъ народовъ Польши, Швеціи и Турціи. Сосѣдство Нѣмецкой Земли менѣе близко. Но знаменитость ея, храбрость и благоустройство воинствъ, союзное правленіе многихъ государей подъ единою главою наслѣдника кесарей, многолюдство, промышленость, всѣ сіи обстоятельства, и многія другія, долженствовали приближать Россію къ Германіи. Въ самой древности славянскія племена проникли во внутрь ея и нашли въ ней твердое поселеніе. Древнія царства Сербіи, Богемія присоединены къ гер-

манскому владычеству. Изяславъ I искалъ убѣжища при дворѣ императора Генриха IV, не менѣе несчастнаго государя. Нашествіе татарское прервало всѣ образы сообщенія Россіи съ другими государствами. Возвращеніе свободы и единства при Іоаннѣ Васильевичѣ препровождено было возобновленіемъ всѣхъ прежнихъ сношеній. Императоры германскіе, признавъ выгоду, которая произойти долженствовала изъ союза съ Россіею, старались соединиться съ нею противъ враговъ христіанства. Максимиліанъ I, заключая союзъ противъ Польши, въ 1514 году, съ Василіемъ Іоанновичемъ, приписываетъ ему титло Императора Россійскаго. Первыя военныя дѣйствія Государя Петра Великаго противъ Турокъ согласованы были съ Леопольдомъ I, императоромъ римскимъ, и заключены карловицкимъ миромъ. Увлеченъ успѣхами войны противъ Карла XII, въ предѣлы Нѣмецкой Земли, Государь имѣлъ случай въ ней самой показать силу новаго оружія своего. Голштинія, Померанія становятся позорищемъ войны и Король Прусскій, союзникъ Петра I, получаетъ отъ него Штетинъ въ воздаяніе оказанной помощи. Полагаютъ, что Государь имѣлъ желаніе быть членомъ имперіи. Съ тѣхъ поръ не было никакого политическаго происшествія въ Европѣ, въ которомъ бы нечувствительно было вліяніе Россіи. Такимъ образомъ въ войну за наслѣдство Карла VI, въ 1748 году, 30,000 Россіянъ, пришедшіе на берега Рейна, подъ предводительствомъ князя

Репнина, принудили Францію заключить миръ съ имперіею и морскими державами. Счастливое честолюбіе Фридриха II возводило между тѣмъ Пруссію на степень сильныхъ государствъ, и Шлезія, отторгнутая отъ дома австрійскаго, продолжала быть причиною браней. Саксонія благопріятствовала втайнѣ сторонѣ вѣнскаго двора и первая потерпѣла отмщеніе Фридриха. Россія вступилась за своихъ союзниковъ. Многочисленное войско, въ 1757 году, подъ предводительствомъ фельдмаршала Апраксина, вошло въ Пруссію. Побѣдитель въ толь многихъ битвахъ не могъ защищаться противъ мужества Россіянъ. Ферморъ занялъ Кенигсбергъ. Послѣдовавшій ему, графъ Салтыковъ, присоединяя къ счастію любовь воиновъ, заглаждаетъ несчастіе кистринской баталіи, кровопролитной съ обѣихъ сторонъ, двумя битвами, Палцигскою и Франктфуртскою, на которыхъ онъ похищаетъ побѣду у короля. Самая столица, Берлинъ, видитъ въ себѣ войска россійскія. Графъ Румянцевъ беретъ важную приморскую крѣпость Кольбергъ. Кончина Государыни Елисаветы Петровны была послѣдована перемѣною въ политикѣ. Король обязанъ избавленіемъ своимъ тѣмъ же войскамъ, которыя привели его на край погибели. Графъ Чернышевъ начальствовалъ россійскими войсками, которыя должны были вспомоществовать королю противъ Австрійцовъ. Миръ, заключенный въ Губертсбургѣ, 1762 года, возстановилъ все въ прежнее состояніе, и Король Прусскій былъ

по смерть свою ревностнымъ союзникомъ Россіи. Въ 1779 году, послѣ краткой войны съ императоромъ Іосифомъ II за баварское наслѣдство, принялъ онъ посредничество Россіи, и князь Репнинъ, который долженъ былъ начальствовать корпусомъ, заключилъ миръ между обоими государями въ Тешенѣ. Въ 1787 году, когда Турки нарушили миръ съ Россіею, императоръ Іосифъ II, въ то же время объявилъ войну Портѣ, и завоеваніе Хотина, Бѣлграда и другихъ мѣстъ ознаменовало оную.

Послѣ войны, которую Россія окончила съ Турками столь счастливо, въ 1774 году, согласіе Пруссіи, Австріи и Россіи произвело раздѣлъ Польши между оными.

IX.

ДѢЛА СЪ ПЕРСІЕЮ.

Потомки Персовъ, которые нѣкогда владѣли Азіею и грозили поработить Европу, далеки нынѣ отъ толикой славы. Самовластіе удѣльныхъ султановъ, рабство и невѣжество оскверняютъ престолъ Кировъ. Естественное богатство земли и сосѣдство Индіи не служатъ къ благополучію народа, затѣмъ что онъ не имѣетъ правленія мудраго и справедливаго. Со дней Крассовыхъ,

Персія дерзала соревновать Риму, который имѣлъ отмстить ей понесенныя пораженія. Сильный Хозрой, или Нуширванъ, привелъ въ опасность Восточную Имперію во дни императора Фоки. По его бѣдственной смерти, Персія подпала игу калифовъ и перемѣнила вѣру Маговъ на ученіе Магомета, Аліевой секты. За Аравитянами слѣдовали Турки въ завоеваніи Персіи и наконецъ Монголы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія погружена она въ несчастія междоусобной войны слабостью и пороками шаха Гуссеина. Авганцы, воинственный народъ на границахъ Персіи, предводительствуемый предпріимчивымъ вождемъ своимъ Миривейсомъ, отложился отъ власти шаха; съ другой стороны хищные Лезгинцы разорили Шамахію, городъ, процвѣтавшій торговлею. Имѣніе нѣкоторыхъ россійскихъ купцовъ было въ немъ пограблено и Государь Петръ I-й просилъ удовольствія. Слабый шахъ Гуссейнъ, будучи не въ силахъ дать онаго, просилъ у Государя помощи для возстановленія падающаго своего престола. Въ 1722 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, Государь, прибывъ въ Астрахань съ Супругою Своею, посадилъ 30,000 пѣхоты на флотъ, предводительствуемый адмираломъ Апраксинымъ. Вышедъ на берегъ у залива Аграхамскаго, Государь пріемлетъ въ зависимость Свою падающихъ султановъ: отверзаютъ врата свои города Тарху и Дербентъ, или Желѣзныя Врата, крѣпость, приписывающая возобновленіе свое Александру Великому. Погоды и разсѣяніе транспортныхъ су-

довъ воспрепятствовали Государю продолжать успѣхи оружія своего далѣе. Возвратясь въ Москву, Онъ удостоилъ походъ Свой тріумфа, и соблюдая, по обычаю своему, подчиненность, донесъ Ромодановскому объ успѣхѣ предпріятія. Въ слѣдующій годъ посолъ персидскій, прибывшій въ Санктпетербургъ, Измаилъ Бекъ, уступилъ Россіи, именемъ государя своего, города Баку и Дербентъ, съ уѣздами, и области Гилянскую, Мазандеранъ и Астрабатъ. Въ Персіи возшелъ на престолъ изъ самаго ничтожества возвысившійся Тахмасъ Кулиханъ и Россія уступила ей обратно свои пріобрѣтенія.

X.

ПРІОБРѢТЕНІЕ СИБИРИ.

Сѣверъ Азіи выпускалъ изъ предѣловъ своихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій безчисленныя сонмища варваровъ дикихъ и неодолимыхъ. Близъ хребтовъ Алтайскихъ укрѣплялась медлительно огромная сила татарская, которая, изліясь изъ предѣловъ своихъ во всѣ стороны, подобно стремленію разоряющей рѣки, низпровергла царства и опустошала земли. Между тѣмъ какъ глава татарскаго имени продолжалъ властвовать изъ стѣнъ Каракорома въ степяхъ, прилежащихъ

къ Китаю и на берегахъ Амура, зависящіе отъ него ханы, въ удѣлахъ своихъ не менѣе самовластные, учредили столицы свои въ странахъ, пріобрѣтенныхъ оружіемъ. Батыю досталось ханство Даште-Кипчакское. И Орда его, отличенная именемъ Золотой, сохраняя дикость древнихъ нравовъ, имѣла становище свое по теченію и при устьяхъ Волги. Разоренные города мирнаго царства Болгарскаго попирались стадами ордынскими. Ока ограничивала поселенія россійскія. Но когда междоусобіе вооружило Татаръ другъ на друга и честолюбивые вельможи играли слабостью хановъ, Россія воспріяла мужество разбитіемъ Мамая, тогда ханы пріучились искать убѣжища въ Россіи. Такимъ образомъ Улу-Махметъ возобновилъ стѣны Казани, которыя стоили толь многихъ походовъ. Прозорливость Іоанна Васильевича, терпѣніе Василія и превышающая сила Царя Іоанна Васильевича Грознаго унизили навсегда имя, нѣкогда страшное, татарскаго народа. Царства Казанское и Астраханское присоединились къ предѣламъ Россіи. Слабый остатокъ силы татарской, ханство Туралинское, сокрывался за сими величественными горами, которыя, отдѣляя Азію отъ Европы, назывались окрестными обитателями поясомъ земли. Толпѣ Донскихъ Казаковъ и бодрому атаману ихъ Ермаку Тимоѳѣеву предоставлена была честь подвергнуть оное скипетру Россійскому подъ конецъ владѣнія Царя Іоанна Васильевича (1580) и открыть будущимъ изысканіямъ необъятное про-

странство земель, богатое сокровищами нѣдръ своихъ, драгоцѣнною рухлядью и узкимъ проливомъ отъ Америки отдѣленное. Семейство Строгановыхъ, изстари на границахъ Сибири поселившееся, снабдило припасами и оружіями сего предпріимчиваго завоевателя, Пизаррамъ и Кортесамъ равнаго и преодолѣвшаго тмы препятствій, противупоставленныхъ и природою и многочисленными племенами, которыя побѣдить ему надлежало. Сибирью, или Искеромъ, называлась столица Кучума, сильнѣйшаго государя въ окрестности на берегу Иртыша, отъ которой и вся земля получила имя свое.

XI.

СООБЩЕНІЯ СЪ КИТАЕМЪ.

Открытіе Сибири, счастливое дѣло нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ казаковъ, послѣдователей Ермака, Бузы, Бекетова, Пояркова, Хабарова, Атласова, ограничило Россію водами Ледовитаго и Тихаго морей и приблизило ее къ богатому и просвѣщенному Китаю. Восьмидесяти лѣтъ довольно было симъ отважнымъ искателямъ новыхъ странъ, водимымъ корыстолюбіемъ, чтобы пройти глубокіе снѣга лѣсовъ сибирскихъ, проплыть на легкихъ кочахъ въ устья великихъ

рѣкъ, вливающихся въ Океанъ, Оби, Енисея, Лены, Анадыра, и учинить данниками странствующіе народы Остяковъ, Тунгусовъ, Якутовъ, Коряковъ и Камчадаловъ. Часто корыстолюбіе заставляло завоевателей оскорблять человѣчество и часто вооружало ихъ противъ самихъ себя. Содѣйствіе воеводъ и правленія защищало сіи мѣста, — убѣжища, которыя, подъ именемъ остроговъ и зимовей, сооружаемы были казаками и возрасли послѣ въ богатые и многолюдные города, каковы: Тобольскъ, Енисейскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ, Нерчинскъ и множество другихъ, менѣе знатныхъ. Ясаки, платимые сибирскими народами мѣхами соболей, куницъ, песцовъ, извѣстными подъ именемъ мягкой рухляди, составили важный доходъ казны и весьма прибыточную отрасль торговли, особливо съ азіятскими народами. На берегахъ Амура сошлись Россіяне съ Китайцами въ половинѣ прошедшаго вѣка. Первый Поярковъ проникъ въ предѣлы китайскіе. Хабаровъ съ малымъ числомъ людей, но подкрѣпляемый дѣйствіемъ пушекъ, овладѣлъ городомъ Албазиномъ въ Даурiи. Китайскій чиновникъ посѣтилъ его, не былъ въ состояніи зачать переговоровъ за неимѣніемъ переводчика. Проникая далѣе по Амуру, Хабаровъ выдержалъ и отразилъ осаду Китайцовъ. Преемникъ Степановъ опровергаетъ мужествомъ своимъ 10,000 Китайцовъ, пришедшихъ съ 15 пушками осаждать его въ Камарскомъ Острогѣ. Воевода енисейскій Пашковъ построилъ Нерчинскій Острогъ

на рѣкѣ Нерчѣ, впадающей въ Шилку. Во
новленіе Албазина, въ 1665 году, подало по
къ вооруженію китайскому. Превосходное ч
ихъ и сто пушекъ артиллеріи принуждаютъ о
вить городъ. Война продолжается до заключ
мира, воспослѣдовавшаго въ Нерчинскѣ 1
года. Россійскіе послы были: Ближній Окол
чій и Намѣстникъ Брянской Ѳедоръ Ал. Г
винъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатемскій И
Остаф. Власовъ; Китайскіе Сонгуту Гос. Со
Тон-ке-канъ, сродникъ императора. Имъ по
довали іезуиты Переира и Жербильонъ. Пер
воры на латинскомъ языкѣ производились.
томъ многія посольства и караваны въ Пе
отправляемы были въ 1757 году. Переходъ
ной калмыцкой орды изъ Китая въ Россій
подданство охладилъ объ имперіи. Въ 1770 г
они ушли обратно. Купечество съ Китаемъ п
ставляетъ государству великія выгоды.

. . . . . .

XII.

ТОРГОВЛЯ СЪ АЗІЯТСКИМИ НАРОДАМИ.

Мы примѣтили, читая Россійскую Исторію, что самое несчастіе, которое постигло Россію въ XIII вѣкѣ, подвергнувъ ее завоеванію татарскому, было исправлено мужествомъ народа, и послужило ей поводомъ къ открытію неизвѣстныхъ и необъятныхъ странъ, къ оказанію превосходства своего надъ сильными кочующими племенами и къ достиженію Китая, Персіи и береговъ Америки. Многіе народы независимые искали покровительства Россіи: Черкесы, Грузинцы, странствующіе Киргизцы и Калмыки, торгующіе Бухарцы. Посредствомъ сихъ послѣднихъ имѣемъ мы нѣкоторое купечественное сообщеніе съ Индіею, сею богатою страною, которую хотѣлъ открыть побѣдами своими Александръ Великій, которой сокровища долго текли въ Римъ и Константинополь и которой достигли наконецъ предпріимчивые Португальцы въ концѣ XV вѣка, подъ предводительствомъ отважнаго Васко-де-Гама, перваго обошедшаго Мысъ Доброй Надежды. Корыстолюбіе привлекло въ сіи счастливыя мѣста всѣ другіе купеческіе народы Европы и незлобивые Индійцы, покоряемые сими иностранцами, видѣли часто войны и междоусобіе, отмщевающія ихъ утѣсненія. Прежде успѣ-

ховъ мореплаванія, чрезъ россійскія рѣки производилось сообщеніе Индіи съ Европою. Подымаясь вверхъ по рѣкѣ Инду, входили Оксомъ въ Каспійское Море и оттуда Волгою и Дономъ въ Черное. Если бы можно было болѣе полагаться на миролюбіе и вѣру кочующихъ народовъ, Трухменцовъ, Узбековъ, Хивинцовъ, то и нынѣ могла бы имѣть Россія выгодный и безпосредственный торгъ съ Индіею. Въ Астрахань дѣйствительно пріѣзжаютъ Индійцы и остаются въ ней жить для произведенія дѣлъ своихъ. Еще при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Англичане, открывъ пристань города Архангельска, старались возобновить путь сей въ Индію чрезъ Каспійское Море. Тотъ же видъ былъ одного голштинскаго посольства въ началѣ прошедшаго вѣка. Государь Петръ Великій, желая воспользоваться сими удобностями, послалъ капитана гвардіи Александра Бекевича Черкасскаго (1715) основать нѣкоторыя заведенія на берегахъ Аму-Дарьи, или древняго Окса. Устья рѣки сей неизвѣстнымъ происшествіемъ природы или искусства не впадаютъ болѣе въ Каспійское Море, но въ Аралъ. Вѣроломный ханъ хивинскій овладѣлъ хитростью войскомъ и особою несчастнаго князя Бекевича, который и лишенъ жизни. Съ другой стороны, подполковникъ Бухольцъ имѣлъ порученіе овладѣть и укрѣпиться на вершинахъ Иртыша. Обороняясь долго въ Ямышевской крѣпости отъ нападеній Зюнгорскихъ Калмыковъ, которыхъ Контайша велъ тогда кровопролитную войну съ

Китайцами, Бухольцъ принужденъ былъ оставить предпріятіе. За нимъ послѣдовавшій гвардіи Семеновскаго Полка маіоръ Лихаревъ, который имѣлъ испытать золото, влекомое источниками съ высоты Алтайскихъ Горъ, прошелъ озеро Зайсанъ, и отражая нѣсколько дней нападенія Калмыковъ на Верхнемъ Иртышѣ, возвращаясь, основалъ Усть-Каменогорскую и многія другія крѣпости. Потомокъ сего Контаиша, Амурзана, разбитый Китайцами, искалъ убѣжища въ Россіи. Часть орды его перешла въ предѣлы россійскіе и соединилась съ одноплеменниками своими, покорившимися Царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1771 году оставили они опять Россію, преслѣдуемые Киргизцами. Для обузданія сихъ послѣднихъ и для учрежденія торжища съ Бухаріею, въ 1734 году построенъ на Уралѣ Оренбургъ. Въ здѣшнемъ мѣновомъ дворѣ пріѣзжающіе изъ Россіи купцы мѣняютъ европейскіе товары на индійскія ткани, слитки золота и плоды, привозимые Бухарцами. Киргизцы пригоняютъ туда несмѣтныя стада овецъ и снабжаются сукнами и желѣзными вещами.

XIII.

МОРСКІЯ ОТКРЫТІЯ РОССІЯНЪ.

Желаніе найти въ Индію путь, кратчайшій того, который проложили Португальцы, распространилъ въ соперничествующихъ народахъ мнѣніе, что, держась на сѣверо-востокъ, можно, обошедъ крайній мысъ Азіи, достигнуть Индіи. Многія предпринимаемы были неудачныя покушенія. Россіи принадлежало рѣшить вопросъ: соединяется ли Азія съ Америкою, или отдѣлена отъ оной? Чукчи, народъ воинственный и свирѣпый, занимая послѣдній край Азіи, единственный изъ народовъ сибирскихъ, еще не покоренный оружіемъ Россійскимъ, полагали препятствіе изысканіямъ. Съ другой стороны, море, представляющее долины и горы вѣчныхъ льдовъ, не позволяло обойти Чукотскій Полуостровъ. Однажды только въ половинѣ прошедшаго вѣка такъ открыто было море, что казачій голова Дешневъ съ нѣсколькими кочами обошелъ Чукотскій Носъ и первый прошелъ проливъ между Азіи и Америки. Государь Петръ I, обращая взоръ свой на всѣ части правленія, не оставилъ стараться о морскихъ открытіяхъ. По его наставленію, адмиралтейство, распредѣливъ мореплавателей отъ Архангельска вдоль береговъ Сѣвернаго Океана, направляло путь ихъ къ Чукотскому

Носу. Съ 1734 года обошли они устья Оби, Енисея, Лены, Яны, Индигирки. Послѣдній изъ нихъ, Лаптевъ, захваченъ былъ льдами и едва могъ возвратиться на маленькомъ суднѣ. Съ другой стороны, начальникъ главной экспедиціи, капитанъ Берингъ, вышедъ, въ 1728 году, изъ авачинской пристани и направляя путь свой къ сѣверу, поравнялся съ оконечностію Азіи, откуда она обращается къ западу, и такимъ образомъ рѣшилъ вопросъ: соединяется ли Азія съ Америкою? Японское судно, разбитое на берегахъ Камчатки въ 1731 году, было поводомъ къ изслѣдыванію положенія ея въ разсужденіи Камчатки и гряды острововъ, лежащихъ между оными, называемыхъ Курильскими. Охотою предложилъ себя къ предпріятію похода сего тотъ же Берингъ и товарищи его, Шпанибергъ и Чириковъ. Сугубый предметъ ихъ состоялъ въ обозрѣніи Японіи и береговъ Америки; академики Стеллеръ и де Лиль сопутствовали имъ; Шпанбергъ и Ваксель, товарищъ его, разлучась между собою, оба видѣли многолюдные берега Японіи, и послѣдній имѣлъ обхожденіе съ жителями. Чириковъ также разстался въ бурю съ Берингомъ и прежде его увидѣлъ берегъ Америки. Посланныя отъ него двѣ шлюпки, удержанныя дикими, не возвратились на корабль. Берингъ также коснулся Америки и натуралистъ Стеллеръ видѣлъ Американскія растенія. Возвращеніе Беринга было затруднительно и бѣдственно. Осень и жестокія бури приводили въ вящшую слабость людей,

изнеможенныхъ скорбутомъ. Послѣдній ударъ бросилъ ихъ на камни пустого острова, который отъ Беринга получилъ имя свое. Сей славный мореплаватель на немъ окончилъ жизнь свою. Сей островъ зачинаетъ отъ Америки гряду Алеутскихъ Острововъ, идущихъ къ Америкѣ. Съ 1745 года стали они извѣстнѣе многими поѣздками промышленниковъ, которые обогащаются тамъ ловомъ бобровъ камчатскихъ и сивучей. Кукъ былъ брошенъ погодою на одинъ изъ острововъ сихъ, Уналашку. Вблизости оттуда, на матерой землѣ находится заливъ Ноотка, который былъ недавно причиною ссоры между Англіею и Испаніею.

XIV.

ЗАВЕДЕНІЕ АРХАНГЕЛЬСКА.

Много разъ имѣли мы случай примѣтить, что Россія чувствительнымъ образомъ возстала изъ развалинъ своихъ и взяла поверхность надъ сосѣдственными державами, какъ скоро Іоаннъ Васильевичъ, сей счастливый и дѣятельный государь, соединилъ, согласно съ желаніемъ народа, раздробленныя части онаго и низвергъ позорное иго Татаръ. Мы обозрѣли быстро многочисленныя дѣянія, которыя совершилъ народъ россій-

скій въ краткое время трехъ столѣтій, прошедшихъ послѣ сего достопамятнаго происшествія. Польша принуждена была возвратить захваченныя ею области россійскія. Казань и Астрахань, прежде страхъ Россіи, послужили къ увеличенію силы ея. Чудскіе народы, данники Владиміровы, но покоренные Тевтоническими Рыцарями, Ливонія, Эстонія, Ингрія отобраны отъ Швеціи, которая возобновляемыми войнами старалась отмстить Россіи за потерянную свою силу. Оттоманы, страшные Европѣ, вызывали оружія россійскія только для того, чтобъ чувствовать пораженія ихъ и раздѣлить съ собою владычество Чернаго Моря. Восмнадцатый вѣкъ видѣлъ особливо вліяніе Россіи на равновѣсіе Европы и войска ея въ Помераніи, Голштиніи, на Рейнѣ, въ завоеванной ими Пруссіи. Въ Азіи, Персія уступала ей области и Хина заключала съ нею мирные договоры. Сибирь, необъятное пространство, открытое и пройденное смѣльчаками, привело насъ къ предѣламъ Новаго Свѣта. Мы видѣли Беринга, проходящаго проливъ между Азіею и Америкою. Сіе самое предпріятіе пройти сѣверо-восточною стороною Азіи въ Индію упражняло въ XVI вѣкѣ мореплавателей голландскихъ и англійскихъ и послужило поводомъ симъ послѣднимъ къ открытію двинскихъ устій: слѣдствіемъ котораго было учрежденіе архангельскаго порта и купечественное сношеніе Россіи съ Англіею. При Эдуардѣ VI, по предписаніямъ славнаго мореплавателя Себастіана Кабота,

отправлены были, 1553 года, три корабля, подъ начальствомъ Гуга Валлугби, для обойденія сѣверо-восточнаго края Азіи. Два претерпѣли кораблекрушеніе: одинъ корабль «Эдуардъ Бонавантюръ», на коемъ начальствовалъ капитанъ Рихардъ Чанселоръ, желая узнать страну, въ заливѣ которой онъ бросилъ якорь, увѣдомился отъ удивленныхъ рыбаковъ, что онъ находится въ Россіи и въ устьѣ Двины. Вблизости былъ монастырь Никольскій, основанный Марѳою Посадницею, оттуда и портъ назывался у иностранныхъ портомъ Св. Николая. Чанселоръ отправился въ Москву, и представленъ будучи Царю Іоанну Васильевичу, заключилъ съ нимъ, именемъ государя своего, торговый трактатъ. Англія обратила на сію новую отрасль торговли своей особливое вниманіе. Составилось общество купцовъ, исходатайствовавшее себѣ исключительное право торговать въ Россіи, и которое продолжается и донынѣ подъ именемъ Россійской Компаніи. Царь видѣлъ предпріятіе сіе съ удовольствіемъ, потому паче, что сія купеческая связь освобождала Россію отъ притѣсненія Анзеатическихъ торговыхъ городовъ. Швеція жаловалась Елисаветѣ, королевѣ англійской, на торговлю, производимую въ Россіи ея подданными, опасаясь, чтобы торговля не привела съ собою искусствъ и просвѣщенія и не сдѣлала Россію страшною Европѣ. Такова была первая связь Англіи съ Россіею!

XV.

ОСНОВАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГА.

Хотя Россія и имѣла уже морскую пристань въ городѣ Архангельскѣ, изъ которой могла она отпускать товары свои и получать европейскіе, но продолжительность зимы и дальность пути по Ледовитому Океану полагали препятствія торговлѣ и увеличивали разстояніе государства сего отъ остатка Европы. Петръ Великій и, можетъ быть, прежде его Царь Іоаннъ Васильевичъ, видѣлъ, сколь важно было для Россіи имѣть портъ на Балтійскомъ Морѣ. Древнія притязанія на Ливонію, которая отъ Польши перешла подъ шведское владѣніе, долговременная вражда Швеціи съ Россіею, будущія выгоды торговли и просвѣщенія,— все сіе преклоняло Государя къ нанесенію войны Швеціи. Но для произведенія ея съ успѣхомъ должно было сравняться со Шведами въ военномъ искусствѣ. Разстояніе между обоими войсками было безмѣрно. Государь зачиналъ только вводить новую тактику. Шведы, пріученные къ побѣдамъ подъ предводительствомъ Густава Адольфа и преемниковъ его, потрясали Сѣверъ силою оружія своихъ. Безпримѣрныя дарованія Государя, любовь отечества, неутомимое трудолюбіе, твердость, доставили въ краткое время неоспоримую верховность Россійскому На-

роду. Чувствуя недостатокъ искусствъ, разослалъ онъ молодыхъ дворянъ въ Италію, Германію, Голландію, обучаться знаніямъ, потребнымъ для военнаго искусства и мореплаванія. Дабы побудить ихъ собственнымъ примѣромъ, на время оставилъ престолъ и, въ лицѣ простаго дворянина посольства за послами своими Лефортомъ, Головинымъ и Возницынымъ, разсматривалъ дворы и нравы европейскіе. Способенъ къ постиженію высочайшихъ наукъ, не пренебрегалъ онъ простѣйшихъ рукодѣлій. Ни кѣмъ не знаемъ, подъ именемъ Петра Михайлова, строилъ Онъ первый корабль Свой въ Сардамѣ и въ то же время учился физикѣ и астрономіи. Сіе самое путешествіе послужило причиною, или предлогомъ войны, которую Государь объявилъ Швеціи въ первый годъ сего столѣтія. Предосторожности губернатора Риги д' Алберга въ проѣздъ посольства были сочтены оскорбленіями государя. Младой Карлъ XII видѣлъ себя угрожаемаго Россіею, Польшею и Даніею. Первая побѣда его подъ Нарвою наполнила его пагубною надменностью. И между тѣмъ, какъ онъ забавлялся низведеніемъ съ престола Августа, короля польскаго, Петръ I пріучалъ войска Свои торжествовать надъ Шведами. Древній Орѣшекъ взятъ приступомъ и изъ Нотебурга пременованъ Шлиссельбургомъ, или ключемъ намѣреваемыхъ завоеваній. Ніеншанцъ защищалъ устья Невы. Онъ палъ, и поздно пришедшая на выручку его эскадра шведская разбита лодками, которыми Государь предводитель-

ствовалъ. Такимъ образомъ исполнилось желаніе его видѣть себя на водахъ балтійскихъ. Среди войны и на мѣстѣ сраженія полагаются основанія города, который будетъ убѣжищемъ торговли и наукъ. Ближе къ Финскому Заливу нежели Ніеншанцъ, выбранъ островъ, на которомъ 1703 года мая 16 дня, въ Троицынъ День, заложена крѣпость Санктпетербургъ. Дремучій лѣсъ и топкія болота уступаютъ мѣсто раждающемуся городу. Напрасно шведскій генералъ Кроніортъ мечтаетъ разорить основанія его, приближаясь съ 4000 человѣкъ. Государь, взявъ два полка гвардіи, разбиваетъ его у Сестры-рѣки. Котлинъ Островъ въ Финскомъ Заливѣ устроивается подъ именемъ Кронштадта военною пристанью и оградою Петербурга съ моря. Въ 1705 году Шведы умышляютъ напасть на него морскою и сухопутною силою. Вице-адмиралъ Анкерштирна съ 22 кораблями отражается отъ Кронштадта расторопностью полковника Толбузина, между тѣмъ какъ генералъ Мейдель претерпѣваетъ такую же неудачу передъ Петербургомъ. Основатель долженъ былъ не менѣе бороться и съ самою природою. Болѣзни похищали работниковъ. Съ роптаніемъ новые жители мѣняли родину свою на заводящійся городъ. Доставленіе съѣстныхъ припасовъ облегчено было соединеніемъ рѣкъ Мсты и Тверцы, посредствомъ котораго изъ Каспійскаго Моря можно плыть въ Балтійское, и возвышеніе земли истребило причины болѣзней.

XVI.

ПЕРЕМѢНЫ ВОЕННАГО ИСКУССТВА ВЪ РОССІИ.

Древній образъ войны долѣе, нежели въ другихъ странахъ, сохраненъ былъ въ Россіи. Отчужденіе отъ иностранныхъ обычаевъ, нужда противустоять азіятскимъ народамъ, отдаляли отъ предковъ нашихъ исправленія, которыя получало военное искусство въ Европѣ. Во время самаго объявленія похода собирались разныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, съ большимъ или меньшимъ числомъ служителей, собственнымъ иждивеніемъ вооруженныхъ. Служба временемъ похода ограничивалась. Весь дворъ послѣдовалъ на войну за Государемъ. Придворные заступали мѣсто чиновниковъ въ войскѣ. Часто, послѣдуя упрямо предразсужденію мѣстничества, бояре хотѣли лучше подвергнуться гнѣву Государя и пропустить случай быть полезными отечеству, нежели признать верховность искуснаго предводителя, который происходилъ отъ менѣе знатнаго рода. Сіе вредное злоупотребленіе принудило Царя Ѳеодора Алексѣевича къ непріятному поступку приказать всѣмъ родамъ представить ихъ грамоты и сожженіемъ ихъ уничтожить мѣстничество. Конница составляла большую часть воинства, и храбрость болѣе, нежели искусство движеній, рѣшала побѣду. Однако знаменитая битва Димитрія

Донского выиграна засадою, которая во время ударила въ тылъ Мамая. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ и государству и воинству далъ установленіе, болѣе важное. При немъ литы первыя пушки и употреблены, 1482 года, противъ города Феллина въ Лифляндіи. Многіе предводители при немъ и въ послѣдующія царства отличились успѣхами надъ Татарами, Шведами и Поляками: Князья Холмскіе, Глинскіе, Бѣльскіе, Курбскіе, Палецкіе и Ник. Ром. Юрьевъ, братъ царицы Настасьи Романовны и прародитель Романовыхъ. При осадѣ Казани (1552 октября 2-го) стѣны были взорваны подкопомъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный первый завелъ постоянное войско вмѣсто временного, подъ именемъ Стрѣльцовъ, потому что они вооружены были пищалями, а не луками. Большіе слѣды подражанія Европейской тактикѣ показываются при пресѣченіи несчастій, въ которыя погружена была Россія Лжедимитріями. Михаилъ Ѳеодоровичъ призвалъ иностранныхъ офицеровъ и имѣлъ въ службѣ своей цѣлые полки нѣмецкой конницы. При немъ упоминается въ первый разъ о драгунахъ. Вводятся иностранные чины генераловъ и полковниковъ. Царь Алексѣй Михайловичъ далъ перемѣнѣ сей еще большее пространство. Но совершенное введеніе европейской тактики, такъ, какъ и нравовъ, предоставлено было Петру Великому. Его потѣшные воины, которыхъ обучалъ Онъ въ подмосковныхъ селахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, составили два первые регулярные полка въ Рос-

сіи. Учрежденіе ихъ полагается въ 1687 году. Они заступили мѣсто уничтоженныхъ стрѣльцовъ, которыхъ непослушаніе и вкоренившіяся предразсужденія противились настоящему духу воинства. Азовъ былъ осажденъ и взятъ Государемъ по всѣмъ правиламъ искусства.

XVII.

ЗАВЕДЕНІЕ РОССІЙСКАГО ФЛОТА.

Послѣ морскихъ ополченій первыхъ варяго-росскихъ князей, Россія, будучи государство средиземное, не прилагала попеченій учиниться сильною на морѣ. Однодеревки Олеговы, подобныя кораблямъ, на конхъ Греки ходили подъ Трою, помѣщали отъ сорока до 70 воиновъ съ ихъ оружіями и припасами, и шли на гребляхъ и на парусахъ. Обогащаемые свободою торговли, Новгородцы не соревновали въ мореплаваніи сосѣдственнымъ Норманамъ и не познавали пользы, которыя предлагали имъ устья Невы. Оспориваемые Шведами, наконецъ вышли они изъ власти Россіи и отдалили ее отъ моря. Архангельскъ, къ которому путь открыли Англичане, представлялъ безмѣрное море и мало способностей къ заведенію въ разсужденіи строгости климата и недо-

статка населенія, между тѣмъ какъ и народные нравы не благопріятствовали мореплаванію. Царь Алексѣй Михайловичъ, котораго бодрый духъ замышлялъ просвѣщеніе Россіи, первый испыталъ заведеніе флота. Въ Дединовѣ, близъ Астрахани, построилъ онъ выписанными изъ Голландіи художниками военный корабль Орелъ. Но предпріятіе сіе уничтожено несчастіемъ времени. Одинъ изъ величайшихъ злодѣевъ, Донской казакъ Стенька Разинъ опустошалъ тогда поволжскія области Россіи и проникъ даже въ Персію. Разсѣявая возмущеніе въ народѣ, сжегъ онъ построенный корабль. Но остатокъ заведенія сего — ботикъ, сохраненный въ селѣ Измайловѣ, поразилъ отмѣннымъ строеніемъ своимъ малолѣтнаго Государя Петра Алексѣевича и наполнилъ Его неутомимымъ желаніемъ учиться мореплаванію. Вспомнили и отыскали тогда строителя ботика, корабельнаго мастера Бранта, который находилъ пропитаніе свое въ Москвѣ званіемъ столяра. Онъ исправилъ маленькое судно и научилъ Государя управлять движеніями его на скудныхъ водахъ Яузы. Любовь къ плаванію побудила Его искать пространнѣйшихъ водъ, и нѣжная родительница послѣдовала за Нимъ въ Переславль-Залѣсскій, гдѣ озеро Клешнино, или Плещеево, было мѣстомъ ученичества Его въ мореплаваніи на фрегатахъ и яхтахъ, тѣмъ же Брантомъ построенныхъ. Такимъ образомъ посѣщалъ Онъ озера Ростовское и Кубенское и наконецъ Бѣлое Море, гдѣ за кораблемъ Его всѣ купеческіе послѣ-

довали. Первое явленіе военныхъ кораблей россійскихъ было подъ Азовомъ, въ 1696 году. Они построены были въ Воронежѣ, и Дономъ вошли въ Азовское Море. Лефортъ имѣлъ званіе генералъ-адмирала. Послѣдовавшее путешествіе Государя въ чужіе краи дало Ему болѣе способовъ вникнуть въ искусство европейскихъ мореходцевъ и тѣмъ болѣе заставило желать пристани на Балтійскомъ Морѣ. Основаніе Петербурга приближило Россію къ европейскимъ нравамъ и сдѣлало ее морскою державой. Сперва испытывалъ Государь морскія силы свои противъ Шведовъ на прамахъ и гребныхъ судахъ по озерамъ Чудскому и Ладожскому; потомъ, имѣя Кронштадтъ и Ревель съ флотомъ 16-линѣйныхъ кораблей и 180 галеръ, владычествуя на Финскомъ Заливѣ, вознамѣрился Онъ пріобрѣсть славу Своему раждающемуся флоту, и Самъ искалъ флота непріятельскаго. Въ жаркомъ сраженіи, продолжавшемся 10 часовъ при Гангутѣ, 1714 года іюля 27, взялъ Онъ контръ-адмирала Ереншильда фрегатъ, четыре галеры, занялъ островъ Аландъ. Въ 1716 году имѣетъ Онъ удовольствіе командовать соединенными флотами англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Посланный въ Балтійское Море, адмиралъ Норрисъ ничего предпріять не осмѣливается.

XVIII.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ.

Для произведенія въ дѣйство общественныхъ предпріятій надобно неотмѣнно соединеніе общихъ силъ. Но какъ многолюдный и трудолюбивый народъ не можетъ съ удобностью и безъ вреда оставлять жилища свои и упражненія, то, по введеніи рукодѣлій и торговли и по изобрѣтеніи денегъ, представляющихъ богатства и работу, должно было всѣмъ гражданамъ принять участіе въ составленіи общей государственной казны. Сіе удѣленіе отъ частной собственности къ государственному сокровищу называется податью, и должно согласоваться, съ одной стороны, съ нуждами государственными внѣшними и внутренними, а съ другой, съ народными богатствами, съ произведеніемъ земледѣлія, промышленности, торговли. Несоразмѣрныя подати, обогащая мгновенно казну, производятъ общую бѣдность народа. Такимъ образомъ войны, политическія связи съ другими государствами, общественныя заведенія, содержаніе воинствъ и флотовъ зависятъ отъ бо̀льшаго или мѐньшаго успѣха земледѣлія, рукодѣлій, художествъ, торговли. Чѣмъ болѣе умноженіе народа, чѣмъ лучше и и надежнѣе состояніе его, чѣмъ болѣе поощрено трудолюбіе, чѣмъ дѣйствительнѣе защи-

щено отъ утѣсненій полезное отдѣленіе гражданъ: тѣмъ болѣе сами собою увеличатся государственные доходы. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ, желая умножить ихъ вдругъ выше мѣры, поручить собраніе ихъ обществу откупщиковъ, которое возвращаетъ съ лихвою съ земледѣльца излишнія суммы денегъ, внесенныя имъ въ казну. Франція испытала вредъ сего способа собиранія податей. Государство обогатилось только видимымъ образомъ имуществомъ и кровію народа. Справедливо ненавидимо тамъ было правило отрывать земледѣльцовъ отъ пашни для безденежнаго исправленія дорогъ. Дѣйствительные владѣтели земли должны нести бремя податей, сообразно съ доходомъ, который получать они могутъ. Внѣшнее купечество платитъ государству нечувствительнымъ образомъ, взнося пошлины за товары при входѣ въ границы. На вещи, служащія къ роскоши, могутъ быть налагаемы подати, затѣмъ что такимъ образомъ излишнее имѣніе богатаго измѣняетъ иждивеніе бѣднаго. Въ государствахъ, въ которыхъ созываются представляющіе народъ, третіе состояніе защищаетъ право свое назначать доходы. Въ совершенныхъ монархіяхъ долгъ государя облегчать подати. Онъ не имѣетъ собственности и употребляетъ доходы государства на общее благо. Въ дикихъ воинственныхъ народахъ раздѣляютъ добычу, взятую у непріятеля. Римъ долго не имѣлъ другой подати. Учрежденіе постояннаго войска требуетъ наложенія податей. Европейскія государства, имѣя

почти одинакія учрежденія и связи между собою, въ чрезвычайныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ займамъ другъ у друга, или и у собственныхъ своихъ подданныхъ. Ассигнаціи, представляющія деньги, суть также способы обогащенія. До Государя Петра I платили подати съ дворовъ. Онъ установилъ подушный окладъ въ 1720 году, учинивъ ревизію государства, которая чрезъ 20 лѣтъ повторяется. Къ подушному окладу присоединяются сборы питейные, соляные, пошлины, плата съ капиталовъ купеческихъ, подати мѣщанъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ, рудокопные заводы, ясакъ Сибирскихъ народовъ. Въ каждомъ намѣстничествѣ особливое государственное мѣсто, подъ названіемъ Казенной Палаты, собираетъ и сохраняетъ доходы, или отсылаетъ ихъ въ Статныя и Остаточныя Казначейства обѣихъ столицъ, по росписанію Экспедицій о Доходахъ и Расходахъ, состоящихъ подъ начальствомъ государственнаго казначея.

XIX.

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЕ.

Въ рожденіи каждаго общества открываются уже слѣды нѣкоторыхъ законовъ. Достопамятный договоръ Олега съ Греками представляетъ уже понятія русскаго права, сравниваемыя съ греческими законами. Владиміръ пріятіемъ греческой вѣры перенесъ къ намъ нѣкоторымъ образомъ и гражданскія узаконенія Восточной Имперіи; ибо часто правила нравоученія смѣшиваются съ обрядами богопочтенія, духовные бываютъ спрашиваемы въ дѣлахъ, касающихся общественной власти. Но сіи законы народовъ, изникающихъ изъ варварства, бываютъ прежде болѣе изустныя преданія, нежели полный и порядочный кругъ письменныхъ постановленій. Первое изданіе россійскихъ законовъ имѣетъ творцомъ своимъ Ярослава Владиміровича, сего мудраго государя; будучи дано отъ него Новгороду, служило оно долго сей республикѣ основаніемъ расправы ея. Сіе уложеніе, «Правда Русская» называемое, умножаемое новыми узаконеніями по случающимся потребностямъ общимъ и помѣстнымъ отъ великихъ и удѣльныхъ князей, наконецъ приведено въ новую систему Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и выдано подъ названіемъ «Судебника». Въ немъ видно заимствованіе западныхъ

обыкновеній, предписаніе поединка, извѣстнаго Европѣ подъ именемъ Суда Божія, въ случаѣ сомнительныхъ тяжебъ. По прошествіи столѣтія сдѣлалось оно недостаточно, и въ половинѣ прошедшаго Царь Алексѣй Михайловичъ, чувствуя, что благоденствіе народовъ основано на превосходствѣ законовъ, собралъ особливое сословіе бояръ, духовенства и выборныхъ людей изъ городовъ, которое, подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго, разсмотрѣло прежніе законы, отрѣшило учинившіеся отяготительными, исправило старые и новые постановило. Сіе Уложеніе и донынѣ еще имѣетъ силу закона въ тѣхъ статьяхъ, которыя не отрѣшены новѣйшими указами. Правосудіе производилось въ городахъ намѣстниками и ихъ товарищами. Знаніемъ законовъ особливо отличались дьяки, которые подписывали указы и приговоры за бояръ и государя. Въ Москвѣ были разные приказы. Верховнымъ судилищемъ была Дума Государева, составленная изъ ближнихъ бояръ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Указы начинались сими словами: «Бояре приговорили и Государь приказалъ». Сіи древніе образы расправы уступили новымъ учрежденіямъ Петра Великаго, которыя приблизили Россію къ другимъ европейскимъ народамъ. Въ 1710 году учредилъ Онъ Сенатъ, верховное судилище, въ которомъ Государь предсѣдательствуетъ, разные роды дѣлъ подчинилъ особливымъ коллегіямъ, которыя имѣютъ право представлять Сенату, ежели законъ

находятъ противнымъ общественному благу. Государство раздѣлилъ Онъ на губерніи и каждая губернская канцелярія управляла извѣстнымъ числомъ провинціяльныхъ, въ которыхъ предсѣдательствовали воеводы. Армія, флотъ, иностранныя дѣла получили свои коллегіи, отличаемыя отъ другихъ именемъ трехъ первыхъ. Генералъ-прокуроръ, такъ какъ око Государя, долженъ былъ во всѣхъ правленіяхъ блюсти власть законовъ и отмщевать злоупотребленія. Хотя Петръ I и не издалъ полной системы законоположенія, но частными указами Своими по всѣмъ отраслямъ правленія и предписаніемъ судебной формы, далъ новый образъ Россійскому Законоученію. Правленіе Государыни Елисаветы Петровны выгодно ознаменовано отмѣненіемъ смертной казни, царствованіе Петра III — вольностью дворянства и уничтоженіемъ тайной канцеляріи. Но никогда не было предпринято столь многихъ трудовъ къ основанію мудраго законоположенія, какъ въ настоящее время. Сенатъ увеличенъ, раздѣленъ на департаменты и сдѣланъ хранилищемъ законовъ. Въ 1766 году созвана Комисія сочиненія новаго уложенія, по начертанію Наказа. Слѣдствія онаго были многочисленны. Учреждены намѣстничества, въ которыхъ всѣ состоянія судятся выбранными отъ нихъ самихъ и изъ собственнаго своего нѣдра судьями. Преимущества дворянству и третьему состоянію предписаны. Умягчено уголовное судопроизводство, Уничтожена ненавистная пытка.

Уполномоченъ Совѣстный Судъ. Приказу Общественнаго Призрѣнія даны способы дѣятельно покровительствовать несчастнымъ. Всевозможная вольность гражданина соглашена съ повиновеніемъ правленію.

XX.

МАНУФАКТУРЫ.

Заводы и рукодѣлія составляютъ большой предметъ государственнаго хозяйства. Въ народѣ множество есть такихъ людей, которыхъ все имѣніе состоитъ въ рукахъ и работѣ. Съ другой стороны, обыкновенныя нужды зажиточныхъ людей и великолѣпіе богатыхъ требуютъ великой многоразличности вещей, служащихъ къ удобности и пріятности жизни. Оба отдѣленія людей помогаютъ себѣ взаимно и деньги дѣлаются общими между художниковъ и работниковъ. Произведенія земли не выпускаются болѣе невыработанными и пріобрѣтаютъ болѣе цѣны отъ иностранцовъ, будучи выдѣланы искусствомъ. Такимъ образомъ драгоцѣнные металлы собираются туда, гдѣ процвѣтаютъ рукодѣлья. Прежде преобразованія Россіи, недостатокъ сообщенія съ другими народами, торговли, роскоши, обращенія денегъ, воспящалъ и распростране-

нію промышлености. Кромѣ домашнихъ рукодѣлій, которыя въ такомъ положеніи народовъ каждый мѣщанинъ у себя производитъ въ дѣйство, упоминаются суконныя фабрики. Парчи и шелковыя ткани получали изъ Персіи. Государь Петръ I ни-въ чемъ не соревновалъ столько съ Европейцами, какъ въ заведеніи мануфактуръ. Зная многія опытомъ, Онъ посылалъ выбранныхъ дворянъ, конечно, желая возвысить искусства и ремесла, для обученія онымъ. Многія фабрики при жизни Его достигли нарочитаго совершенства. Таковъ славный тульскій оружейный заводъ, въ 1717 году заложенный, Систербекскій, Олонецкій, литейные домы и всѣ заводы, поставляющіе припасы потребные для мореплаванія и воинства. Не ушло отъ вниманія Его ни одной малѣйшей потребности хозяйственной. Есть много законовъ Его, касающихся до лучшаго устроенія заводовъ. Особливое государственное мѣсто, подъ названіемъ мануфактуръ-коллегіи, долженствовало наблюдать за предпріятіями заводчиковъ и снабжать ихъ наставленіями и покровительствомъ. Во многихъ мануфактурахъ успѣхи отвѣтствовали желаніямъ. Ярославскія полотна и скатерти Затрапезнаго равняются съ иностранными; парусина заводовъ нашихъ снабжаетъ иностранные флоты; юфти казанскія и сибирскія, древнее рукодѣліе Россіи, удовлетворяютъ требованіямъ чужихъ земель. Нитки и полотна архангелогородскія славятся своею тонкостью. Множество существуетъ другихъ полот-

XXI.

ХУДОЖЕСТВА РОССІЙСКІЯ.

Художества, называемыя свободными или изящными, являются обыкновенно въ тѣхъ народахъ, которые достигли уже великой степени просвѣщенія и къ чувствованію внѣшней безопасности присоединили наслажденіе богатствъ. Принадлежа, съ одной стороны, къ возвышеннѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ способностямъ человѣческаго разума, онѣ, съ другой, питаются роскошью и клонятся ко введенію оной въ государства. Будучи ниже общественныхъ добродѣтелей, искусства должны служить къ украшенію жизни и очищенію народнаго вкуса. Остатки греческихъ храмовъ и истукановъ пережили всѣ республики Греціи, и при возрожденіи наукъ въ Европѣ, служили и еще служатъ образцами прекраснаго. Ни который народъ не могъ бы воспользоваться ими ранѣе и удобнѣе россійскаго, который имѣлъ толь многія и безпосредственныя связи съ Восточною Имперіею, если бы раздѣленіе князей и потомъ порабощеніе татарское дали ему хотя малое отдохновеніе. Довольствуясь возбуждать набожество молящихся, живописцы наши не ревновали послѣдовать природѣ и не искали прекраснаго въ украшеніи храмовъ. Изобиліе лѣсовъ снабжало жителей припасами къ строенію

и города русскіе созидались не для столѣтій. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ возобновилъ пространнѣе и великолѣпнѣе соборы московскіе. Годунову не доставало только спокойствія, чтобъ украсить столицу достойнѣйшими зданіями. Но знаменитая эпоха преобразованія Россіи Петромъ I стала также эпохою и искусствъ россійскихъ. Соединенная ближе съ гражданскою пользою, архитектура еще при жизни Государя сего имѣла удачныхъ питомцевъ между Россіянъ. Еще нынѣ сады. Имъ расположенные и украшенные статуями италіянскаго искусства, свидѣтельствуютъ любовь Его къ художествамъ. За недостаткомъ художниковъ собственныхъ, Онъ поручалъ иностранцамъ возводить наши зданія или управлять кистью нашихъ живописцевъ, и они образовали общественный вкусъ. Академія Художествъ, составляя прежде отдѣленіе Академіи Наукъ, получила, въ 1764 году, собственное существованіе съ вящшими преимуществами. Она украшена счастливыми произведеніями членовъ своихъ: Лосенкова, который достоинъ быть главою русскихъ живописцовъ; Кокуринова, Баженова, архитекторовъ, изъ которыхъ послѣдній особливо заслужилъ вниманіе иностранныхъ. Въ меньшемъ искусствѣ Скородумовъ равняется съ учителями своими, Англичанами; Шубинъ, Козловскій, Гардѣевъ утверждаютъ мѣсто свое между ваятелями, а Волковъ, Архиповъ и Пискарской между историческими живописцами; Левицкій и Рокотовъ отличаются въ списываніи портретовъ. Большая часть Россій-

скихъ музыко-сочинителей образовались въ Италіи, изъ которыхъ особливое примѣчаніе заслуживаетъ Березовскій, сочинитель Демофонта, Бортнянскій и Скоковъ. Наконецъ отмѣнный художникъ Волковъ основалъ общества россійскихъ дѣйствователей, между которыми Дмитревскій заслуживаетъ первое мѣсто.

XXII.

ВИДЪ РОССІЙСКОЙ ТОРГОВЛИ.

Выгоды художествъ и купечества европейскаго привлекали вниманіе Государей Россійскихъ, какъ скоро низвергли они позорное иго татарское. Войны съ тевтоническими рыцарями и Швеціею были столько же о владѣніи Лифляндіи, сколько и о достиженіи искусствъ и просвѣщенія: предпріятіе, которое принялъ отъ обоихъ Іоанновъ и совершилъ столь счастливо Петръ Великій. Россіи не доставало собственной пристани для вывоза произведеній своихъ въ чужіе краи. Мореплаваніе и купечество соединяютъ народы и служатъ къ умягченію нравовъ и разліянію просвѣщенія. Сіи способы народнаго благополучія не могли укрыться отъ обширнаго разума Іоанна Васильевича I-го, и присоединеніе Новагорода привело его въ состояніе помышлять объ осно-

ванія собственной торговли, не завися отъ Ганзеатическихъ городовъ. Долго владѣніе Нарвою составляло желаніе Россіи. Свидѣтельствуетъ Иванъ-Городъ, или Русская Нарва, насупротивъ старой Великимъ Іоанномъ воздвигнутая. Предпріятіе Царя Іоанна Васильевича было производимо съ несравненно большею силою и постоянствомъ, и не удалось, можетъ быть, отъ лишняго напряженія усилій и жестокости способовъ. Ужасными разореніями Ливонцы повергалися въ руки перваго воспріемлющаго защищеніе ихъ. Другими правилами Петръ Великій отнялъ у Шведовъ сію долговременную цѣль народныхъ преній: дисциплиною, покровительствомъ народовъ, собственною неутомимостію и почтеніемъ къ справедливости. Онъ пользовался успѣхами, которые сдѣлала Европа въ просвѣщеніи, и заглаждалъ порицаніе варварства, которое недружественные народы прилагали Россіи. Избраніемъ нынѣшняго мѣста для построенія Санктпетербурга Онъ открылъ новое теченіе европейской торговли. Съ пріобрѣтеніемъ Тавриды, Россіи открыто Черное Море, которымъ она можетъ получать въ первыя руки всѣ произведенія Востока. Каспійское море доставляетъ ей сообщеніе съ Персіею и прилежащею къ оной Индіею. Включая въ то число торговлю, производимую сухимъ путемъ съ Польшею, Персіею, Китаемъ, можно полагать количество пятидесяти милліоновъ рублей, обращающихся ежегодно въ купечествѣ *. Изъ иностранныхъ

---

*) Это писано въ 17[illegible] году. Изд.

народовъ болѣе всѣхъ Англичане имѣютъ дѣла съ Россіею. Не задолго предъ симъ имѣли они исключительныя преимущества противъ прочихъ народовъ, торговыми договорами постановленныя. Нынѣ Россія имѣетъ таковыя же съ большею частію европейскихъ народовъ. Кромѣ того, знатный внутренній торгъ производится большими рѣками и на особливыхъ ярмаркахъ, на которыя съѣзжается купечество. Сибирь доставляетъ ежегодно великое количество металловъ и драгоцѣнныхъ мѣховъ. Промышленики проницаютъ во льды Сѣверной Америки.

XIII.

ИСТОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ПИСЬМЕНЪ РОССІЙСКИХЪ.

Славянскій Языкъ, которымъ говорятъ толь многія племена, раздѣляетъ въ Европѣ преимущество быть кореннымъ языкомъ, родителемъ другихъ, съ Греческимъ, Латинскимъ и Келтскимъ. Но счастливѣе послѣдняго, измѣнившагося въ новыхъ языкахъ, не можетъ онъ соревновать съ двумя первыми сокровищемъ изящныхъ письменъ, весьма не далеко еще отстоя отъ своего младенчества. Народъ воинственный, раздираемый междоусобіемъ, опечаленный временнымъ пора-

бощеніемъ, не могъ заниматься удовольствіями разума и исправленіемъ вкуса. Письмена замѣняемы были ученіемъ закона. Священныя книги, заимствованныя у Грековъ, подавали нѣкоторое понятіе о краснорѣчіи духовномъ. Оттуда пріобрѣлъ и сохранилъ Славянскій Языкъ нѣкоторую торжественную важность и видъ древности. Начала Исторіи Россійской одолжены соблюденіемъ своимъ ревности и благоразумію Нестора, которому послѣдовалъ лѣтописатель Сильвестръ. Повѣствованіе ихъ, уклоняясь отъ важности Славенскаго Языка, имѣетъ много сходства съ тѣмъ, который употребляется простонародно. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перемѣны языка были столь чувствительны, что они подали поводъ ученому патріарху Никону къ исправленію слога въ переводѣ Священнаго Писанія. При сынѣ его, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, учреждена первая академія, которой, между прочими ученіями, поручено было и стараніе объ отечественномъ языкѣ. Въ то время извѣстенъ былъ стихотвореніями своими Симеонъ Полоцкій. Царевна Софія Алексѣевна находила удовольствіе и сама упражнялась въ письменахъ. Ей приписываютъ многія драматическія сочиненія. Около того же времени Святитель Ростовскій, упражняя молодыхъ людей въ представленіи священныхъ позорищъ, предварилъ нѣкоторымъ образомъ рожденіе Россійскаго Театра. Преобразованіе, совершенное въ Россіи Петромъ I, отверзло всѣ пути наукамъ. Языкъ почувствовалъ вліяніе новыхъ нравовъ. Священ-

ный витія Ѳеофанъ встрѣтилъ полтавскаго побѣдителя гласомъ величественнаго краснорѣчія. Сынъ господаря молдавскаго, Кантемиръ, соединяя всѣ преимущества свѣтскаго человѣка съ просвѣщеніемъ философа, открылъ Россіи пространное поле стихотворства подражаніями Горацію и Буало. Стихосложеніе его, неизмѣренное и перенесенное изъ Польскаго Языка, уступило изысканіямъ трудолюбиваго и неудачнаго Тредіаковскаго, который, испытуя всѣ роды, показалъ недостатокъ вкуса и дарованій своихъ. Сіяющее воображеніе и волшебное согласіе Ломоносова, который самъ себѣ сдѣлалъ дорогу сквозь всѣ препятствія породы и невѣжества, поставило его на первую степень письменъ россійскихъ. Онъ произвелъ общее къ себѣ пристрастіе и множество подражателей, не будучи превзойденъ донынѣ. Между тѣмъ въ благородномъ состояніи образовался первый трагикъ Сумароковъ. Херасковъ посвятилъ музу свою добродѣтели, Майковъ легкимъ пріятностямъ и веселію. Петровъ старался употребить болѣе мыслей, нежели словъ. Княжнинъ оправдалъ свое призваніе въ трагедіи. Фонъ-Визинъ рожденъ былъ для того, чтобы даровать намъ Мольера. Державинъ отличается пріятнымъ своенравіемъ въ своихъ картинахъ. Богдановичъ—нѣжною простотою и естественною непринужденностью, достойною Лафонтена.

XXIV.

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Рабство домашнихъ было въ Россіи, такъ, какъ и въ другихъ народахъ, слѣдствіемъ войны и плѣна. Нечувствительнымъ похищеніемъ помѣщиковъ, земледѣльцы, прежде вольные люди и только къ землѣ приписанные государственнымъ закономъ, по завоеваніи Казани и Астрахани, сравнены съ домашними рабами. Учрежденіе Холопьяго Приказа, упоминаемаго въ Уложеніи, свидѣтельствуетъ, что рабы могли призывать защищеніе законовъ. Владѣніе земли, которымъ Государь жаловалъ воина за службу, составляло право благородства. Помѣстье съ жизнью владѣльца оканчивалось: отчина переходила къ его потомкамъ. Тѣ, которые чинами своими приближены были къ особѣ Государя и составляли дворъ его, были вообще дворяне и по столицѣ государства отличаются отъ другихъ именемъ московскихъ. Степень Боярина составляла въ дворянствѣ особливое верховное сословіе, и хотя не была наслѣдственна, однако подавала потомкамъ бояръ особливое право просьбы о неподчиненіи начальнику младшаго рода. Боярство было столь знаменито, что потомки владѣтельныхъ князей не мыслили унизить себя воспріятіемъ онаго, средство, которымъ Князья Рос-

сійскіе смѣшивались безвозвратно съ дворянскимъ состояніемъ. Военный чинъ Воеводы и гражданскій Намѣстника присоединялись обыкновенно къ достоинству Боярина, или къ прочимъ придворнымъ чинамъ Окольничьяго, Стольника и проч. Былъ особливый Разрядной Приказъ, который наряжалъ на службы и разбиралъ случающіеся раздоры въ разсужденіи старшинства. Предразсужденіе поставляло безчестіемъ согласиться на подчиненіе себя младшему родомъ. Все сіе уничтожено отрѣшеніемъ мѣстничества и болѣе еще примѣромъ Петра Великаго. Въ нынѣшнемъ учрежденіи государства существуетъ одно только дворянство, котораго всѣ члены равны въ разсужденіи преимуществъ породы. Жалуемыя достоинства графа и барона, украшая дворянина, не придаютъ ему новаго права, потому что тѣ преимущества, которыми онъ пользуется, составляютъ уже верхъ свободы и знаменитости частнаго состоянія. Пріобрѣтенное заслугами и любовію отечества, благородное званіе должно быть сохраняемо честію. Всѣ противные оной поступки унижаютъ характеръ сей существенно. Но, неограниченно однимъ защищеніемъ отечества, оно не менѣе прославляться можетъ и управленіемъ гражданскимъ. Ибо честь столько же совмѣстна съ правосудіемъ, какъ и съ храбростью. Многія воспитательныя учрежденія установлены въ пользу дворянскаго общества, и другія полезныя состоянія не позавидуютъ отличіямъ дворянскаго, если оно достойнымъ образомъ исполнитъ долж-

ности свои и произведетъ достойныхъ чиноначальниковъ.

XXV.

ПОСЛѢДОВАНІЕ ГОСУДАРЕЙ.

Учрежденіе градоначальниковъ столько же стаpo, какъ и происхожденіе общества. Никогда бы большее число людей не могло соединиться для обитанія одного извѣстнаго мѣста, если бы каждый не согласился покорить частной своей воли верховности общества и если бы не было людей, облеченныхъ властію, для сохраненія безопасности внутренней и внѣшней. Безначаліе есть смерть политическаго тѣла. Такою было бѣдствіе, которое угрожало Новугороду, когда онъ прибѣгнулъ къ варяжскимъ князьямъ. Достоинъ высокаго своего призванія, Рюрикъ оставилъ по себѣ славное имя основателя монархіи и былъ отцомъ династіи, которая владычествовала болѣе семи сотъ лѣтъ во всемъ пространствѣ Россіи. Государи бодрые и прозорливые достигали престолу Рюрикову уваженіе и любовь народовъ. Пространство земли или желаніе учредить юныхъ государей достойнымъ образомъ ввело въ Россію многоначаліе или раздробленіе оной на удѣлы. Образъ правленія, сходственный нѣкоторымъ

образомъ съ феодальною системою, которая, согласно съ обыкновеніями сѣверныхъ народовъ, введена была во всѣ европейскія государства. Въ нихъ вельможи, препровождавшіе завоевателя, облечены были отъ него правами владѣнія подъ верховностью государя. Въ Россіи, однѣ особы княжескаго рода, потомки Рюриковы, получали удѣльныя княжества. Преемникъ перваго престола, отличенный именованіемъ Великаго Князя, былъ главою сего союза князей и верховнымъ Государемъ Россіи. Старшій лѣтами изъ потомства Рюрикова получалъ достояніе сіе и назначалъ удѣлы частнымъ князьямъ. Долго спустя, преимущество сіе было присвоено одному семейству и великіе князья могли послѣдовать во младенчествѣ на родительскій престолъ. Умноженіе княжествъ произвело междоусобіе, войны, въ которыхъ страдала одна Россія, безъ всякаго вида общественной пользы. Нашествіе Татаръ, которое достойно бы было вызвать крайнія усилія цѣлаго народа, удивило храбрость свирѣпостью и незапностью завоеванія. Сыны Владиміра принуждены были унижаться передъ рабами Батыевыми. Но храбрость и дарованія не оставили князей Россійскихъ и между многихъ сіяетъ своею твердостью и мужествомъ Димитрій Донской, на котораго пріучается взирать Россія, какъ на единаго Государя. Мудрость Великаго Князя Іоанна Васильевича возвращаетъ Россію въ прежнее состояніе независимости и народнаго единства. Покореніе Новагорода ознаменовало права и си-

лу Монарха. Уничиженіе татарскаго имени приготовляло сіяніе Россіи. Царства Казанское и Астраханское и открытіе Сибири, возвышая предпріимчивость Царя Іоанна Васильевича Грознаго, распространили власть его по мѣрѣ владычествъ. Но сынъ его, Ѳеодоръ Іоанновичъ, управляемый превосходною хитростью Боярина Годунова, былъ послѣдній Государь рода Рюрикова. Убіеніе малолѣтнаго брата его, Димитрія Углицкаго, перенесло правленіе сперва въ руки Годунова, потомъ, по несчастныхъ смятеніяхъ, самозванцами возбужденныхъ, въ женское колѣно Романовыхъ. Свободное избраніе государственныхъ чиновъ посвятило возведеніе Михаила Ѳеодоровича, котораго послѣдній мужескій потомокъ былъ Императоръ Петръ II, и котораго женское поколѣніе дщерію Петра I, Анною Петровною продолжаясь въ домѣ Голштейнъ-Шлезвигскомъ, послѣдовало на престолъ Россійскій.

XXVI.

О ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ.

Народнымъ правомъ называется тотъ общій законъ, который обязываетъ всѣ политическія общества ко взаимному уваженію безопасности и собственности другъ друга. Оскорбленія онаго

[illegible]

ми въ 1711 году подъ Прутомъ, хотя оно спасло дѣла россійскія отъ отчаяннаго положенія. Государь Петръ I присвоилъ Россіи всю систему европейскаго правленія и участвовалъ во всѣхъ политическихъ планахъ, которые при жизни Его занимали Европу. Сіяющая война турецкая при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ (1736) предшествована была союзомъ съ Императоромъ. Но какъ несчастія Австрійцовъ принудили ихъ заключить отдѣльный миръ съ Турками, то и съ россійской стороны пожертвованы были всѣ успѣхи оружій, 1740. Безполезное покушеніе Шведовъ обратилось къ славѣ Россіи присоединеніемъ къ владычеству ея части Финляндіи мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ 1742 года въ Абовѣ. Предпріятія Короля Прусскаго въ Шлезіи привлекали вниманіе Россіи въ пользу союзницы ея, Австріи. Наконецъ нынѣшняя война, извѣстная со стороны Россіи завоеваніемъ Пруссіи, заключена мирнымъ трактатомъ губертсбургскимъ въ 1762 году. Участіе Россіи въ польскихъ дѣлахъ было послѣдовано въ 1768 году войною съ Портою, надъ которою постоянныя побѣды произвели въ 1774 году миръ кучукъ-кайнарджскій. Занятіе Крыма вооружило Порту въ 1787 году и въ слѣдующемъ году Швеція приступила къ сторонѣ Турокъ. Въ 1790 году верелскій миръ прекратилъ шведскую войну, такъ, какъ Ясскій мирній трактатъ въ настоящемъ году—Турецкую.

Конецъ I-го тома.

PG
3317
.M8
1847
v.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

PG
331
.M8
184
v.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305